Крауч Блейк

Пустошь

* * *

В каждом из нас живет другой.

И этот другой – убийца…

Посвящается моим родителям, Клэю и Сюзен Краучам

Слова благодарности

С самого начала я был в хороших руках. Линда Аллен дала мне веру и поддержку и обеспечила прочный фундамент. Она – потрясающий литературный агент и замечательный друг. Марсия Маркленд произвела незабываемое впечатление своей редакторской работой. Блэнд Симпсон, величайший писатель всех времен, первым поверил в меня. С его литературным талантом может сравниться только щедрое великодушие по отношению к ученикам. Мэри Элис Кир и Анна Коттл оказались просто потрясающими, и я признателен им за то, что они были рядом. Диана Су проявила себя настоящим супергероем. Доктор медицинских наук Сэм Стаут, доктор медицинских наук Тед Вэнс, Майкл Джеймс и Марианна Фьюирер поделились своими познаниями в медицине и фармацевтике, ответив на несколько заковыристых вопросов. Пол Лоури стал для меня энциклопедией огнестрельного оружия. Мирна Вуархей рассказала мне о скотоводстве в Пайндейле, а доктор биологических наук Сандра Л. Митчелл любезно предоставила сведения о флоре и фауне высокогорных пустынь округа Саблетт, штат Вайоминг. Доктор филологических наук Ричи Кэндолл, еще одно светило из Университета Северной Каролины, помог решить вопрос, связанный с Шекспиром. Все ошибки, преувеличения и неточности всецело лежат на моей совести. В этот величайший момент, когда работа близится к завершению, меня переполняют теплые чувства к моим родителям Клэю и Сюзен Краучам. Мой брат Джордан предлагает замечательные названия для моих книг, хотя ему самому они не нравятся. Он великолепный парень, и он станет писателем. Что касается жены, мое везение не поддается никаким оценкам. Ребекка, твои любовь и дружба ведут меня вперед. И, наконец, признательный кивок Памеле Бамгарнер, которая поддерживала во мне огонь творчества в непростое время.

Поэтому пугаете напрасно

Тем, что миры безмерны и безгласны

И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,

Пространства столь же пусты и ужасны[1].

Часть первая

Глава 1

В тот чудесный майский вечер я сидел за письменным столом, наблюдая за тем, как солнце садится за озером Норман. До этого момента день был просто превосходным. Я встал в пять утра, как обычно, и, как всегда, приготовил на завтрак омлет и миску свежих ананасов. В шесть часов я уже сел за работу и не останавливался до полудня. Я пожарил двух краппи, которых поймал накануне вечером, и только сел обедать, как мне позвонил мой литературный агент. Когда я завершаю работу над книгой, все мои дела берет на себя Синтия. У нее было для меня несколько сообщений, из них лишь одно действительно важное: переговоры об экранизации моего последнего романа «Синее убийство» завершились. Разумеется, это была хорошая новость, но по моим книгам уже сняты два фильма, так что я к этому привык.

До вечера я работал в своем кабинете и покинул его в половине седьмого. Окончательное редактирование своей последней рукописи, еще не имеющей названия, я собирался завершить завтра. Я устал, но надо было закончить, ибо в течение недели на книжных полках должен был появиться мой новый триллер «Поджигатель». Я наслаждался истощением, следствием целого дня работы. Руки мои болели от клавиатуры, глаза слезились от долгого напряжения. Выключив компьютер, я откатился от стола в кресле на колесиках.

Выйдя из дома, я направился по длинной дороге, вымощенной щебнем, к почтовому ящику. За целый день я впервые оказался на улице, и резкий солнечный свет, проникающий сквозь ряды высоких сосен, обрамляющих дорожку с обеих сторон, обжигал мне глаза. Царила полная тишина. В пятнадцати милях к югу Шарлотт все еще «стоял» намертво, закупоренный сплошной пробкой вечернего часа пик, и я порадовался тому, что не являюсь частью этого безумия. Слушая хруст камешков под ногами, я мысленно представил себе своего друга Уолтера Лансинга, кипящего от злости в своем «Кадиллаке». Сейчас он должен был проклинать последними словами непрерывный гул клаксонов и сплошную вереницу задних габаритных огней, медленно тащась домой к жене и детям от редакции выходящего раз в квартал журнала «Турист», посвященного природе… Нет, это определенно не для меня. Я предпочитаю одиночество.

В кои-то веки почтовый ящик не оказался заполнен под завязку. Внутри лежали два конверта: один со счетом, другой чистый, если не считать напечатанного адреса. Почта от поклонников.

Вернувшись в дом, я смешал коктейль и отправился на веранду с почтой и книгой по криминальной патологии. Устроившись в кресле-качалке, разместил все, кроме коктейля, на стеклянном столике и уставился на воду. Задний дворик небольшой, а по краям его раскинулся на четверть мили в обе стороны густой лес, ограждающий от ближайших соседей мой дом, где я живу на протяжении вот уже десяти лет. Весна в этом году пришла только в середине апреля, поэтому в сплошной зелени различных оттенков тут и там еще виднелись белые с розовым цветки кизила. Сочная трава сбегала к потемневшему от непогоды деревянному причалу у самой кромки воды, где вдоль берега росли плакучие ивы, опустившие в воду кончики своих ветвей.

В том месте, где озеро примыкает к моему поместью, оно имеет в ширину больше мили, и дома на противоположном берегу видны только зимой, когда деревья сбрасывают покрывало листвы. Поэтому сейчас, в самый разгар весны, когда ветви покрылись нежной зеленью, озеро принадлежало мне одному, и я чувствовал себя единственной живой душой на многие мили вокруг.

Поставив недопитый стакан на столик, я вскрыл первый конверт. Как и ожидалось, в нем оказался счет от телефонной компании, и я внимательно изучил внушительный список звонков. Закончив, отложил счет и взял второй конверт. Марки на нем не было, что показалось мне странным. Вскрыв конверт, я достал лист белой бумаги и развернул его. Посредине черными чернилами был напечатан один абзац:

Привет! На твоей земле погребен труп, покрытый твоей кровью. Несчастную молодую даму зовут Рита Джонс. Не сомневаюсь, ты видел лицо этой пропавшей без вести учительницы в выпусках новостей. В кармане ее джинсов ты найдешь клочок бумаги с номером телефона. У тебя есть один день, чтобы позвонить по этому номеру. Если завтра (17 апреля) до 20.00 ты не свяжешься со мной, в полицейское управление Шарлотта поступит анонимный звонок. Я сообщу, где именно во владениях Эндрю Томаса зарыт труп Риты Джонс, как она была убита и где в доме находится орудие убийства. (Насколько мне известно, с кухни пропал разделочный нож.) Ради твоего же блага я надеюсь, что мне не придется делать этот звонок. На месте могилы я оставил знак. Просто иди вдоль берега к южной границе имения, и ты его найдешь. Настоятельно советую не обращаться в полицию, поскольку я непрерывно наблюдаю за тобой.

Легкая улыбка тронула мои губы. Я даже иронично хмыкнул. Поскольку я пишу о преступлениях и насилии, мои поклонники нередко демонстрируют извращенное чувство юмора. Я получал угрозы, выразительные рисунки и даже сообщения от людей, утверждающих, что совершили убийства в духе тех, которые были описаны в моих романах. Но все же это письмо я решил сохранить. Столь оригинальное послание я еще не получал.

Я еще раз перечитал письмо, однако теперь у меня возникло неприятное ощущение, вызванное в первую очередь тем, что автор продемонстрировал определенное знание расположения моего поместья. Кроме того, разделочного ножа на кухне действительно не оказалось. Аккуратно сложив письмо, я убрал его в карман жилета армейского образца и спустился с крыльца к тропе, ведущей к озеру.

* * *

Солнечные лучи пробивались сквозь дымку, раскрашивая горизонт на западе потеками пролитой краски. Я постоял на берегу озера, глядя на лакированную водную гладь, насыщенную сочными оранжевыми, темно-красными и пурпурными тонами. Казалось, столкнулись вместе два заката.

Вопреки здравому смыслу я двинулся вдоль берега на юг и вскоре уже ступал по шуршащему пологу листвы. Пройдя около одной восьмой мили, остановился. Под ногами, среди россыпи розовых цветов горного лавра, я увидел маленький красный флажок, закрепленный на куске ржавой железной проволоки, воткнутом в землю. Флажок трепетал на ветру, дующем со стороны воды. Несомненно, это шутка, подумал я, и чертовски хорошая.

Я разгреб опавшую листву, окружавшую отметку, и у меня гулко заколотилось сердце. Земля под флажком была плотно утрамбована – нетронутая почва выглядит совсем не так. Когда я убрал все листья, моему взору открылся даже частичный отпечаток ноги.

Сбегав в дом, я вернулся с лопатой. Поскольку земля уже была перекопана, первые полтора фута, прямо под отметкой, дались мне легко. На глубине двух футов острие лопаты воткнулось во что-то мягкое. У меня замерло сердце. Отбросив лопату, я упал на четвереньки и принялся разгребать землю руками. Мне в нос ударило зловоние, и, по мере того как я копал, оно становилось все сильнее.

Мои пальцы наткнулись на плоть. В ужасе отдернув руки, я отпрянул от ямы. Поднявшись на ноги, уставился на лодыжку цвета кофе с молоком, едва проступающую под тонким слоем земли. Запах разложения стал невыносимым. Дыша только ртом, я снова взялся за лопату.

Когда тело полностью открылось и я увидел то, что сделал с человеческим лицом месяц пребывания в земле, меня вывернуло на пожухлую листву. Я наивно полагал, что, поскольку пишу о таких вещах, нервы у меня должны быть крепкими. Изучая жуткую работу серийных убийц, я осмотрел бесчисленное количество изуродованных трупов. Но еще ни разу мне не приходилось вдыхать запах разложившейся в земле человеческой плоти, видеть насекомых, копошащихся во влажных полостях…

Совладав с собой, я зажал ладонью рот и нос и снова заглянул в яму. Лицо было обезображено до неузнаваемости, но тело, несомненно, принадлежало невысокой чернокожей женщине, пухленькой, с довольно полными ногами. На ней была футболка, когда-то белая, теперь же перепачканная кровью и грязью. На груди в ткани зияла большая дыра, как раз напротив сердца. Обрезанные джинсы закрывали ноги до коленей. Снова опустившись на четвереньки, я задержал дыхание и протянул руку к карману. Ноги убитой раздулись, распухли, и мне с большим трудом удалось просунуть руку в узкие джинсы. Ничего не найдя в первом кармане, я перешагнул через яму и проверил второй. Засунув руку внутрь, вытащил листок от «гадального печенья»[2] и откинулся назад, жадно вдыхая полной грудью свежий воздух. На одной стороне был записан номер телефона, на другой – «В ЭТОЙ ПУСТЫНЕ ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ЦВЕТОК МЕДИТАЦИИ».

Через пять минут труп вместе с флажком был снова зарыт в землю. Я принес с берега осколок гранита и установил его на примятую землю. Затем вернулся в дом. Времени было без четверти восемь, и небосвод уже погас.

Два часа спустя, сидя на диване в гостиной, я набрал номер телефона, написанный на листке. Все двери в доме были заперты, горел почти весь свет, а на коленях у меня лежала холодная гладь нержавеющей стали револьвера калибра.357.

В полицию я не позвонил только по одной веской причине. Возможно, утверждение о том, что на убитой есть моя кровь, было ложью, однако разделочный нож пропал уже несколько недель назад. Поиски Риты Джонс, которые велись управлением полиции Шарлотта, занимали ведущее место в выпусках новостей. Если ее труп будет обнаружен в моих владениях, если выяснится, что она была убита моим ножом – возможно, с моими отпечатками пальцев, – этого будет более чем достаточно, чтобы предъявить мне официальное обвинение. Я изучил достаточное количество судебных процессов по убийствам и прекрасно это понимал.

Услышав в трубке первый гудок, я поднял взгляд на сводчатый потолок гостиной, посмотрел на черный рояль, на котором так и не научился играть, на мраморный камин, на разрозненные произведения искусства, украшающие стены. Женщина по имени Карен, с которой я встречался на протяжении почти двух лет, убедила меня купить полдюжины произведений одного недавно умершего минималиста из Нью-Йорка, подписывающего свои работы «Ломан». С первого взгляда этот Ломан не произвел на меня никакого впечатления, но Карен заверила меня, что со временем я его «пойму». И вот теперь, расставшись с двадцатью семью тысячами долларов и очередной невестой, я смотрел на уродство размером десять на двенадцать футов, висящее над камином: холст бурого поносного цвета, с желтым шаром размером с баскетбольный мяч в правом верхнем углу. Помимо «Коричневой композиции № 2», стены моего дома украшали еще четыре похожих шедевра этого гения живописи, но их я еще как-то мог терпеть. На стене внизу у лестницы красовалась «Игра» стоимостью двенадцать тысяч долларов – заключенная в стекло груда чучел животных, сшитых вместе в отвратительное скопление тел, при воспоминании о котором лицо у меня и сейчас залилось краской. Но я улыбнулся, и комок в груди, не дававший о себе знать с прошлой зимы, острой болью пронзил внутренности. Моя язва по имени Карен. Ты по-прежнему здесь. По-прежнему причиняешь мне боль.

Второй гудок.

Я скользнул взглядом по лестнице, поднимающейся к открытой галерее второго этажа, и закрыл глаза. Вспомнил вечеринку, устроенную всего неделю назад: гости смеются, говорят о политике и о книгах, заполняя тишину моего дома. Мысленно увидел наверху мужчин и женщин, облокотившихся на дубовые перила, взирающих сверху на гостиную, на бар, на кухню. Они приветственно поднимали бокалы, махали мне, улыбались…

Третий гудок.

Мой взгляд упал на фотографию матери – пять на семь дюймов, в стеклянной рамке, стоящую на обсидиане рояля. Мать была единственным членом семьи, с кем я поддерживал связь. Хотя у меня есть родственники на Тихоокеанском побережье, во Флориде, и довольно много в обеих Каролинах, я встречаюсь с ними редко – на свадьбах, похоронах и семейных сборищах, куда меня заставляет ходить вместе с ней моя мать. Но поскольку отца моего давно нет в живых, а с братом я не виделся тринадцать лет, семья для меня ничего не значит. Меня поддерживают мои друзья, и, вопреки расхожему мнению, я вовсе не отличаюсь тем затворническим духом, который мне приписывают. Друзья действительно мне нужны.

На фотографии мать сидела на корточках у могилы отца, пропалывая алые лилии, растущие в тени надгробия. В окружении цветов видно было одно только ее сильное, доброе лицо, сосредоточенное на том, чтобы навести порядок на последнем земном пристанище мужа под магнолией, на которую он меня учил залезать, получившуюся на снимке размытой зеленью листвы на заднем плане.

Четвертый гудок.

– Ты видел труп?

Судя по всему, мужчина говорил, обмотав телефон полотенцем. В его четком, отрывистом голосе не было ни чувств, ни колебаний.

– Да.

– Я выпотрошил ее твоим разделочным ножом и спрятал нож у тебя в доме. На нем полно твоих отпечатков пальцев. – Неизвестный откашлялся. – Четыре месяца назад доктор Сю делал анализ твоей крови. Пробирка потерялась. Помнишь, тебе пришлось приходить снова и сдавать кровь еще раз?

– Да.

– Это я украл пробирку. Часть ее содержимого – на белой рубашке Риты Джонс. Остальное – на других.

– Каких других?

– Я делаю всего один звонок – и ты проводишь остаток своих дней за решеткой, а то и получаешь высшую меру.

– Я только хочу…

– Заткни свою пасть! Ты получишь по почте билет на самолет. Готовься к вылету. Возьми с собой одежду и туалетные принадлежности и больше ничего. Прошлое лето ты провел на Арубе. Скажешь своим друзьям, что опять отправляешься туда.

– Откуда вам это известно?

– Я много чего о тебе знаю, Эндрю.

– У меня выходит книга! – взмолился я. – Назначены встречи с читателями. Мой литературный агент…

– Солги ей что-нибудь.

– Она не поймет, если я уеду просто так.

– Пошли Синтию Маттис к черту. Ты солжешь ей ради собственной безопасности, ибо если только у меня появится тень подозрения, что ты захватил кого-нибудь с собой или кто-то знает правду, ты отправишься в тюрьму или умрешь. Я гарантирую одно или другое. И надеюсь, что у тебя хватит ума не отслеживать этот номер. Телефон краденый.

– Как я могу быть уверен в том, что со мной ничего не случится?

– Никак. Но если после телефонного разговора с тобой у меня не будет абсолютной уверенности в том, что ты полетишь туда, куда я скажу, я сегодня же позвоню в полицию. Или навещу тебя, пока ты будешь спать. Тебе лучше убрать свой «Смит-и-Вессон».

Вскочив с места, я стремительно развернулся, сжимая револьвер в мокрых от пота руках. В доме стояла полная тишина, только колокольчики на столе тихо позвякивали, качаясь на ветру. Я выглянул в большие окна гостиной на черное озеро. В тронутой рябью поверхности отражались огни причала. В небольшой бухте вдалеке на причале Уолтера горел голубой огонек; мы называли его «фонарем Гэтсби». Мой взгляд прошелся по траве и опушке леса, но было слишком темно, и мне ничего не удалось разглядеть.

– В доме меня нет, – сказал неизвестный. – Сядь!

Я почувствовал, как у меня внутри вскипает что-то – злость и страх, бешеная ярость, порожденная несправедливостью.

– Изменение планов, – решительно заявил я. – Я заканчиваю разговор, набираю девять-один-один, и будь что будет. А ты можешь отправляться…

– Если чувство самосохранения не является для тебя достаточной мотивацией, есть одна пожилая женщина по имени Джанет. Я мог бы…

– Я тебя убью!

– Шестьдесят пять лет, живет одна. Думаю, она будет рада обществу. Ну, что ты думаешь? Мне нужно наведаться в гости к твоей матери, чтобы доказать серьезность своих намерений? О чем тут думать? Эндрю, скажи, что ты сядешь на этот самолет. Скажи так, чтобы мне сегодня ночью не пришлось навещать твою мать.

– Я сяду на этот самолет.

В телефоне раздался щелчок, и связь оборвалась.

Глава 2

Влажным душным утром 21 мая, когда первые крупные капли дождя упали на землю, я запер дверь своего дома на берегу озера и потащил здоровенную черную сумку к белому «Кадиллаку Девиль». Сидящий за рулем Уолтер Лансинг открыл багажник, и я забросил сумку внутрь.

– Черт побери, куда ты собрался? – весело спросил Уолтер, когда «Кадиллак» медленно покатил по дорожке.

Я позвонил ему три часа назад, объяснил, что мне нужно в аэропорт, попросил заехать за мной в половине одиннадцатого и положил трубку до того, как он успел хоть что-нибудь спросить.

– Мне нужно отъехать на какое-то время, – уклончиво сказал я.

– Куда? Ты набрал с собой много барахла.

Уолтер улыбался. Я чувствовал это по его тону, провожая взглядом свой дом, уплывающий назад в зеркале заднего вида.

– Просто отъехать, – сказал я.

– Ты нарочно напускаешь туману?

Его небритое лицо покрылось бисеринками пота, он провел пальцами сквозь короткие седые волосы. Уолтер оглянулся на меня, ожидая моего ответа. Иссиня-черные тучи пролились сплошной стеной дождя, вдалеке прогремел глухой раскат грома.

– Энди, что стряслось?

– Ничего. Я закончил книгу. Я устал. Мне нужно переменить обстановку – сам знаешь, что это такое.

Уолтер вздохнул, а я, отвернувшись к окну, уставился на мелькающие мимо деревья, слушая стук дождя по ветровому стеклу. Совсем недавно в машине ездила жена Уолтера Бет. Я чувствовал запах ее шампуня – сладковатый аромат можжевельника. У меня в ногах на коврике валялась розовая пилка для ногтей.

– Ты возвращаешься на Арубу? – спросил Уолтер.

– Нет. – Я не хотел врать без особой нужды.

– Значит, я так понял, Синтии ты тоже ничего не сказал.

Я покачал головой.

– «Поджигатель» выходит из печати. Синтия будет в бешенстве!

– Вот почему я ей ничего не сказал. Она словно сержант из учебки. Позвони ей от моего имени, хорошо? Передай, мол, я сказал, что устал писать и мне нужно отдохнуть. Пусть не беспокоится.

– А когда Синтия спросит у меня, куда ты отправился?

– Скажешь ей, что знаешь только то, что это какой-то островок в южной части Тихого океана.

– Она решит, что я лгу.

– Это ее проблема. Она не твой агент.

– Пожалуйста, объясни мне, что происходит…

– Уолтер, не спрашивай.

Когда мы выехали на шоссе И-77 и повернули на юг, дождь лил как из ведра. Закрыв глаза, я медленно сделал вдох и выдох, пытаясь успокоить сердце, колотящееся так, будто я одну за другой выпил две чашки крепкого кофе. Мне хотелось вернуться назад. Турне в поддержку книги, а затем расслабленное безделье в уюте своего дома на берегу озера, пока лето будет вступать в свои права, – вот как я намеревался провести ближайшие месяцы.

– Позвони мне, – сказал Уолтер. – Или напиши. Просто дай знать, что у тебя все в порядке.

– Если у меня будет такая возможность, обязательно позвоню.

– Мне нужно разбирать твою почту и оплачивать счета?

– Да, я как раз собирался попросить тебя об этом.

– Энди, ты меня пугаешь, – сказал Уолтер.

Шелест щеток стеклоочистителя, скользящих туда и сюда, и гул двигателя стали оглушительно громкими. Я потыкал пальцем кнопки стеклоподъемника, но ничего не произошло. Уолтер забыл отключить защиту от детей.

Вдалеке на фоне пышной зелени плато Пидмонт появились очертания Шарлотта. Верхние этажи словно обезглавленных зданий терялись в сплошной пелене грозовых туч. Взглянув на меня, Уолтер попытался улыбнуться.

– Не сомневаюсь, у тебя все будет в порядке.

– Если честно, я сам не знаю. Вот в чем дело.

В одиннадцать часов мы подъехали к главному входу в международный аэропорт имени Дугласа. Мы вышли из машины, я достал из багажника свою сумку и закинул ее на плечо.

– Если хочешь, я тебя провожу, – предложил Уолтер.

– Нельзя.

Я обвел взглядом людей, входящих и выходящих в автоматические двери. Похоже, никому не было до нас никакого дела, поэтому я быстро достал из кармана сумки конверт из плотной бумаги и бросил его в багажник.

– Если я не вернусь к первому сентября, вскроешь конверт.

– Сентября?

– Уолтер, послушай. Никому ничего не говори. Если к назначенному сроку я не вернусь, ты поймешь, что делать с тем, что внутри. Я написал подробные инструкции.

Уолтер захлопнул багажник.

Наши взгляды встретились. Уолтер всмотрелся в мое лицо, сбитый с толку, встревоженный. Я оглядел его с ног до головы, чтобы сохранить в памяти его образ: он стоит в темно-сером костюме, без галстука, в белой хлопчатобумажной рубашке с двумя расстегнутыми пуговицами воротника. Мой лучший друг. Уолтер. Буду ли я, оглядываясь на это мгновение, проклинать себя за то, что не принял твою помощь? О господи!

– Увидимся, – сказал я.

Похлопав Уолтера по плечу, я прошел в аэропорт.

* * *

Прильнув к круглому иллюминатору, я рассудил, что самолет летит над Великими равнинами. Даже находясь на высоте нескольких миль над землей, я видел лишь бурый океан, простирающийся от одного горизонта до другого. Я сидел в мягком кресле салона первого класса, не пристегнутый ремнем безопасности. Из-за занавески, отделяющей меня от основного салона, доносился недовольный гомон сотни несчастных, летящих экономклассом. Я не мог припомнить, когда в последний раз летал экономклассом, и в дополнение к страху, сопровождающему меня всю дорогу в Денвер, ощутил некоторое удовлетворение от этой роскоши.

* * *

Я вошел в здание аэровокзала. Окинув взглядом длинный коридор, заполненный спешащими пассажирами, увидел пожилого мужчину в темном мундире шофера, пристально смотрящего на меня. Он держал картонную табличку с моей фамилией, выведенной большими, тонкими печатными буквами. Я подошел к нему.

– Я Эндрю Томас, – сказал я.

Козырек фуражки шофера едва доставал мне до плеча. Он оглядел меня с ног до головы широко раскрытыми встревоженными глазами.

– Добро пожаловать в Денвер. Меня зовут Хирам, – проскрежетал мужчина, и внезапно его угрюмое, осунувшееся лицо растянулось в улыбке. – На улице вас ждет лимузин. Вы еще не получили багаж?

Я последовал за ним; для своего возраста он шел очень быстро и легко. Мы быстро добрались до ленты выдачи багажа.

Пока мы ждали мою сумку, я сказал:

– Вы знаете, куда меня везти?

– Да, сэр, – ответил Хирам.

– И куда же?

Он укоризненно нахмурился.

– Мистер Томас, мне сказали, что для вас это должен быть сюрприз. Я получил хорошие деньги за то, чтобы сохранить все в тайне, так что не требуйте от меня, чтобы я испортил вам этот сюрприз.

– Вы ничего не потеряете, – заверил его я, изобразив добродушный смех. – Наоборот, я заплачу вам вдвое больше того, что вы получили.

Рассмеявшись, Хирам покачал головой.

– Меня предупредили, что вы предпримете что-нибудь в таком духе. И попросили сообщить об этом – и тогда мне заплатят вдвое больше того, что обещали вы.

– Замечательно, – сказал я. – Забудем об этом. Пусть это останется в тайне. Никому ничего не говорите.

Увидев на транспортере свою сумку, я потянулся за ней, но Хирам перехватил мою руку.

– Нет, мистер Томас, это моя работа.

– Ну что вы, всё в порядке. Сумка тяжелая.

– Мистер Томас, мне хорошо платят за мою работу. Так что дайте мне ее выполнить.

Отстранив меня, он неуклюже стащил мою сумку с ленты транспортера.

– Внутри хрупкие предметы, – предупредил я. – Я хотел бы нести ее сам.

– Нет, – отрезал Хирам, направляясь к выходу.

– Стойте! – крикнул я, привлекая внимание пассажиров, ждущих свой багаж.

Хирам остановился. Подбежав к нему, я сорвал сумку с его плеча.

– Я сам ее понесу, – сказал я.

Хирам прищурил запавшие глаза.

– Мне нужно в туалет, – сказал я. – Я мигом!

Отыскав туалет, я втиснулся в кабинку. Усевшись на унитаз, открыл сумку и сразу же увидел, что в ней рылись, ибо моя одежда была смята. Порывшись, я достал со дна черный ящик с револьвером, который задекларировал на регистрации.

Я отпер и открыл ящик, достал «Смит-и-Вессон» калибра.357 и положил его поверх одежды. Отыскав под носками коробку с патронами, вскрыл ее и вставил в барабан пять патронов с пулями с полым наконечником. Затем, засунув револьвер за пояс и опустив сверху просторную зеленую футболку, убрал пустой ящик и коробку с патронами в сумку, застегнул ее и вышел из кабинки.

У писсуаров стояли трое, и я поспешил пройти мимо них. Если меня поймают, это тюрьма, думал я, пробираясь сквозь скопление людей назад к Хираму. Тяжелый револьвер, казалось, грозил вывалиться из брюк на пол.

Мы вышли из аэропорта, и Хирам провел меня к черному лимузину. Я отдал ему сумку, он уложил ее в багажник и открыл передо мной дверь. Я забрался внутрь, смутно ожидая найти там кого-нибудь. Но внутри никого не было – только безукоризненный серый салон лимузина.

После того как Хирам сел за руль и завел двигатель, он обернулся и сказал:

– Если вас это интересует, здесь есть мини-бар и телевизор. Если вам что-либо понадобится, мистер Томас, просто дайте мне знать.

Выехав со стоянки, Хирам направился прочь от аэропорта. Выглянув в сильно тонированное стекло, я увидел вдалеке на западе, за сверкающей лентой асфальта, бурую массу гор. Мне захотелось затеряться в них, спасаясь от той преисподней, которая меня ждала.

Глава 3

Час спустя я проводил взглядом черный лимузин Хирама, выехавший на автостраду, и направился назад в Денвер. Подхватив свою сумку, прошел в тень осины, растущей у конторы мотеля номер шесть. На палящем солнце казалось невозможным то, что на вершинах гор сверкает снег. В тридцати милях к западу за автострадой прямо из равнины, без предисловия каких-либо предгорий, вырастала первая гряда Скалистых гор, и хотя прямо над головой небо было ясно-голубым, над самыми высокими пиками громоздились грозовые тучи. В горах сверкали молнии, однако сюда раскаты грома не доносились.

Усевшись на траву в прохладной тени, я вскрыл конверт, который оставил мне Хирам. Прочитал записку, напечатанную тем же жирным шрифтом, что и предыдущая, и к горлу подступил клубок.

Ты должен читать это около двух часов дня в мотеле номер шесть на шоссе И-25 к северу от Денвера. Сними номер под именем Рэнди Снайдера и расплатись наличными. Будь готов завтра утром в 6.00 тронуться в путь.

Номер 112 оказался на первом этаже. Нервы мои были натянуты до предела, поэтому я заглянул в шкаф, в душ, даже под кровать – всюду, где мог прятаться человек. Убедившись в том, что я один, опустил шторы и запер дверь. После чего лег на кровать с револьвером и книгой и читал до самого вечера.

*** * ***

Где-то после девяти часов небо из темно-синего стало черным. Не в силах держать глаза открытыми, я заметил, как буквы на странице начали расплываться. Усталость брала свое, хотя я и гнал всеми силами сон прочь. Со стороны национального парка Роки-Маунтин волнами накатывались грозы, и каждые несколько секунд громыхал гром и сквозь шторы пробивалась вспышка молнии.

Поймав себя на том, что умираю от голода, я выскочил на улицу и купил в автомате пачку крекеров и две банки газированной воды. Когда я уже подходил к двери своего номера, небеса разверзлись проливным дождем и порыв ветра швырнул пыль мне в лицо. Открыв дверь, я остановился на пороге и оглянулся на стоянку. Там было только три машины, периодически видимые всего на одно мгновение, когда очередная молния разрывала небо желтовато-голубым взрывом электричества.

Закрыв дверь, я запер замок. Внизу экрана телевизора тревожной красной строкой бежало штормовое предупреждение. За несколько минут я расправился с крекерами и выпил газировку, и после того как мой желудок был удовлетворен, усталость окончательно сломила меня. Погасив свет, я снял кроссовки и забрался в постель. Ничто не могло помешать моим векам сомкнуться – даже сознание того, что мой враг идет сюда.

Под одеялом я чувствовал себя скованным, поэтому улегся поверх него и положил револьвер на прикроватный столик. Я дал себе слово, что просплю один час. Всего один час, не больше.

Небо содрогнулось от оглушительного раската грома – такого громкого, словно гроза бушевала прямо в моем номере. Открыв глаза, я увидел, что входная дверь качается взад и вперед, а над горами сверкают молнии. Я бросил взгляд на будильник: 3.15.

Сообразив, что дверь открыта, я потянулся к столику за револьвером, но моя ладонь нащупала лишь гладкую деревянную поверхность. Резкая боль пронзила мне левую руку, и я порывисто уселся в кровати. Опустив взгляд на пол, я вскрикнул. Там на четвереньках стояла какая-то черная тень.

Рот мой словно заполнился ватой, и я мог думать только о том, как бежать отсюда, прежде чем тень нанесет новый удар. Я попытался спрыгнуть с кровати с другой стороны и броситься к двери, однако ничего не получилось. Казалось, к рукам и ногам мне привязали тяжеленные камни. Даже пальцы отказывались повиноваться, и я упал назад, проваливаясь головой в мягкую подушку. Мои глаза начали закрываться, но я успел увидеть, как черная фигура поднялась и приблизилась к кровати. Она заговорила, обращаясь ко мне, однако слова расплылись.

Вспышка молнии, непроницаемый мрак…

** * **

Боль и темнота. Мягкая пульсация рессор на ровном асфальте. Приглушенные звуки джаза…

** * **

Открыв глаза, я увидел сплошную темноту. Руки были скованы наручниками за спиной, ноги связаны толстой веревкой, внутренности горели невыносимой жаждой. Сквозь пересохшие, растрескавшиеся губы я издал слабый крик. Появился полумесяц, огромный и желтый. Ко мне склонилась неясная человеческая тень, и я ощутил укол. Я застонал, и тень сказала: «Теперь уже совсем недолго». Снова наступила темнота…

** * **

Яркий солнечный свет проник сквозь мои веки. Лежа на спине, обливаясь по́том, я ощутил под собой мягкий матрас и подушку, поддерживающую голову. Руки и ноги мои больше не были связаны, поэтому я натянул на лицо одеяло, спасаясь от солнца.

Будь готов завтра утром в 6.00 тронуться в путь.

Усевшись в кровати, я поискал взглядом будильник. Я находился не в мотеле номер шесть.

В этой маленькой квадратной комнате моя кровать стояла вплотную к дальней стене. Сквозь единственное окно на уровне кровати в комнату проливался ослепительный солнечный свет. Окно перегораживали черные стальные прутья, и я догадался, что они предназначены для меня. Стены были сложены из грубых необработанных бревен, имеющих фут в поперечнике, а пол был каменный. Помимо кровати, вся обстановка состояла из прикроватного столика, одного стула и шаткого письменного стола, придвинутого к противоположной стене рядом с закрытой дверью. Придвинувшись к окну, я выглянул сквозь решетку.

Передо мной простиралась обширная полупустыня, совершенно плоская, покрытая скудной однообразной растительностью. Ни высоковольтных линий, ни мощеных дорог – вообще никаких следов цивилизации за пределами этой крошечной комнаты. Я почувствовал себя полностью одиноким. На бирюзовом небе не было ни облачка, и хотя воздух в комнате обладал приятной прохладой, по ослепительным лучам палящего солнца я заключил, что на улице настоящее пекло.

Отвернувшись от окна, я заметил на столе в противоположном углу листок бумаги. Спустив ноги на каменный пол, холодный, несмотря на жару, пересек комнату и взял листок.

Прежде чем мы встретимся, хочу указать на бесплодность любых попыток бежать, обмануть или уничтожить меня. Если откроешь средний ящик стола, ты найдешь конверт. Не поленись заглянуть внутрь.

Открыв конверт, я ахнул: фотографии меня, разрывающего могилу Риты Джонс, грубый план моего поместья на берегу озера с указанием местонахождения четырех трупов, три страницы отпечатанного текста с описанием подробностей убийств и разъяснением, в каком шкафу в моем доме можно найти разделочный нож. Также в конверте лежала газетная вырезка с отчетом о судебном процессе над человеком, чье имя (а также вся остальная информация, имеющая отношение к делу) было старательно замазано. Под заголовком мой враг написал от руки: «ЗА МОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НАКАЗАНИЕ НЕСЕТ НЕВИНОВНЫЙ». Я вернулся к письму.

Молитвы за мое здоровье и безопасность возымели свое дело, поскольку есть еще один конверт с планом, на котором указано местонахождение трупов, и пояснением, где находится нож. Через два месяца этот конверт будет доставлен в управление полиции Шарлотта. Если я этому не помешаю, ты, Эндрю Томас, отправишься за решетку. Людей осуждали на основании гораздо менее убедительных улик, чем есть у меня против тебя, и я уже отправил двух человек на смерть за свои преступления. (Тебе понравилась газетная вырезка?)

И последнее. Знай, что жизнь твоей матери зависит от твоего поведения здесь. Ну, а теперь у тебя за плечами долгое путешествие. Отдыхай сколько тебе будет угодно, а когда будешь готов узнать, зачем я привез тебя сюда, постучи в дверь.

Вернувшись на кровать, я прижался к зарешеченному окну и снова уставился на унылую, безжизненную пустыню. Мои глаза наполнились слезами. Если не считать гонимого ветром перекати-поля, разбрасывающего свои семена, все было неподвижно. Пустошь, мертвая земля, которая в другое время, возможно, показалась бы по-строгому красивой. Однако сейчас я находился в таком состоянии, что пейзаж за окном только усилил мрачное предчувствие. Вытерев глаза, я с гулко колотящимся сердцем подошел к двери.

Глава 4

В середине прочной деревянной двери была прорезана щель высотой шесть дюймов и шириной фут. Опустившись на корточки, я надавил на лист железа, закрывающий щель, но тот даже не шелохнулся. Поднявшись на ноги, я глубоко вздохнул. Я бесконечно устал, остро чувствовал голод. Не было никакой возможности определить, как долго я пролежал здесь без сознания. Мои руки, покрытые следами от уколов, болели.

Я робко постучал в дверь и вернулся на кровать. Послышались приближающиеся шаги, мягко ступающие на камень. Железный лист скользнул вверх, и я успел мельком увидеть соседнее помещение: книжные шкафы, картотека, белый керосиновый обогреватель, обеденный стол…

На место листа спустилась упаковочная пленка. За щелью стоял человек, но я смог разглядеть сквозь мутный пузырчатый полиэтилен лишь нечеткий силуэт.

– Подойди ближе, – сказал неизвестный.

Я медленно двинулся к двери. Когда я был в нескольких шагах от нее, он сказал:

– Стой! Повернись!

Я развернулся и стал ждать. Зашуршала полиэтиленовая упаковка, и я предположил, что неизвестный убрал ее и теперь изучает мое состояние. Через какое-то время он сказал:

– Подойди к двери.

Щель была проделана на уровне пояса, и я, приблизившись к двери, опустился на корточки и попытался в нее заглянуть, но неизвестный остановил меня.

– Нет, нет, не смотри на меня. Сядь спиной к двери.

Я повиновался. Хотя мне было жутко страшно находиться в непосредственной близости от своего врага, я заверил себя в том, что он притащил меня в эту пустыню не для того, чтобы убить сразу же, как только я приду в себя.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил неизвестный, и в его голосе я уловил искреннее беспокойство.

Не осталось ничего от того человека, который разговаривал со мной по телефону. В голосе звучали жужжащие нотки, как будто неизвестный использовал какое-то речепреобразующее устройство. Хотя голос казался мне знакомым, я никак не мог определить, кому он принадлежит; к тому же я не доверял своим органам чувств после того, как провел неизвестно сколько часов без сознания, в трясине наркотиков.

– Меня шатает, – как можно сдержаннее произнес я. У меня не было никакого желания выводить неизвестного из себя.

– Это пройдет.

– Ты написал эти письма? Ты убил учительницу?

– И да, и нет.

– Где я?

– Достаточно будет сказать, что ты посреди пустыни, и если вздумаешь бежать, умрешь от жажды и теплового удара задолго до того, как достигнешь границ цивилизации.

– Как долго я…

– Закончим с вопросами относительно твоего так называемого заключения. Я не скажу тебе, где ты находишься и сколько времени здесь пробудешь.

– А что ты мне скажешь?

– Ты здесь, чтобы получить образование. – Неизвестный помолчал. – Скоро ты все поймешь. Суть твоего обучения станет ясна в самое ближайшее время. Так что прояви терпение.

– Пожалуйста, могу я получить свои вещи?

Неизвестный вздохнул – первый признак раздражения, зреющего у него в груди.

– Мы обсудим это позже. – Но тотчас же его голос смягчился, потерял резкость. – Эндрю, притворись, что ты маленький ребенок. Крошечный, беспомощный ребенок. И прямо сейчас, в своей комнате, ты находишься в материнском чреве. Ты не знаешь, как пользоваться органами чувств, как думать, как рассуждать. Положись во всем на меня. Я научу тебя заново, как воспринимать окружающий мир. Первым делом я накормлю твое сознание. Обогащу его плодами самых блистательных мыслителей в истории человечества.

Белая рука просунулась в щель, отодвинув упаковочную пленку, и бросила на пол книгу.

Подняв книгу, я увидел, что это «Государь» в твердом переплете.

– Вот твоя первая трапеза, – продолжал неизвестный. – Макиавелли. Это настоящий гений. Бесспорно. Ты знаешь, кто такой Ганнибал, карфагенский полководец, разоривший Рим? Он провел свое войско через Альпы вместе с боевыми слонами.

– Я знаю, кто такой Ганнибал.

– Так вот, Ганнибал набирал свое войско по всему побережью Средиземного моря и в Восточной Европе, но что самое примечательное, между воинами не было распрей. Разные народы, разные вероисповедания, разные языки, но никаких распрей. И знаешь, что обеспечило этот мир? – спросил неизвестный. – По словам Макиавелли, «это можно объяснить только его нечеловеческой жестокостью, которая, вкупе с доблестью и талантами, внушала войску благоговение и ужас; не будь в нем жестокости, другие его качества не возымели бы такого действия». – Он умолк, и какое-то время я слышал только шум сухого, обжигающего ветра за окном и возбужденное дыхание своего тюремщика. – «Бесчеловечная жестокость», – повторил он. – Меня дрожь пробирает. – Его голос наполнился страстью, словно он обращался к своей возлюбленной: – Итак, сегодня же принимайся за чтение, и завтра мы обсудим книгу. Ты хочешь есть?

– Да, я умираю от голода.

– Хорошо. Я сейчас приготовлю ужин, а ты приступай к чтению. Надеюсь, жареные креветки с вермишелью тебе понравятся.

Убрав упаковочную пленку, неизвестный опустил на место железный лист, закрывая щель. Убедившись в том, что он ушел, я облегченно уронил голову и неподвижно застыл, одетый в белый махровый халат, уставившись невидящим взглядом в пол.

* * *

Маленькая лампа, прикрученная к стене, испускала тусклый свет, едва достаточный для того, чтобы различать буквы. Поскольку мою сумку тюремщик мне еще не вернул, очков у меня не было, и мне приходилось напрягать зрение.

Прочитав половину книги, я уронил ее на пол. Мне хотелось надеяться, что для неизвестного этого окажется достаточно. Когда я, протянув руку, погасил лампу, сквозь прутья решетки в комнату проник умиротворенный свет полной луны, мягкий и ровный. Мне было бы страшно провести здесь первую ночь в полной темноте новолуния.

Духота, накопившаяся в маленькой комнате за целый день палящего солнца, сделала воздух невыносимым, и хотя с наступлением ночи пустыня растеряла жар, в замкнутом помещении он оставался. Поэтому после захода солнца я открыл окно, и теперь в комнату проникала сухая прохлада ночной пустыни, заставляя меня укутаться тонким шерстяным одеялом.

Закрыв глаза, я прислушался. В открытое окно доносились крики сов и голоса койотов, тявкающих на луну, но они звучали где-то вдалеке. Со времени ужина я не слышал ни звука со стороны своего тюремщика. Ни шагов, ни дыхания – ничего.

На протяжении последнего часа дом наполняли звуки джаза. Сначала тихие, вкрадчивые, словно шепот, и я улавливал лишь утробный гул басов. Постепенно громкость нарастала, и вскоре в комнате уже пульсировал звон тарелок и шелестящие хлопки закрывающихся тарелок чарльстона, отмечающие слабые доли. Когда сквозь стену проникло крещендо пианино, трубы и саксофона, я внезапно узнал мелодию, которая вернула меня на двадцать лет назад, в другое время, в другую жизнь. Это были Майлз Дэвис, Джон Колтрейн, Джулиан Эддерли по прозвищу Пушечное Ядро, Пол Чемберс, Билл Эванс и Джимми Кобб, исполняющие All Blues, меланхоличный блюз в размерности 6/8 с альбома Kind of Blue 1958 года.

Вдруг музыку разорвал пронзительный крик. Усевшись в кровати, я вслушался. Еще один крик прозвучал в ночной темноте. Схватившись за железные прутья, я устремил взор в пустыню, но не увидел ничего, кроме простирающейся на многие мили полыни. И снова крик – женский, ближе, чем прежде.

В пятидесяти футах впереди по пустыне брела, шатаясь, фигура, судорожно ловя ртом воздух. Когда она оказалась напротив окна, слева показалась вторая фигура, массивная. Набросившись на маленькую фигуру, она повалила ее на землю под куст колючего саркобатуса.

Я услышал женский голос, плачущий, кричащий, умоляющий, но разобрать слова не смог. Массивная фигура нанесла удар ногой, затем опустилась на корточки, молотя руками.

Новые крики, еще громче, еще пронзительнее. Затем тишина.

Выпрямившись во весь рост, массивная фигура уставилась на землю. Потом размеренным шагом удалилась в том направлении, откуда пришла, волоча за собой за длинные черные волосы то, за чем гналась по пустыне. Я услышал шаги и шорох тела по земле. Ноги женщины все еще слабо подергивались.

Внезапно массивная фигура остановилась и повернулась ко мне. Лунный свет, голубоватый и сюрреалистичный, упал на лицо незнакомца.

Я застыл. В пустыне стоял мой брат Орсон, и он улыбался.

Глава 5

Над пустыней натужно расползся багровый рассвет, положив конец ужасной бессонной ночи. Я осознал, что отныне всякий раз, закрыв глаза, неизменно буду видеть мужчину в залитой лунным светом пустыне, волочащего по земле за волосы женщину.

Услышав приближающиеся шаги, я уселся в кровати. Лязгнул засов, и дверь распахнулась настежь, открывая мужчину, телосложением как у меня: худой, мускулистый, с такими же небесно-голубыми глазами. Похожий, но не в точности такой же; лицо у него было недостижимым идеалом для моего лица, более привлекательным в своих совершенных пропорциях. Он стоял в дверях, улыбаясь, и в противовес моим спутанным седеющим волосам его коротко подстриженные волосы полностью сохранили свой темный оттенок. В дополнение к сапогам из оленьей кожи и выцветшим голубым джинсам на нем была окровавленная белая футболка с пятнами пота под мышками. У меня смутно мелькнула мысль, где он успел так сильно вспотеть еще до того, как взошло солнце. Руки у него были сильнее моих; прислонившись к косяку, он агрессивно впился зубами в бордово-красное яблоко.

Я не мог вымолвить ни слова. Казалось, я видел перед собой не призрак любимого человека, а демона. Слезы обожгли мне глаза. Этого не может быть на самом деле. Этот жуткий человек не мой брат.

– Я так по тебе соскучился, – сказал Орсон, стоя в дверях.

Я лишь молча смотрел в его голубые глаза.

Орсон исчез из Аппалачского государственного университета, когда мы учились на первом курсе. Последний сохранившийся у меня в памяти образ – он стоит в дверях нашей комнаты в общежитии.

– Какое-то время ты меня не увидишь, – сказал Орсон тогда.

Так оно и было, с того самого дня и до этого момента. Полиция вынуждена была прекратить поиски. Орсон просто исчез. Мы с матерью наняли частных сыщиков: ничего. Мы опасались, его нет в живых.

И вот теперь Орсон «принес извинения».

– Я не собирался показывать тебе то, что ты видел прошлой ночью. Вероятно, это из-за того, что я воспользовался старой веревкой.

Я обратил внимание на свежие царапины у него на шее и лице. На щеках искрились блестки, и у меня мелькнула мысль, не с ногтей ли они той женщины.

– Хочешь позавтракать? – предложил Орсон. – Кофе на плите.

Меня передернуло от отвращения.

– Ты шутишь?

– Я хотел несколько дней присматривать за тобой, прежде чем открыться, но после вчерашней ночи… ну, на самом деле в этом больше нет смысла, ведь так?

У меня по спине струился пот.

Снова откусив кусок яблока, Орсон направился в короткий коридор.

– Идем со мной, – сказал он.

Спустившись с кровати, я последовал за ним, через весь дом. Ноги подо мной дрожали, словно готовые в любой момент расплыться лужицей на полу.

– Садись, – предложил Орсон, указывая на черный кожаный диван, придвинутый к левой стене.

Войдя в гостиную, я оглянулся. В конце узкого коридора две комнаты, бок о бок, составляли основу дома: моя – слева; справа – дверь без засова и железного щита, закрывающего щель посредине. В простенке между дверями висело небольшое полотно кисти Моне, изображающее лодку, скользящую под каменным мостом.

Стены гостиной от пола до потолка были заставлены книгами. Книги стояли на грубых полках, торчащих из бревен, и я был поражен разнообразием их названий. На одной из полок я увидел пестрые обложки пяти своих книг.

Брат прошел в противоположный конец комнаты, где была устроена крошечная кухня. На табуретке у входной двери стоял проигрыватель грампластинок, рядом высилась стопка дисков высотой фута в три. Оглянувшись на меня, Орсон улыбнулся и поставил иглу на пластинку. Из двух здоровенных колонок грянул Фредди Фрилодер, и я развалился на диване.

Под звуки музыки Орсон не спеша уселся на краешке дивана. Мне было не по себе от его взгляда, устремленного на меня. Я отчаянно тосковал по своим очкам.

– Как ты думаешь, теперь я могу получить свои вещи?

– О, ты имеешь в виду вот это? – Брат небрежно достал из кармана джинсов мой револьвер. – Я ведь сказал тебе захватить с собой «Смит-и-Вессон», разве не так?

Его голос наполнился холодным сарказмом, сузившиеся в точку глаза жгли меня насквозь.

– Извини, – с пересохшим языком произнес я, неуютно ерзая на диване. – Разве ты сам поступил бы не так же? Я хочу сказать, я ведь понятия не имел…

– Напрасно ты пытаешься поставить меня на свое место.

Подойдя к проигрывателю, Орсон снял иглу с пластинки. В полной тишине, воцарившейся в доме, он вышел на середину гостиной.

– Энди, ты все испортил. Я велел тебе захватить одежду и туалетные принадлежности, а ты притащил револьвер и коробку патронов. – Брат говорил рассеянным тоном, словно мы сидели на крыльце, наслаждаясь сигарами. – Нарушив мои инструкции, ты навредил нам обоим, и единственное, что приходит мне в голову, это наглядно продемонстрировать тебе, что ослушание не в твоих интересах. – Откинув барабан револьвера, Орсон показал мне пять пустых гнезд. – Ты оплошал один раз, поэтому мы зарядим один патрон.

Достав из кармана патрон, он вставил его в барабан.

Мне стало плохо от страха.

– Орсон, не надо!

– Энди, Энди, Энди! Никогда не учи человека с заряженным оружием, как он должен себя вести. – Крутанув барабан, Орсон взвел курок. – Позволь тебе объяснить, что это причиняет боль и мне, поскольку я не хочу, чтобы ты вообразил, будто я делаю все это ради забавы. Мне пришлось приложить много усилий, чтобы привезти тебя сюда, и если удача от тебя отвернется – а с вероятностью двадцать процентов патрон окажется напротив ствола и ты отправишься к праотцам, – все мои труды окажутся напрасными. Но я готов рискнуть, чтобы преподать тебе урок того, как важно следовать моим инструкциям.

Когда он направил револьвер мне в грудь, я непроизвольно поднял руки. Орсон нажал на спусковой крючок – щелчок, – после чего откусил кусок яблока. Я с трудом мог дышать. Я закрыл лицо руками, а брат снова поставил пластинку. Музыка зазвучала опять, Орсон вернулся на диван, отбивая ритм и с теплотой глядя на меня. Достав патрон из барабана, он положил револьвер на пол и плюхнулся рядом со мной. Я ощутил во рту кислый привкус тошноты. Мне показалось, меня вот-вот вырвет.

Твою мать, Орсон спятил! Меня ждет неминуемая смерть. Я в пустыне, один-одинешенек вместе с психопатом, своим родным братом. Своим долбаным братом.

– Энди, теперь ты можешь гулять по всему дому, а также выходить на улицу. Правда, сарай для тебя закрыт, и я каждую ночь буду запирать тебя в комнате, после того как ты ляжешь спать. Теперь тебе больше не надо справлять нужду в ведро. Душ у колодца за домом. Вода холодная, но ты привыкнешь. Электричество поступает от нового генератора, но я был слишком занят и не успел провести водопровод.

– Можно я прямо сейчас схожу в душ? – спросил я, с трудом совладав с голосом.

– Конечно. Но только всегда давай мне знать, когда выходишь из дома. У меня нет ни малейшего желания тебя искать.

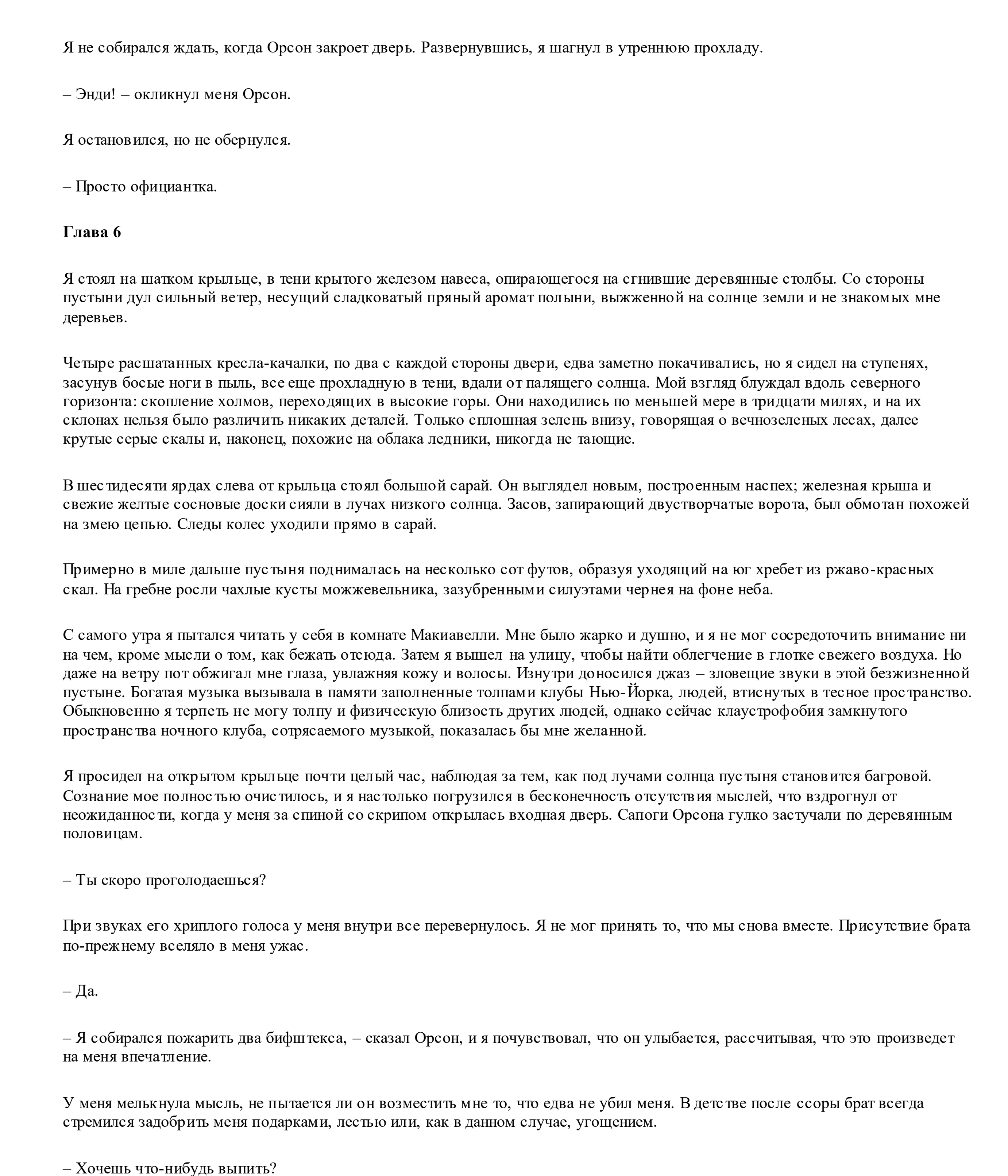
Не в силах унять дрожь, я вышел из комнаты и открыл дверь навстречу солнечному свету, расцветающему над ржаво-бурой пустыней. Поежившись, я плотнее укутался в белый махровый халат, который носил в течение последних двух дней. Когда я обернулся, чтобы закрыть дверь, на пороге стоял Орсон.

– Мне тебя не хватало, – сказал он.

Я посмотрел на него, и на какое-то мгновение он стал беззащитным, словно тот брат, которого я любил, когда мы оба были маленькими. Его взгляд умолял о чем-то, однако я находился не в том состоянии, чтобы угадывать желания.

– Кто она? – спросил я.

Орсон прекрасно понял, кого я имею в виду, но ничего не сказал. Мы просто смотрели друг на друга – разжигая родственную связь, крепко спавшую много лет и почти умершую. И все-таки горючий материал в нас еще оставался.

Я не собирался ждать, когда Орсон закроет дверь. Развернувшись, я шагнул в утреннюю прохладу.

– Энди! – окликнул меня Орсон.

Я остановился, но не обернулся.

– Просто официантка.

Глава 6

Я стоял на шатком крыльце, в тени крытого железом навеса, опирающегося на сгнившие деревянные столбы. Со стороны пустыни дул сильный ветер, несущий сладковатый пряный аромат полыни, выжженной на солнце земли и не знакомых мне деревьев.

Четыре расшатанных кресла-качалки, по два с каждой стороны двери, едва заметно покачивались, но я сидел на ступенях, засунув босые ноги в пыль, все еще прохладную в тени, вдали от палящего солнца. Мой взгляд блуждал вдоль северного горизонта: скопление холмов, переходящих в высокие горы. Они находились по меньшей мере в тридцати милях, и на их склонах нельзя было различить никаких деталей. Только сплошная зелень внизу, говорящая о вечнозеленых лесах, далее крутые серые скалы и, наконец, похожие на облака ледники, никогда не тающие.

В шестидесяти ярдах слева от крыльца стоял большой сарай. Он выглядел новым, построенным наспех; железная крыша и свежие желтые сосновые доски сияли в лучах низкого солнца. Засов, запирающий двустворчатые ворота, был обмотан похожей на змею цепью. Следы колес уходили прямо в сарай.

Примерно в миле дальше пустыня поднималась на несколько сот футов, образуя уходящий на юг хребет из ржаво-красных скал. На гребне росли чахлые кусты можжевельника, зазубренными силуэтами чернея на фоне неба.

С самого утра я пытался читать у себя в комнате Макиавелли. Мне было жарко и душно, и я не мог сосредоточить внимание ни на чем, кроме мысли о том, как бежать отсюда. Затем я вышел на улицу, чтобы найти облегчение в глотке свежего воздуха. Но даже на ветру пот обжигал мне глаза, увлажняя кожу и волосы. Изнутри доносился джаз – зловещие звуки в этой безжизненной пустыне. Богатая музыка вызывала в памяти заполненные толпами клубы Нью-Йорка, людей, втиснутых в тесное пространство. Обыкновенно я терпеть не могу толпу и физическую близость других людей, однако сейчас клаустрофобия замкнутого пространства ночного клуба, сотрясаемого музыкой, показалась бы мне желанной.

Я просидел на открытом крыльце почти целый час, наблюдая за тем, как под лучами солнца пустыня становится багровой. Сознание мое полностью очистилось, и я настолько погрузился в бесконечность отсутствия мыслей, что вздрогнул от неожиданности, когда у меня за спиной со скрипом открылась входная дверь. Сапоги Орсона гулко застучали по деревянным половицам.

– Ты скоро проголодаешься?

При звуках его хриплого голоса у меня внутри все перевернулось. Я не мог принять то, что мы снова вместе. Присутствие брата по-прежнему вселяло в меня ужас.

– Да.

– Я собирался пожарить два бифштекса, – сказал Орсон, и я почувствовал, что он улыбается, рассчитывая, что это произведет на меня впечатление.

У меня мелькнула мысль, не пытается ли он возместить мне то, что едва не убил меня. В детстве после ссоры брат всегда стремился задобрить меня подарками, лестью или, как в данном случае, угощением.

– Хочешь что-нибудь выпить?

Господи, конечно хочу!

Обернувшись, я посмотрел Орсону в лицо.

– Если у тебя есть «Джек Дэниелс», я буду рад.

Сходив в дом, брат вернулся с неоткупоренной бутылкой этого замечательного теннессийского виски. Для меня это явилось величайшей радостью, подобно маленькому кусочку дома, и я почувствовал, как у меня забилось сердце. Открутив черную пробку, я отпил большой глоток, закрыв глаза и наслаждаясь жидким огнем, обжигающим горло. В это мгновение, принимая порцию виски в пустой желудок, я словно оказался за письменным столом у себя в кабинете, коротая вдвоем с бутылкой восхитительный каролинский вечер.

Я предложил бутылку Орсону, но тот отказался. Завернув за угол дома, он вернулся с мангалом, разжег угли, потом сходил в дом и принес блюдо с двумя толстыми кусками мяса, посоленными и поперченными. Проходя мимо меня, протянул блюдо и сказал:

– Плесни на мясо виски.

Я обильно полил мясо, и Орсон бросил куски на решетку. Вспыхнуло пламя, погасшее через пару секунд. Орсон подошел ко мне и сел рядом. Виски ударил мне в голову. Мы сидели словно два старинных друга, слушая, как шипит на углях мясо, наблюдая за багровеющим закатом.

Когда мясо поджарилось, мы взяли тарелки и прошли на крыльцо, где в углу стоял хлипкий столик. Орсон зажег серебряной зажигалкой две свечи, и мы молча принялись за ужин. Сидя напротив брата, я не мог избавиться от мысли: «Ты не можешь быть тем чудовищем, которое я видел в пустыне вчера ночью. Вот почему я сейчас сижу здесь, не испытывая страха. Каким-то образом я знаю, что это не можешь быть ты. Ты просто Орсон. Мой родной брат. Мой голубоглазый близнец. Я помню тебя маленьким мальчиком, милым, невинным мальчиком. Ты – не эта тварь из пустыни. Не этот демон».

Когда последние лучи солнца скрылись за пламенеющим горизонтом, меня охватило зловещее предчувствие. Дневной свет придавал мне ощущение уверенности, но теперь, в темноте, я снова почувствовал себя беззащитным. По этой причине после первого глотка я больше не прикасался к виски, боясь, что опьянение может быть очень опасным. Тишина за столом также действовала мне на нервы. Мы сидели в полном молчании вот уже двадцать минут, но я не собирался говорить. Что я могу сказать брату?

Какое-то время Орсон сидел, уставившись в свою тарелку, но затем он поднял взгляд на меня и откашлялся.

– Энди, ты помнишь мистера Хэмби?

Я не смог удержаться. Впервые за последние несколько дней мои губы тронула улыбка.

– Хочешь, я расскажу все так, как ты еще никогда не слышал? – спросил Орсон.

Я кивнул, и он подался вперед, выразительно раскрыв глаза, прирожденный рассказчик.

– Когда мы были маленькими, несколько раз в год ездили в деревню к бабушке. Дедушки не было в живых, и бабушка радовалась нашему обществу. Сколько нам было, когда это произошло? Лет девять, наверное? Будем считать, что девять…

Я почувствовал себя Орсоном; я знал, я надеялся на то, что долго это не продлится, однако, видит бог, в этот момент я чувствовал себя своим братом.

– А рядом с бабушкиным домом был яблоневый сад. Сад Джо Хэмби. Он был вдовец и жил один. Дело было в начале осени, к Хэмби в сад приходили школьники и прихожане из церкви, чтобы собирать яблоки и тыквы, покупать сидр и кататься в телеге с сеном.

Так вот, поскольку сад примыкал вплотную к имению бабушки, мы не могли устоять перед соблазном туда забраться. Мы воровали яблоки, лазали по тракторам, играли в стогах сена, сложенных в овинах. Но Хэмби вел себя как настоящий мерзавец по отношению к незваным гостям, поэтому нам приходилось совершать вылазки ночью. Мы дожидались, когда бабушка ляжет спать, после чего бесшумно выбирались из дома.

Итак, в ту октябрьскую ночь мы около девяти часов вечера покинули дом и перелезли через забор в сад Хэмби. Помню, светила полная луна, холода еще не наступили, но цикады и древесные лягушки уже спрятались, поэтому было очень тихо. Сбор урожая был в самом разгаре. Часть яблок уже сгнила, но остальные оказались превосходными. Мы гуляли по саду, вкушая сочные спелые плоды, согретые солнцем. Все было просто замечательно.

Хэмби принадлежала пара сотен акров, и в самом дальнем конце находилась грядка с тыквами. Мы о ней слышали, однако добраться до нее у нас не хватало духа. Так вот, стояла такая ночь, что мы чувствовали себя неуязвимыми. И вот мы доходим до конца сада и видим в лунном свете огромные оранжевые тыквы. Как ты помнишь, на ярмарке штата Хэмби получил за свои тыквы голубую ленту. Он умел выращивать эти чудовищные причуды природы весом сто фунтов.

Мы видим в конце дорожки его дом, все окна в нем темные, и мы бежим наперегонки к грядке. Наши взоры прикованы к стофунтовым гигантам. Наконец мы со смехом падаем посреди грядки, запыхавшиеся…

Орсон улыбнулся. Я тоже. Мы знали, что будет дальше.

– И вдруг всего в нескольких ярдах мы слышим громкий стон: «Как я ЛЮБЛЮ эту оранжевую киску!»

Фыркнув, я почувствовал, как виски обжег мне пазухи носа.

– Перепуганные до смерти, – продолжал Орсон, – мы оборачиваемся и видим мистера Хэмби, распластавшегося на громадной тыкве размером с черепаху с Галапагосских островов. Он спустил комбинезон до колен и – о боже! – в лунном свете обжимает эту штуковину. Болтает без умолку, шлепает ее, словно это голая задница, и то и дело прикладывается к кувшину с персиковым самогоном.

Конечно, мы приходим в ужас. Мы не понимаем, что он мертвецки пьян. Мы боимся, что, если попытаемся бежать домой, он нас заметит и погонится за нами, поэтому мы лежим на земле и ждем, когда он закончит и вернется в дом. Ну, через какое-то время Хэмби кончает… с тыквой, натягивает штаны и отправляется искать другую. Следующая размером меньше, Хэмби дырявит в ней отверстие буравом, опускается на колени и принимается за нее. У нас на глазах он отымел подряд пять тыкв, после чего упал и отрубился. И мы бежим через весь сад домой к бабушке. Нам тошно от яблок и от…

Я вижу эту ясную осеннюю ночь так же явственно, как сейчас вижу нас, сидящих здесь: мы перемахиваем через деревянный забор, оба в одинаковых комбинезонах и водолазках. Тогда мы еще хотели быть похожими друг на друга. Мы уверяли всех, что нас не различить, и это действительно было так… Интересно, теплится ли еще жизнь в этой связующей ниточке?

Когда Орсон закончил, у меня в глазах стояли слезы. Наш дружный смех тронул меня, и я позволил себе открыто взглянуть брату в лицо, пытаясь понять, что прячется у него за глазами. Однако вид царапин от ногтей у Орсона на щеке оживили в моей памяти жуткие крики той женщины, и я потерял мимолетное чувство уюта и ту легкость, с которой последние полчаса находился в обществе брата. Уловив перемену, Орсон перевел взгляд на черную пустыню вокруг.

Порыв ветра загасил свечи, оставив нас в темноте. К этому моменту на западном горизонте оставалась последняя багровая полоска, но и она погасла в тот самый момент, когда я ее увидел. Небо заполнилось звездами – их было в миллион раз больше, чем в небе загрязненного Восточного побережья. Над озером Норман даже в самые ясные ночи звезды кажутся смазанными, словно скрытыми за прозрачным шифоном. Здесь же они сияли над пустыней подобно крошечным лунам, а многие падали, расчерчивая небо.

– Мне холодно, – сказал я, потирая плечи, покрывшиеся мурашками.

Я почти не мог разглядеть Орсона – за столом виднелся лишь смутный силуэт.

Брат встал.

– Если тебе нужен душ, поторопись. Через пятнадцать минут я запру тебя в твоей комнате.

– Почему?

Орсон ничего не ответил. Собрав тарелки и стаканы, он ушел в дом. После его ухода я еще какое-то время сидел на крыльце, выискивая в небе метеоры. Наконец, протерев глаза, поднялся на ноги. Я испытаю облегчение у себя в комнате, один, не имея никаких других дел, кроме как читать и спать. Звон посуды в мойке заставил меня вздрогнуть. Я побежал босиком по теплой земле в душ.

Глава 7

Дни в пустыне потекли лениво. Солнце не теряло времени, разжигая на земле пожар, поэтому после десяти часов утра выходить на улицу становилось опасно. Жара была сухая и удушливая, и я оставался в прохладной тени своей комнаты или, если не был заперт, находил себе место где-нибудь еще в доме.

Недостатка еды не было. На самом деле я никогда в жизни не питался так хорошо. Морозилка была набита отборными кусками мяса, и каждый день Орсон готовил три роскошные трапезы. Мы угощались говядиной, лососем, телятиной, один раз даже омарами, а за ужином выпивали по несколько бутылок вина. Однажды я спросил брата, почему он ужинает по-царски, и он ответил: «Потому что я имею на это право, Энди. Мы оба имеем на это право».

Когда я заканчивал читать одну книгу, у Орсона уже была готова для меня следующая. После Макиавелли был Сенека, затем – Демокрит о борьбе с меланхолией. Хотя я каждый день прочитывал по целой книге, Орсон постоянно давил на меня, требуя, чтобы я читал еще быстрее. Я не мог понять, что, на его взгляд, я должен почерпнуть из этих классических сочинений, а он сам не спешил это прояснить.

Я не переставал ломать голову, перебирая все мыслимые способы бегства. Хотя я имел возможность просто уйти отсюда, об этом даже не было речи. У меня не было ни сил, ни снаряжения, чтобы пересечь пустыню пешком, к тому же даже не зная, в какую сторону идти. Я предполагал, что Орсон держит свое средство передвижения запертым в сарае. Поэтому я выжидал, строил план, собирался с духом, чтобы расправиться с братом. Я не стану действовать необдуманно, поддавшись порыву. Жизнь мою спасут только четкий, продуманный план и безукоризненное его исполнение.

Меня успокаивало ведение дневника. Через несколько часов после захода солнца, когда я заканчивал читать и Орсон запирал меня на ночь в комнате, я садился на кровать и кратко записывал события прошедшего дня. Я писал где-то с час, нередко дольше, иногда отвлекаясь на мысли об озере и доме. Я составлял пространное описание своего имения, воскрешая в безжизненной пустыне запахи и звуки озера Норман летом. Вне всякого сомнения, этот промежуток времени стал для меня самым любимым, и я считал его своим оазисом. Весь день я только о нем и думал – я жил ради этого. И к тому времени, когда я убирал ручку и бумагу в ящик стола и гасил свет, я нередко слышал плеск волн в озере, шелест деревьев на ветру…

При всем своем уважении к времени я знал только то, что на дворе конец мая. Поскольку во время похищения был накачан наркотиками, я не мог точно сказать, какое именно было число, когда я пришел в сознание уже в пустыне. Возможно, между той грозовой ночью в мотеле и моим пробуждением в этом деревянном домике минуло несколько дней. Поэтому я озаглавливал свои записи в дневнике как «День 1», «День 2», «День 3» и так далее, начиная с первого дня, когда я пришел в себя. Я не мог понять, что заставляет Орсона скрывать от меня, какое сегодня число. В моем нынешнем положении это обстоятельство казалось не имеющим никакого отношения к делу, совершенно бесполезным, однако пребывание в неведении не давало мне покоя.

Что касается местонахождения дома, я не имел об этом ни малейшего понятия. Это могло быть любое место к западу от Великих равнин. Я набросал карандашом пейзажи, открывающиеся с крыльца и из зарешеченного окна моей комнаты, в том числе горный хребет на северо-востоке и гряду бурых скал на севере. Я также зарисовал местную флору: полынь, перекати-поле, люпин и другие пустынные растения, которые повстречались мне во время вечерних прогулок.

Временами после захода солнца, когда в небе оставалась лишь последняя узкая полоска багрянца, я видел вдали стада антилоп и чернохвостых оленей. Их силуэты на фоне горизонта причиняли мне боль, поскольку я завидовал свободе этих животных, неторопливо скрывающихся из виду. Эти наблюдения я также заносил в дневник, вместе с данными о зайцах и мешотчатых крысах с длинными хвостами. Хотя мне ни разу не доводилось видеть сов-сипух, их пронзительные крики звучали на протяжении всей ночи, а в дневную жару высоко в небе кружились грифы-индейки. Я надеялся, что мои подробные описания когда-нибудь помогут мне снова отыскать эту пустыню. Но, сказать по правде, я не представлял себе, будет ли мне когда-либо позволено покинуть мою тюрьму.

* * *

Я лежал в кровати, не в силах заснуть. Я закончил писать дневник, было уже поздно, и Орсон отключил на ночь генератор, поэтому в доме стояла полная тишина. На улице в темноте лишь ветер нарушал ночное безмолвие. Я чувствовал, как он пытается протиснуться в щели между бревнами. Ветер не утихал ни на минуту.

На протяжении последнего часа мне не давало покоя одно воспоминание.

Нам с Орсоном по восемь лет, мы играем в лесу в окрестностях Уинстона-Салема, штат Северная Каролина, под выбеленным августовским небом. Как и многих детей, нас интересует дикая природа. Орсон ловит серую ящерицу, бегущую по гнилому бревну. Воодушевленный его находкой, я прошу брата положить ящерицу на землю, и тот с дьявольской ухмылкой выполняет мою просьбу. Я достаю из кармана увеличительное стекло. Солнце светит ярко, и на чешуйчатой спине ящерицы тотчас же

появляется ослепительное пятнышко. Сфокусированный солнечный луч прожигает насквозь живую плоть, и мы с Орсоном переглядываемся и радостно хохочем, наблюдая за тем, как ящерица корчится, пытаясь вырваться.

– Теперь моя очередь! – наконец говорит Орсон. – Ты держи ящерицу!

Мы мучим несчастное животное целый день. Когда мы вдоволь натешиваемся, я выбрасываю ящерицу в траву, но Орсон настаивает на том, чтобы забрать ее с собой.

– Теперь она принадлежит мне, – говорит он. – Она моя!

Глава 8

День 6 (после полуночи?)

Сегодня еще раз принял душ. Когда я бежал голый по раскаленной земле к колодцу, градусник показывал 95 градусов по Фаренгейту[3]. Я ненавижу эту ледяную воду. Кажется, ее температура всего на несколько градусов выше точки замерзания, и когда она проливается на мое тело, у меня перехватывает дыхание. Я вымылся как можно быстрее, но к тому моменту как я полностью смыл с тела мыло, меня уже колотил озноб.

После заката я захотел прогуляться в пустыне, однако Орсон запер меня в моей комнате. В окно я увидел, как коричневый «Бьюик» уехал на восток по едва различимой грунтовой дороге, прямой стрелой уходящей к самому горизонту. Он будет отсутствовать несколько часов. Без него я чувствую себя гораздо спокойнее.

Наверное, «Поджигатель» уже начал поступать в книжные магазины, и у Синтии уже как минимум девять язв. Я ее не виню. Со дня на день должно было бы начаться мое рекламное турне по двадцати городам. Придется отменять встречи с читателями, радиопрограммы, выступления по телевидению. Это отрицательно скажется на продажах; возможно, издательство разорвет со мной контракт… Но сейчас я не могу зацикливаться на этом. Все это мне неподвластно, и я только напрасно буду себя терзать.

Я по-прежнему читаю как сумасшедший. Последние два дня это были Эдгар По, Платон и Маккарти[4]. Я по-прежнему не понимаю, что так упорно хочет показать мне Орсон. Проклятие, я даже не уверен, что он знает это сам. Брат также проводит дни напролет за книгами, и мне хочется узнать, что он ищет на тысячах страниц печатного текста, не хочет ли найти какого-нибудь героя, какой-нибудь сюжет или философский смысл, который объяснит или оправдает то, что он видит в зеркале. Но, полагаю, он находит лишь крупицы утешения, подобно тому отрывку о жестокости из «Государя» или психопату судье Холдену из «Кровавого меридиана».

Я слышу вдалеке шум приближающейся машины. Орсон впервые оставил меня одного, и это тревожит. Впрочем, возможно, он просто отправился за продуктами. Спокойной ночи.

* * *

Я прошел от кровати к шкафу и положил ручку и бумагу в средний ящик. Прятать мой дневник от Орсона бесполезно. К тому же он проявил определенную пристойность в отношении моего литературного творчества. По крайней мере, мне кажется, что брат до сих пор не читал мой дневник. Он уважительно относится к тому, что называет «внутренними побуждениями», каковыми считает мою писанину.

Вернувшись в кровать, я пошарил рукой и загасил керосиновый фонарь, который последние несколько дней использовал вместо лампы. В открытое окно послышался стук захлопнутой двери машины. Я постарался заснуть к тому моменту, как Орсон войдет в дом.

* * *

Голос брата повторял шепотом мое имя: «Энди! Энди! Эндрю Томас!»

Я открыл глаза, но ничего не увидел.

Настойчивый шепот продолжался:

– Ну же, приятель, у меня для тебя сюрприз. Ну, точнее, для нас обоих.

Ослепительный луч фонарика выхватил лицо Орсона – улыбка между испачканными кровью щеками. Брат зажег лампу над кроватью. У меня заболели глаза.

– Пошли. Мы теряем лунный свет.

Положив фонарик на ночной столик, Орсон сдернул с меня одеяло. Выглянув в окно, я увидел высоко в небе луну. Я почти не спал, мне не удалось отдохнуть.

Достав из моей сумки, лежавшей раскрытой в углу, джинсы и футболку, Орсон швырнул их мне. Нетерпеливо расхаживая по комнате в темно-синем рабочем комбинезоне и сапогах с железными набойками, маниакально возбужденный, он напоминал ребенка в парке развлечений.

Убывающая луна заливала голубым сиянием, ярким, словно дневной свет, все вокруг – заросли полыни, скалы и даже Орсона. Мое дыхание вырывалось в холодный ночной воздух облачками пара. Мы направились к сараю, и я, приблизившись, увидел перед двустворчатыми воротами «Бьюик», стоящий задом к нам, передом к воротам. Номерной знак был снят.

Кто-то заколотил в ворота изнутри, затем послышалось краткое причитание:

– ПОМОГИТЕ!

Увидев, что я остановился, Орсон развернулся.

– Скажи, что мы будем делать, – просил я.

– Ты зайдешь вместе со мной в сарай.

– Кто там?

– Энди…

– Нет. Кто там…

Я уставился на двух-и-одна-восьмая-дюймовый ствол своего «Смит-и-Вессона» из вороненой стали.

– Иди первым, – приказал Орсон.

Я под прицелом прошел вдоль строения. Сарай оказался больше, чем я предполагал: стороны длиной в сорок футов, крутая железная крыша – вероятно, чтобы зимой ее не продавил снег. Если так, то мы находились где-то далеко на севере. Мы подошли к воротам, и Орсон остановил меня. Достав из кармана ключ, он вставил его в замок, оглянулся на меня и усмехнулся.

– Тебе нравится пахта?

– Да, – ответил я, не в силах понять, к чему он клонит.

– Она тебе всегда нравилась?

– Нет.

– Совершенно верно. Ты пил пахту, потому что ее пил отец, но со временем ты ее полюбил. Ну, лично я считаю, что вкус у нее как у мочи, но ты к ней пристрастился. То же самое будет и сейчас. Сначала это вызовет у тебя отвращение. Ты будешь ненавидеть меня еще сильнее, чем ненавидишь сейчас. Но постепенно ты привыкнешь. Ты полюбишь и это. Обещаю. –

Отперев замок, Орсон убрал ключ в карман. – Ни слова до тех пор, пока я тебе не скажу. – Улыбаясь, брат жестом предложил мне первому войти в сарай. – «Нечеловеческая жестокость», – прошептал он.

Я открыл дверь, и Орсон вошел следом за мной в сарай.

На полу посредине лежала женщина – с завязанными глазами, скованная наручниками, в кожаном ошейнике, прикрепленном цепью длиной пять футов к железному столбу. Столб был заделан в бетонное основание, а сверху он был приварен к балке перекрытия. Когда Орсон захлопнул дверь, женщина неловко поднялась на ноги и принялась бродить вокруг столба, стараясь определить, где мы находимся.

На вид ей было лет сорок пять. Светлые волосы с химической завивкой, излишне полноватая, в красной с серым тенниске и темно-синих брюках, белая кроссовка на одной ноге. Воздух в сарае был наполнен ароматом ее духов, из ссадины под повязкой на глазах вдоль носа стекала струйка крови.

– Где вы? Зачем вы все это делаете?

На самом деле ничего этого не происходит. Это представление. Мы играем в игру. Перед нами не человеческое существо.

– Проходи, садись, Энди, – сказал Орсон, указывая в дальний угол сарая.

Я прошел мимо железных полок с инструментом и уселся на зеленый складной стул у стены. Перед воротами валялась белая кроссовка, и у меня мелькнула мысль, зачем женщина ее сбросила. Она обратила в мою сторону свое залитое слезами лицо. Орсон подошел ко мне и встал рядом. Опустившись на корточки, он изучил блестящие стальные накладки на мысках сапог. Внезапно что-то стиснуло мне щиколотку.

– Извини, – пробормотал Орсон, – но я еще не доверяю тебе полностью.

Он надел мне на ногу кандалы, прикрученные к вбитому в пол здоровенному болту.

Засунув мой револьвер в глубокий карман комбинезона, брат направился к женщине.

– Зачем вы все это делаете? – снова спросила та.

Наклонившись, Орсон отер слезы с ее лица, двигаясь вслед за ней, так как она попятилась от него, обматывая цепь вокруг столба.

– Как тебя зовут? – мягко спросил он.

– Ш-Ширли, – ответила женщина.

– Ширли, а фамилия?

– Ширли Таннер.

Пройдя в противоположный конец сарая, Орсон взял две табуретки, стоявшие перевернутыми на полу. Он поставил их рядом, в пределах досягаемости цепи.

– Пожалуйста, – сказал он, подхватывая женщину под локоть, – присаживайся. – Когда они уселись, друг напротив друга, Орсон погладил ее по лицу, отчего она вся содрогнулась, словно от переохлаждения. – Ширли, пожалуйста, успокойся. Понимаю, тебе страшно, но ты должна перестать плакать.

– Я хочу домой! – дрожащим голосом, жалобно, по-детски прохныкала она. – Я хочу…

– Ширли, ты сможешь вернуться домой, – заверил ее Орсон. – Я просто хочу с тобой поговорить. Только и всего. В качестве пролога к тому, что будет дальше, позволь задать тебе несколько вопросов. Ширли, ты ведь знаешь, что такое пролог?

– Да.

– Конечно, это только догадка, но, глядя на тебя, я вижу человека, который проводит в обществе книг совсем мало времени. Я прав? – Женщина молча пожала плечами. – Что ты сейчас читаешь?

– Э… «Райский поцелуй».

– Это любовный роман? – спросил Орсон, и она кивнула. – О, извини, это не в счет. Понимаешь, любовные романы – это полное дерьмо. Пожалуй, и ты смогла бы написать такой. Кстати, ты в колледже училась?

– Нет.

– Среднюю школу окончила?

– Да.

– Ого! Ты меня чуть не напугала, Ширли.

– Отвезите меня домой! – взмолилась она. – Я хочу к мужу!

– Перестань скулить! – строго приказал Орсон, и у нее по щекам снова потекли слезы. Однако теперь он их уже не вытирал. – Сегодня с нами мой брат, – продолжал Орсон, – и для тебя это большое счастье. Он задаст тебе пять вопросов на любые темы: философия, история, литература, география, все что угодно. Тебе нужно будет правильно ответить по крайней мере на три из них. Ответишь – и я отвезу тебя назад. Вот почему тебе завязали глаза. Ты ведь не должна видеть мое лицо, если я собираюсь тебя отпустить, правильно?

Женщина робко покачала головой. Наклонившись к ней, Орсон понизил голос до шепота и заговорил ей на ухо, так, что я едва мог разобрать слова.

– Но если ты ответишь правильно меньше чем на три вопроса, я вырежу твое сердце.

Ширли застонала. Она неуклюже вскочила с табуретки, опрокинув ее, и попыталась бежать, однако цепь рывком бросила ее на пол.

– Встать! – рявкнул Орсон, поднимаясь с табуретки. – Если через пять секунд ты не будешь снова сидеть на месте, я посчитаю это непрохождением теста!

Ширли тотчас же поднялась с пола, и Орсон помог ей вернуться на табуретку.

– Успокойся, милочка, – сказал он, опять наполняя свой голос слащавыми нотками. – Соберись с духом, ответь на вопросы, и ты вернешься к своему мужу и… дети у тебя есть?

– Трое, – всхлипывая, ответила женщина.

– Уже утром ты будешь со своим мужем и тремя очаровательными детьми.

– У меня не получится! – проскулила она.

– В таком случае тебе придется испытать мучительную смерть. Все зависит от тебя, Ширли.

Единственная лампочка без абажура, освещавшая сарай, мигнула и погасла, и помещение погрузилось в темноту. Вздохнув, Орсон забрался на табуретку. Закрутив лампочку, он спустился и подошел ко мне.

– Валяй, Энди, – положив мне руку на плечо, сказал брат.

– Но… – Я судорожно глотнул. – Орсон, пожалуйста, не надо…

Наклонившись к моему уху, Орсон зашептал так, чтобы женщина не слышала:

– Задавай вопросы, иначе я прикончу ее у тебя на глазах! И это будет страшно. Ты сможешь зажмуриться, но слышать ты будешь всё. Вся пустыня услышит ее крики. Но если она правильно ответит на вопросы, я ее отпущу. Я не откажусь от своего обещания. Всё в ее руках. Вот в чем вся веселуха.

Я смотрел на несчастную, дрожащую на табуретке, чувствуя на плече руку брата. Правила здесь устанавливал Орсон, поэтому я задал первый вопрос.

– Назовите любые три пьесы Уильяма Шекспира, – натянуто произнес я.

– Отлично! – воскликнул Орсон. – Ширли, это ведь хороший вопрос?

– «Ромео и Джульетта»! – выпалила женщина. – Мм… «Гамлет».

– Замечательно, – насмешливо произнес Орсон. – Еще одну, пожалуйста.

Помолчав немного, женщина радостно воскликнула:

– «Отелло»! «Отелло»!

– Да! – захлопал в ладоши Орсон. – Один из одного. Следующий вопрос.

– Кто в настоящее время является президентом Соединенных Штатов?

Орсон хлопнул меня по затылку.

– Слишком простой вопрос, поэтому теперь спрошу я. Ширли, взгляды какого философа выражены в этой цитате: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом»?

– Я не знаю! Черт возьми, откуда мне это знать?

– Если б ты хоть сколько-нибудь разбиралась в философии, ты бы знала, что это Кант. Один из двух. Энди?

Взглянув на брата, я заколебался.

– Энди, задавай вопрос!

Я задумался.

– На каком холме был распят Иисус Христос?

Я бросил взгляд на Орсона, и тот одобрительно кивнул.

– На Голгофе, – слабым голосом произнесла женщина.

– Два из трех, – сказал Орсон, однако теперь в его голосе прозвучало недовольство.

– Четвертый вопрос. Когда…

– Теперь моя очередь! – перебил меня Орсон. – Ты сможешь задать последний вопрос, Энди. Ширли, на каком континенте находится государство Габон?

Женщина ответила быстро, словно знала это:

– В Европе.

– О нет. Сожалею. В Африке. На западном побережье.

– Не надо больше! – взмолилась женщина. – Я дам вам деньги! У меня есть кредитные карточки! У меня есть…

– Замолчи! – воскликнул Орсон. – Играй честно. Я ведь веду честную игру. – У него побагровело лицо, он заскрежетал зубами. Когда это прошло, он сказал: – Все сводится к последнему вопросу. Энди, надеюсь, ты придумаешь что-нибудь хорошее, потому что в противном случае у меня приготовлен замечательный вопрос.

– Темой будет история, – начал я. – В каком году была подписана Декларация независимости?

Закрыв глаза, я молился о том, чтобы Орсон пропустил этот вопрос. Прошло десять секунд.

– Ширли! – сказал Орсон. – Я вынужден просить тебя дать ответ.

Я открыл глаза, и у меня внутри все перевернулось. Женщина была вся в слезах.

– В… в тысяча восемьсот девяность шестом году? – неуверенно произнесла она. – О господи, в тысяча восемьсот девяность шестом?

– ЭЭЭЭЭХХХХХ! Сожалею, ответ неправильный. Это произошло в тысяча семьсот семьдесят шестом году.

Женщина повалилась на бетонный пол.

– Двух правильных ответов из пяти недостаточно, – сказал Орсон, подходя к ней.

Наклонившись, он развязал повязку и, скомкав ее, бросил в меня. Ширли упрямо не смотрела на него.

– Какая жалость, Ширли, – сказал Орсон, обходя вокруг лежащей на полу женщины, сжавшейся в клубок. – Последний вопрос был проще простого. Я не хотел, чтобы мой брат увидел, что я с тобой сделаю.

– Извините! – задыхаясь, воскликнула несчастная, отрывая от пола свое покрытое ссадинами лицо.

Она впервые подняла взгляд на Орсона, и меня поразило, какие у нее невероятно добрые глаза.

– Сэр, не делайте мне больно!

– Ширли, ты приносишь свои извинения.

Орсон прошел к трем длинным металлическим полкам, установленным стоймя в ряд вдоль стены. Со средней полки он взял кожаные ножны и серый точильный камень. Вернувшись назад, переставил свой табурет к стене, так, чтобы мы с Ширли не смогли до него достать. Усевшись, достал из ножен нож и подмигнул мне.

– Ширли! – вкрадчиво произнес Орсон. – Посмотри сюда, любовь моя! Я хочу кое-что у тебя спросить.

И снова женщина, подняв голову, уставилась на него, делая долгие астматические вдохи и выдохи.

– Ты способна оценить качественную работу? – спросил он. – Позволь рассказать тебе про этот нож.

Женщина забилась в истерике, однако Орсон не обращал никакого внимания на ее всхлипывания и мольбы. На какое-то время он забыл про меня, оставшись наедине со своей жертвой.

– Этот нож я приобрел у одного мастера из Монтаны, который сделал его по моему заказу. Невероятная работа. – Орсон принялся размеренно водить лезвием по точильному бруску. – Лезвие длиной пять с половиной дюймов, из углеродистой стали толщиной три миллиметра. Пришлось изрядно поломать голову, чтобы объяснить мастеру, где именно я намереваюсь применять этот нож. Потому что, видишь ли, нужно точно объяснить мастеру, для чего именно тебе нужен нож, чтобы он изготовил соответствующее лезвие. В конце концов я сказал этому типу: «Понимаешь, мне предстоит потрошить крупных

зверей». И, по-моему, это объяснение соответствует истине. Я хочу сказать, Ширли, я ведь собираюсь тебя выпотрошить. А ты разве не считаешь себя крупным зверем?

Ширли стояла на коленях, прижимаясь лицом к полу, и молилась. Я молился вместе с ней, а я ведь не верю в бога.

– Ну, должен сказать, я просто в восторге от того, как этот нож показал себя в деле, – продолжал Орсон. – Как можешь убедиться сама, лезвие с небольшими зазубринами, чтобы легче перереза́ть упругие грудные мышцы, но в то же время оно достаточно толстое, чтобы пробивать ребра. Должен сказать тебе, это редкое сочетание. Вот почему я заплатил за нож триста семьдесят пять долларов. Видишь рукоятку? Настоящая слоновая кость, купленная на черном рынке. – Он покачал головой. – Уникальный инструмент. Эй, Ширли, послушай, я хочу узнать твое мнение по одному вопросу. Посмотри сюда.

Женщина послушно подняла голову.

– Видишь эти пятна на лезвии? Они от кислот в мясе, которое я режу; вот я и подумал: поскольку я собираюсь тебя сейчас зарезать, тебе, наверное, будет жутко видеть эти пятна на лезвии и сознавать, что твое мясо также вскоре его испачкает? Или, наоборот, гораздо страшнее будет, если лезвие снова станет таким же сверкающим и гладким, как в тот день, когда я его только купил? Потому что, если это так, я возьму полировальную пасту и начищу лезвие до блеска.

– Не надо этого делать, – сказала Ширли, неожиданно усаживаясь на полу. Она посмотрела Орсону в глаза, стараясь быть храброй. – Я дам вам все, что вы хотите. Все что угодно. Только скажите.

Орсон прыснул.

– Ширли, – совершенно серьезным тоном произнес он. – Я изложу все так, чтобы ты поняла. Мне нужно твое сердце. Так вот, если после того, как я у тебя его вырежу, ты встанешь и уйдешь отсюда, я не стану тебя останавливать. – Орсон встал. – Энди, я пойду отолью. Развлеки ее в мое отсутствие.

Пройдя к двери, Орсон отпер ее и вышел на улицу. Я услышал журчание струи по стене сарая.

– Мэм, – задыхаясь, прошептал я. – Я не знаю, что делать. Я очень сожалею. Я хочу…

– Я не хочу умирать! – остановила меня женщина, глядя с мольбой мне в глаза. – Не дайте ему убить меня!

– Я прикован к полу. Я хочу вам помочь. Только скажите…

– Пожалуйста, не убивайте меня! – закричала женщина, не слушая меня. Она принялась раскачиваться взад и вперед на корточках, словно ребенок, страдающий аутизмом. – Я не хочу умирать!

Открылась дверь, и в сарай вернулся Орсон.

– Что ж, тебе не повезло, – сказал он, – потому что час настал.

Сжимая нож в руке, мой брат неторопливо направился к женщине. Та поползла прочь от него, передвигаясь на одних только коленях, поскольку руки у нее оставались скованы за спиной. Однако цепь неизменно останавливала ее. Орсон хихикнул.

– Нет! – пронзительно вскрикнула женщина. – Вы не сможете!

– А ты посмотри, – сказал Орсон, склоняясь к ней и занося нож.

– Орсон, прекрати! – крикнул я, чувствуя, как сердце подступает к горлу.

Увидев, что под съежившейся женщиной набежала лужица, Орсон с усмешкой оглянулся на меня.

Думай, думай, думай, думай!

– Ты… ты не можешь ее убить!

– Ты предпочитаешь сделать это сам? Мы не можем ее отпустить. Она знает наши имена. Видела наши лица.

– Не вырезай ей сердце, – прошептал я.

В моем голосе прозвучал стоящий в горле клубок слез.

– Я поступаю так со всеми и ни для кого не делаю исключений.

– Пока они еще живые?

– В этом вся прелесть.

– Ты сошел с ума! – крикнула Орсону женщина, но он пропустил ее слова мимо ушей.

– Только не сейчас, Орсон! – взмолился я, поднимаясь на ноги. – Пожалуйста!

– Отпустите меня! – крикнула Ширли.

– Сучка! – крикнул Орсон, ударяя ее в висок сапогом со стальной накладкой на мыске.

Она распласталась на полу.

– Откроешь рот еще раз – распрощаешься с языком. – Обернувшись, Орсон бросил на меня пылающий взор. – Замечательно, что ты здесь. Я хочу поделиться этим с тобой.

– Нет! – взмолился я. – Не трогай ее.

Оглянувшись на неподвижную жертву, Орсон снова посмотрел на меня.

– Предлагаю тебе выбор. – Подойдя к табуретке, он отложил нож и достал мой револьвер. – Ты можешь пристрелить ее прямо сейчас. Избавить от боли. – Приблизившись ко мне, Орсон протянул револьвер. – Вот. Зрелище того, как ты убьешь ее без боли, доставит мне такое же удовольствие, как если б я сам убил ее так, как хотел.

Когда он повернулся к Ширли, я заглянул в барабан. Револьвер был полностью заряжен.

– Ширли, вставай! Я же говорил, тебе повезло, что здесь мой брат.

Женщина не шелохнулась.

– Ширли, – повторил Орсон, направляясь к ней, – вставай!

Он пнул ее мыском, но она не двигалась. Орсон перевернул ее на спину. Висок был разбит, из уха сочилась кровь. Прижав два пальца к ее шее, Орсон подождал.

– Она мертва, – недоверчиво пробормотал он, оглядываясь на меня. – Нет, подожди, пульс есть! Он слабый, но есть. Я просто оглушил ее. Энди, вот твой шанс, – возбужденно промолвил он, отступая от женщины. – Всади в нее несколько пуль, пока она не пришла в себя! Целься в голову.

Я направил пистолет на брата.

– Брось мне ключи, – приказал я, но Орсон не двинулся с места.

Посмотрев на меня, он печально покачал головой.

– Это возвращает нас обратно к вопросу о доверии.

Я нажал на спусковой крючок, и револьвер выстрелил. Я стрелял снова и снова, наполняя сарай оглушительным грохотом. Облачко серого порохового дыма поднялось к балкам перекрытий. Наконец остался только сухой щелчок курка, ударяющего по стреляным гильзам.

Орсон даже не шелохнулся.

Выкатив глаза от изумления, я уставился на револьвер.

– Холостые, Энди, – сказал Орсон. – Я полагал, ты захочешь припугнуть меня, а ты без колебаний нажал на спусковой крючок. Вот это да!

Взяв с табуретки нож, он направился ко мне. Я бросил в него револьвер, целясь в голову, но промахнулся. Револьвер ударился в закрытую дверь.

– Она мертва, Энди, – сказал Орсон. – Я не собирался заставлять тебя смотреть на ее страдания. Только не в первый раз. И вот как ты мне отплатил? – Он был уже совсем рядом, с ножом в руке. – Меня так и подмывает всадить нож тебе в живот. Это желание практически непреодолимо. – Орсон толкнул меня на складной стул. – Но я этого не сделаю. Не сделаю.

Вернувшись к табурету, он положил на него нож и сходил за револьвером, лежащим на полу у двери. Подобрав револьвер, достал из кармана два патрона.

– Я бы сказал, что этот твой фокус является ошибкой номер два.

Вставив патроны, Орсон покрутил барабан. Остановившись, направил револьвер мне в грудь.

– Эти уже не холостые, – сказал он.

Щелчок.

Я увидел на лице брата облегчение.

– Не вынуждай меня делать это еще раз, – сказал он. – Мне не хотелось бы тебя убить. – Убрав револьвер в карман, он достал ключ от кандалов и толкнул его по полу ко мне. – Можешь воспользоваться моим ножом. Я вернусь за сердцем. Не оплошай. Положи тело на кусок пленки в углу. Иначе тебе придется отскабливать пол до самого Рождества.

Ко мне наконец вернулся дар речи.

– Орсон, я не смогу… – начал было я.

– У тебя есть четыре часа. Если к моему возвращению работа не будет выполнена, мы повторим нашу игру, но уже с тремя патронами.

Орсон распахнул дверь, и я увидел, что небо уже начинает багроветь. У меня мелькнула мысль, что сегодня рассвет не должен наступить. Он вообще больше не наступит никогда.

Орсон закрыл за собой дверь и запер ее. Я сжимал ключ в руке, но у меня не было ни малейшего желания освобождаться от оков. Как я смогу прикоснуться к Ширли? Лежа на холодном жестком полу, она смотрела на меня. Ее добрые глаза, широко раскрытые, оставались совершенно пустыми. Я был рад, что она умерла. Рад за нее.

Глава 9

Передо мной лежал человек. Всего несколько часов назад Ширли Таннер была со своей семьей. Наклонившись, я поцеловал ее в лоб.

– Извини, – прошептал я. – Ты не…

Держи себя в руках. Теперь тебе это не поможет. Ты не мог ее спасти; ты не сможешь вернуть ее к жизни. У меня на глазах произошло ужасное зло – психическое издевательство над женщиной. Я рыдал. Когда слезы наконец высохли, я взял себя в руки, вытер глаза и принялся за работу.

Много лет назад, когда у меня было время охотиться в горах Северной Каролины, я однажды освежевал и выпотрошил оленя, подстреленного в лесу неподалеку от охотничьего домика. Сейчас мне предстояло то же самое. Человек ничем не отличается от животного. Эта женщина ничего не почувствует. Мертвое остается мертвым, независимо от того, кто оно.

Работа оказалась трудной. Но если вам уже приходилось извлечь какой-нибудь внутренний орган из одного крупного животного, вы сможете повторить это с другим. Вот только все значительно усложняло лицо. Я не мог на него смотреть, поэтому натянул на голову убитой ее собственную тенниску.

Взошедшее солнце быстро прогрело сарай, и вскоре внутри стало настолько жарко, что я не мог думать ни о чем другом, кроме как о глотке холодной воды из колодца. Мучавшая меня жажда подстегивала работу, и когда послышался звук открывающейся двери, задолго до того как истекли четыре часа, я уже почти закончил свой жуткий труд. В сарай вошел Орсон, по-прежнему в комбинезоне. В открытую дверь я увидел утреннее солнце, уже ослепительно яркое. Предстоял еще один восхитительный безоблачный день. Прежде чем Орсон закрыл дверь, в сарай проскользнул ветерок, и его прикосновение было просто волшебным.

– Энди, улыбнись!

Щелкнул моментальный фотоаппарат. Меня пронзило понимание, что самый страшный момент моей жизни запечатлен на снимке.

Мой брат выглядел уставшим – его глаза были наполнены мрачной меланхолией. Оторвавшись от работы, я отложил нож. Поскольку почти всю работу я выполнил, стоя на коленях, они ужасно болели, и я уселся на красную пленку. Орсон обошел вокруг тела, изучая мою работу.

– Я решил, что ты, наверное, хочешь пить, – слабым, опустошенным голосом произнес он. – Дальше я закончу сам, если только, конечно, ты ничего не имеешь против.

Я молча покачал головой.

– Работа неплохая, – заметил Орсон, изучая вскрытое тело. Взяв нож, он вытер его о штанину. – Ступай вымойся.

Я поднялся на ноги, но брат остановил меня прежде, чем я успел сойти с куска пленки.

– Разуйся! – приказал он.

Опустив взгляд, я увидел, что стою в луже крови.

– Нам в любом случае придется сжечь всю одежду, так что раздевайся прямо здесь. Я обо всем позабочусь.

Раздевшись, я свалил одежду в кучу. Даже трусы и носки были в крови. Раздевшись догола, я увидел, что руки у меня красные по локоть, а лицо забрызгано кровью. И все же, все смоет холодный душ.

Подойдя к двери, я открыл ее. Хлынувший в сарай солнечный свет ослепил меня. Прищурившись, я обвел взглядом пустыню. Когда я шагнул на раскаленную землю, Орсон окликнул меня по имени, и я обернулся.

– Я не хочу, чтобы ты проникся ко мне ненавистью, – сказал он.

– А чего еще ты ждешь? После того как заставил меня смотреть на все это, а затем вынудил… резать ее?

– Мне нужно, чтобы ты понял то, что я делаю, – сказал Орсон. – Ты можешь постараться?

Я посмотрел на Ширли, неподвижную на куске пленки, с лицом, по-прежнему закрытым тенниской. Полная деградация. Я ощутил наворачивающиеся слезы, готовые разбить вдребезги то бесчувственное оцепенение, которое поддерживало меня на протяжении последних нескольких часов. Ничего не ответив, я закрыл за собой дверь. Через несколько шагов мои пятки уже

горели на раскаленном песке, и я побежал к колодцу. На стене душевой кабины был закреплен бак с краном. Наполнив из ведра бак, я открыл кран. Когда ледяная вода ударила о землю, я зарыл ступни в грязи. Волосы у меня на руках были испачканы засохшей кровью. В течение десяти минут я начисто отскабливал свою кожу, стоя под серебристой головкой душа, чуждым предметом в этой безжизненной пустыне, чувствуя, как ледяная вода струится мне на голову.

Выключив воду, я вернулся в дом и какое-то время постоял на крыльце, совершенно голый, дожидаясь, когда сухой обжигающий ветер высушит мое тело. Чувство вины, гнетущее и неумолимое, маячило на задворках моего сознания. Моя душа оставалась такой же грязной, какой и была.

Я увидел самолет, оставляющий инверсионный след на высоте нескольких миль над пустыней. Щурясь на солнце, всмотрелся в металлический цилиндр вдалеке, гадая: «Видите ли вы меня? Кто-нибудь смотрит на меня сейчас в крошечный иллюминатор? Видит ли он меня и то, что я совершил?» Самолет скрылся из виду, и я почувствовал себя как маленький ребенок – летний вечер, половина девятого, а я уже в кровати, остальные дети еще играют на улице, и я, слезами призывая сон, слышу их смех.

Из сарая вышел Орсон, держа на руках тело, завернутое в пленку. Отойдя в пустыню ярдов на пятьдесят, он бросил тело в яму. Ему потребовалось несколько минут, чтобы засыпать ее. Затем Орсон направился обратно к дому, и когда он приблизился, я заметил у него в руке маленький полиэтиленовый пакет.

– Оно там? – спросил я, когда он поднялся на крыльцо.

Молча кивнув, Орсон вошел в дом. Я последовал за ним. Он остановился у двери своей комнаты и отпер ее.

– Сюда тебе нельзя, – сказал Орсон, не открывая дверь.

– Я хочу увидеть, что ты с ним сделаешь.

– Я положу его в морозильник.

– Дай мне посмотреть твою комнату, – настаивал я. – Мне любопытно. Ты ведь хочешь, чтобы я понял?

– Сначала оденься.

Сбегав к себе в комнату, я быстро натянул чистые джинсы и майку. Когда я вернулся, дверь в комнату Орсона была открыта, и он стоял перед морозильником.

– Теперь я могу зайти? – спросил я, остановившись в дверях.

– Да.

Комната Орсона была больше моей. Справа от меня стояла низкая односпальная кровать, аккуратно заправленная красным покрывалом. У стены рядом с кроватью Орсон соорудил еще один книжный шкаф, гораздо меньше, но также набитый книгами. У дальней стены под незарешеченным окном стоял морозильник. Когда я приблизился к Орсону, он как раз открыл дверцу.

– Что там? – спросил я.

– Сердца, – сказал Орсон, закрывая морозильник.

– Сколько?

– Пока что еще недостаточно.

– Это трофей? – спросил я, указывая на газетную вывеску, приколотую к стене рядом с морозильником. Пробежав ее взглядом, увидел, что имена, даты и места замазаны черным маркером. – «Изуродованное тело найдено на строительной площадке», – прочитал я вслух. – Мама будет гордиться тобой.

– Когда ты делаешь дело хорошо, разве тебе не хочется, чтобы тебя признали?

Закрыв морозильник, Орсон прошел к кровати. Плюхнувшись на нее, вытянул руки и зевнул, после чего улегся на красное покрывало и уставился в стену.

– Вот так я себя чувствую, когда все заканчивается, – сказал он. – У меня в груди пустота. Вот здесь. – Он указал на сердце. – Ты не можешь себе это представить. Знаменитый писатель… Я хочу сказать, абсолютно ничего. Я живу в бревенчатом доме посреди пустыни, и это все. Вот пределы моего существования. – Он скинул сапоги, и на каменный пол просыпался песок. – Но я – это не только то, что лежит в морозильнике. Мне принадлежит то, что в нем. Теперь это мои дети. Я помню рождение каждого из них.

Я сел и откинулся на бревенчатую стену.

– Через пару дней депрессия пройдет и я снова буду чувствовать себя нормально, как и все вокруг. Но затем и это также пройдет, и там, где сейчас пустота, появится огонь. Испепеляющее желание сделать это снова. И я ему подчинюсь. И весь цикл повторится сначала.

Он посмотрел на меня умирающими глазами, и я постарался не проникнуться к нему состраданием. Но он был мой брат.

– Ты себя слышишь? Ты болен.

– Раньше я сам тоже так думал. Догмат стоицизма советует жить согласно своей природе. Тот, кто пытается быть чем-то таким, чем он на самом деле не является, уничтожает себя сам. Приняв свою природу, пусть жестокую, я примирился с собой. Перестал ненавидеть себя и то, что я делаю. Прежде после очередного убийства мне бывало гораздо хуже, чем сейчас. Я подумывал о том, чтобы свести счеты с жизнью. Но теперь я уже заранее готовлюсь к депрессии, и это позволяет мне значительно легче переносить отчаяние и чувство утраты. – Самоанализ повысил настроение Орсона. – Мне действительно лучше, Энди, когда ты рядом. Это весьма удивительно.

– Быть может, твоя депрессия порождается чувством вины, что вполне закономерно после убийства невинной женщины.

– Энди, – сказал Орсон, и голос его прозвучал веселее, что было свидетельством перемены темы, – я хочу рассказать тебе, что поразило меня, когда я прочитал твою первую книгу, которая, кстати, мне понравилась. Твои книги не заслуживают той критики, что им достается. Они гораздо глубже, чем просто ужастики. Так или иначе, прочитав «Убийцу и его оружие», я осознал, что мы с тобой занимаемся одним и тем же.

– Нет. Я пишу, а ты убиваешь.

– Мы оба убиваем людей, Энди. И то обстоятельство, что ты делаешь это словами, напечатанными на бумаге, не оправдывает того, что скрывается в твоем сердце.

– Между прочим, читателям нравится, как я рассказываю о преступлениях, – сказал я. – Если б у меня хорошо получалось сочинять научную фантастику, я бы занимался именно этим.

– Нет, для тебя в убийстве, в безумной жестокости есть нечто завораживающее. И ты удовлетворяешь эту страсть литературным творчеством. Я же удовлетворяю ее самим действием. Так кто же из нас живет в гармонии со своей природой?

– Между тем, как проявляется наша страсть, бесконечная пропасть, – возразил я.

– Значит, ты признаёшь, что у тебя страсть к убийству?

– Исключительно ради дискуссии. Но мои книги никому не делают больно.

– Так далеко я бы не заходил.

– И каким же образом мои книги убивают?

– Прочитав «Убийцу и его оружие», я почувствовал, что больше не одинок. Энди, ты знаешь, как мыслят убийцы. Почему они убивают. Когда десять лет назад у меня это началось, я был озадачен и напуган тем, что происходило в моем сознании. Я тогда был бездомным, проводил дни напролет в библиотеке. Я еще не приступил к действию, но огонь в груди уже разгорался.

– Где ты тогда находился?

Орсон покачал головой.

– В городе N. Я ничего не расскажу тебе о своем прошлом. Но каждое слово в твоей книге подкрепляло те чувства, которые я испытывал. Особенно ярость. Я хочу сказать, что тебе, для того чтобы описать отрицательного героя, необходимо было близкое знакомство с той яростью, с которой я жил. И, разумеется, оно у тебя было. – Он усмехнулся. – Как-никак ты мой брат-близнец. К сожалению, у меня не было твоего литературного дара, чтобы направить свою ярость в другое русло, поэтому людям пришлось умирать. Но твоя книга… она меня воодушевила. Если хорошенько задуматься, это весьма забавно. Оба мы страдаем одним и тем же заболеванием, но только тебя оно сделало богатым и знаменитым, а меня – серийным убийцей.

– Скажи мне вот что, – сказал я, и Орсон приподнялся на руке. – Когда это началось?

Он задумался, прокручивая мысль в голове.

– Восемь лет назад. Зимой тысяча девятьсот восемьдесят восьмого. Нам было по двадцать шесть лет, и это был последний год, когда я оставался бездомным. Как правило, мне приходилось спать на улице, поскольку я засиживался в библиотеке до девяти вечера, до самого закрытия, а к этому времени все ночлежки уже оказывались заполнены.

Если ты хочешь пережить холодную ночь без крыши над головой, нужно отправляться туда, где горят костры, – в промышленный квартал, рядом с железнодорожными путями. Там поблизости много складов, так что повсюду валяется различный деревянный мусор. Бездомные разводят костры в пустых бочках и поддерживают их до утра, когда снова открываются библиотеки и закусочные.

В ту конкретную ночь ночлежки были заполнены, поэтому после того, как библиотека закрылась, я направился на товарную станцию. Путь был неблизкий, мили две, а то и больше. По дороге туда мне становилось все хуже и хуже. Меня охватила ярость. В последнее время мне уже много раз приходилось идти этой дорогой. Особенно по ночам. Я ловил себя на том, что ругаюсь вслух и громко кричу. Я снова и снова прокручивал в голове эти образы. Сосредоточиться было невозможно. Я не знал, что со мной происходит.

Так вот, я прошел к станции, и там повсюду горели костры, вокруг них тесными кучками сидели люди. Я не смог найти место у огня, поэтому я устроился на отшибе. Вокруг меня спали бездомные, укрываясь картонными коробками и грязными одеялами.

Огонь у меня в груди разгорался все сильнее. Переполненный яростью, я не мог сидеть на месте, поэтому я встал и отошел от костра. Людей здесь было мало. Время близилось к полуночи. Почти все бездомные уже спали. Бодрствовали только те, кто сидел у самого огня, но они или напились в стельку, или смертельно устали, и им ни до чего не было дела. Они думали только о том, как не замерзнуть.

Неподалеку на путях стояли вагоны, которыми вот уже много лет никто не пользовался. Я остановился рядом с одним из них и тут увидел человека, распростертого на насыпи. У него не было ничего, чтобы согреться. Я уставился на него. Это был негр, старый, маленький, жалкий. Странно, я прекрасно помню, как он выглядел, вплоть до красной спортивной шапочки и рваной кожаной куртки. Точно так же в памяти остается первая девчонка, с которой переспал. От него несло дешевым портвейном. Вот к чему прибегают эти ребята, чтобы пережить ночь.

Все сидели у костров, не замечая ничего вокруг, а поскольку негр был пьян, я схватил его за ноги и оттащил за вагон. Он даже не проснулся. Продолжал храпеть. Меня переполнял адреналин. Я никогда не испытывал ничего подобного. Я начал было искать заостренный деревянный обломок, но затем решил, что, если я заколю негра, его смерть получится слишком шумной.

И тут я увидел камень. Я улыбнулся. Как раз то, что нужно. Камень был размером с два кулака. Я осторожно перевернул негра на живот, затем стащил с него шапочку и размозжил ему затылок. Негр даже не пикнул. Я испытал оргазм. Родился заново. Оставив труп под вагоном, я бросил камень в реку. Кому какое дело до смерти какого-то бездомного? Всю ночь я бродил по улицам, захлестнутый безграничной энергией. Я ни на минуту не сомкнул глаз, и это было только начало.

Чего я никак не ожидал, так это того, что огонь вернется так быстро. Два дня спустя он вспыхнул снова, сильнее чем прежде, требуя новой пищи.

Перевернувшись на спину, Орсон уставился в потолок. Меня тошнило.

– А теперь, Энди, я запру тебя в твоей комнате, так как мне нужно поспать.

– О господи… – пробормотал я. – И у тебя совсем не было угрызений совести?

Повернувшись на бок, Орсон посмотрел на меня.

– Я не желаю просить прощения за то, какой я есть. Давным-давно я уже усвоил, что чувство вины меня никогда не остановит. Впрочем, нельзя сказать, что оно меня терзало. Я хочу сказать, у меня была… у меня до сих пор есть совесть. Просто я понимаю, что бесполезно позволять ей доставлять мне мучения. Главное, что нужно знать о настоящем убийце, это то, что убивать ему назначено природой, и тут уж ничего не поделаешь. Таков он есть. Такова его сущность. Я не просил быть таким, какой я есть. Я состою из определенных химических веществ, из определенных событий. Мне это неподвластно, Энди, поэтому я предпочитаю не идти против себя.

– Нет, ты неправ. У тебя внутри что-то громко кричит о том, как ты неправ.

Печально покачав головой, Орсон пробормотал, цитируя Шекспира:

– «Я так уже увяз в кровавой тине, что легче будет мне вперед шагать, чем по трясине возвращаться вспять»[5].

Затем он как-то странно посмотрел на меня, словно осененный внезапной мыслью. В его голосе прозвучала искренность, и это напугало меня больше, чем все то, что он сказал сегодня утром:

– Знаю, ты забыл. Но придет день, я тебе кое-что расскажу, и тогда все встанет на свои места.

– О чем это ты?

– Время еще не настало. Ты пока что не готов. Не готов воспользоваться тем, что я тебе расскажу.

– Орсон…

Он слез с кровати и жестом показал мне, чтобы я тоже встал.

– Брат, давай немного поспим.

Глава 10

День 10.

Я снова чувствую себя свободным. Орсон подарил мне этот день – и теперь я сижу на вершине той скалы, о которой столько писал, и взираю сверху на измученную жаждой пустошь. Я нахожусь на высоте добрых четырехсот футов над уровнем пустыни, сижу на плоском камне, и мне открывается панорамный вид на семьдесят миль.

В небе над головой кружит беркут. Интересно, где его гнездо – не в редких ли зарослях можжевельника на гребне?

Если посмотреть назад, в пяти милях на восток за бревенчатым домом видно что-то вроде дороги. Я видел, как по этой узкой серой ленте пронеслись три серебристые точки. Наверное, это были машины. Но мне это никак не поможет. Пост дорожной полиции мог бы располагаться прямо рядом с домом. Я принадлежу Орсону с потрохами. Он сфотографировал, как я вскрываю убитую женщину. Сегодня утром он оставил снимки у меня на письменном столе.

Этой ночью мне снова снилась Ширли. Я пронес ее на руках через ночную пустыню и передал родным. Уходя, я видел, как она, в красной с серым тенниске, улыбаясь, стоит с мужем и тремя детьми.

Я наблюдал, как за прошедший день в настроении Орсона произошла разительная перемена. Он перестал быть угрюмым. Как он сказал, для него это нормальная пора. Но огонь вернется, и я боюсь этого больше, чем чего бы то ни было.

Я подумываю о том, чтобы просто убить Орсона. Он постепенно начинает мне доверять. Сделаю я вот что: возьму тяжелую подпорку для книг и размозжу ему голову, как он сам поступил с тем несчастным бездомным. Но что мне это даст? Я абсолютно убежден в том, что у Орсона достаточно обличающих улик, чтобы отправить меня прямиком в камеру смертников, даже если я его убью. Кроме того, прошлой ночью я вспомнил нечто такое, что вселяет в меня ужас: в одном из

своих писем Орсон пригрозил, что некто доставит пакет с уликами в отделение полиции Шарлотта, если только он сам лично его не остановит. Кто помогает Орсону?

*** * ***

Бросив дощечку, на которой я писал, на землю, я вскочил с камня и пристально всмотрелся вниз. У подножья скалы, с той стороны, что скрыта от дома, стоял всадник, смотрящий на меня. Хотя на таком расстоянии он казался лишь бурой точкой, я разглядел, что он машет мне рукой. Испугавшись, что всадник окликнет меня, я помахал ему в ответ, убрал дощечку в маленький рюкзак и начал как мог быстро спускаться вниз.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы преодолеть крутой спуск, избегая наиболее опасных обрывов. У меня заложило уши, я оказался внизу совершенно обессиленный, запыхавшийся, с горящими ногами. Тяжело дыша, я прислонился к большому валуну.

Всадник стоял в десяти шагах от меня. Посмотрев на меня, лошадь заржала и вывалила огромную кучу дерьма. Мои глаза жгло от пыли, и я стал тереть их до тех пор, пока выступившие слезы не смыли частицы мельчайшего песка. Только тогда я поднял взгляд на всадника.

Он был в ковбойской шляпе цвета темного шоколада, в коричневой клетчатой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и бурых брюках. Его лицо, обветренное и сморщенное, излучало силу, и это позволяло предположить, что на самом деле он не так стар, как выглядит, что его преждевременно состарили годы напряженного труда и постоянное пребывание на открытом воздухе, на солнце и на ветру.

Я полагал, незнакомец заговорит, но вместо этого он затянулся самокруткой. Задержав дым в легких, он предложил марихуану мне, но я молча покачал головой. Через какое-то время незнакомец выпустил облачко сладковатого дыма. Порыв ветра тотчас же отогнал дым прочь, рассеивая его в знойном воздухе. Незнакомец посмотрел на меня, прищурившись, и его карие глаза полностью скрылись в складках кожи.

– Я полагал, вы Дейв Паркер, – промолвил незнакомец. – Будь я проклят, если вы не похожи на него.

– Вы имеете в виду хозяина дома с той стороны скалы?

– Его самого. – Незнакомец снова затянулся.

– Я его брат, – сказал я. – Как вы с ним познакомились?

– Как я с ним познакомился? – удивленно спросил незнакомец, удерживая дым в легких и говоря горлом. – Раньше это был мой дом. – Он выпустил дым с последними словами. – Вы этого не знали?

– Дейв не говорил мне, у кого купил дом, а сам я здесь всего несколько дней. Мы с братом уже давно не виделись друг с другом.

– Тысяча чертей, все это, покуда хватает глаз, принадлежит мне. Мое ранчо находится в десяти милях вон там. – Незнакомец указал на север, в сторону гор. – На этих землях пасется мое стадо в четыре сотни голов.

– В этой пустыне?

– Да, сейчас здесь сухо, но после хорошего дождя земля покрывается канадским рисом. К тому же мы гоняем стада пастись на Уиндсе. Да, я ни за что не продал бы этот домик, но ваш брат предложил за него целое состояние. Он стоит прямо посреди моей земли. Вот я и продал вашему брату дом и десять акров. Черт побери, ума не приложу, зачем кому-то понадобился здесь дом. Смотреть тут не на что, и зимой сюда приезжать нет никакого смысла. Но это его деньги, он волен делать с ними все что угодно.

– Когда брат купил у вас этот дом?

– Твою мать, у меня в голове все перемешалось… Думаю, доктор Паркер приобрел дом в девяносто первом.

– Доктор Паркер?

– Он ведь доктор каких-то наук, разве не так? Черт побери, должно быть, исторических, так? Разве он не доктор исторических наук? Я не говорил с ним уже два года, так что, возможно, я ошибаюсь…

– Он сказал, чтобы вы обращались к нему «доктор»? – перебил я. Натянуто рассмеявшись, я отвлек внимание незнакомца от шквала вопросов, который собирался на него обрушить. – Ублюдок возомнил о себе невесть что!

– Не судите его слишком строго, – со смехом сказал ковбой.

Я облегченно улыбнулся, радуясь тому, что он успокоился, хотя, несомненно, моей заслуги тут было мало.

– Он по-прежнему преподает в колледже на севере? – спросил незнакомец. – Моя память теперь ни хрена не стоит. Кажется, в Вермонте… По его словам, он преподает осенью и весной, а лето любит проводить здесь. По крайней мере, так было два года назад.

– О! Да, преподает. Конечно.

Я постарался скрыть в своем голосе изумление. Ни за что на свете я не ожидал встретить в этой пустыне другого человека. Это наполнило меня восторженным возбуждением, и я молил бога о том, чтобы Орсон не увидел ковбоя, приблизившегося к его дому.

– Ну, пожалуй, мне пора двигаться дальше, – сказал незнакомец. – Пока день не закончился, мне нужно еще много чего объехать. Передавайте доктору Паркеру от меня привет. Кстати, а вас как зовут?

– Майк. Майк Паркер.

– Перси Мэддинг.

– Рад был с вами познакомиться, Перси, – сказал я и, шагнув вперед, пожал его затянутую в перчатку руку.

– И я тоже, Майк. Может быть, ребята, я как-нибудь загляну к вам с бутылкой текилы и вот этим.

Он помахал потухшим косячком.

– Вообще-то мы через несколько дней отъезжаем. Возвращаемся на восток.

– О, жаль! Что ж, ребята, пожелаю вам счастливого пути.

– Спасибо, – сказал я. – Да, и еще одно. Что это за горный хребет на северо-востоке?

– Уайнд-Риверс, – ответил Мэддинг. – Самые прекрасные горы в нашем штате. И туристов здесь мало, не то что в Тетонс или Йеллоустоуне.

Достав из кармана серебристую зажигалку, Перси снова раскурил самокрутку и легонько тронул сапогом лошадь.

– Вперед, Захарий! – щелкнув языком, сказал он.

Лошадь побежала рысцой, и Мэддинг быстро скрылся из виду.

Глава 11

Ближе к вечеру я вошел в дом, обливаясь по́том. Орсон лежал на полу в гостиной, голой спиной на холодном камне, с книгой в руках. Осторожно перешагнув через него, я рухнул на диван.

– Ты только что испортил поэму. – Швырнув книгу на пол, Орсон встретился со мной взглядом. – Я должен прочитать поэму от начала до конца, не отрываясь. Только так поэзия расцветает по-настоящему. Ее необходимо поглощать целиком, а не разрозненными кусками.

– Что за поэма?

– «Полые люди»[6], – раздраженно ответил Орсон, глядя на открытые стропила, поддерживающие крышу.

Внезапно он вскочил на ноги, исключительно за счет силы ног. Подсев ко мне на диван, побарабанил пальцами по колену, игриво глядя на меня. У меня мелькнула мысль, видел ли он ковбоя.

– Иди помойся, – резко сказал Орсон.

– А в чем дело?

Он молча прищурился. Повторять еще раз ему не пришлось.

* * *

Взглянув в зеркало заднего обозрения, я увидел удаляющийся дом. Солнце, лишь считаные мгновения назад скрывшееся за горизонтом, по-прежнему проливало розовато-лиловый свет на западную кромку неба. Пустыня после захода солнца окрасилась в марсианский багрянец, и у меня на глазах земля снова становилась черной и безжизненной. Направляясь на восток, я смотрел прямо вперед. Ночная темнота уже поглотила хребет Уайнд-Риверс.

Мы мчались по проселочной дороге, ровной ленте, уходившей вперед подобно инверсионному следу самолета. Орсон не проронил ни слова с тех самых пор, как мы покинули дом. Я опустил стекло со своей стороны, и ночной воздух охлаждал мое обожженное солнцем лицо.

Орсон резко ткнул сапогом в педаль тормоза, и машина остановилась. В нескольких сотнях футов впереди простиралось пустынное шоссе, то самое, которое я видел со скал. Опустив руку, Орсон поднял с пола наручники и бросил их мне на колени.

– Надень один браслет себе на правую руку, а второй пристегни к двери.

Я сделал так, как он сказал.

– Зачем мы сюда приехали? – спросил я.

Наклонившись ко мне, Орсон проверил, надежно ли застегнуты наручники, и заглушил двигатель. Тотчас же наступила полная тишина, ибо с приходом сумерек ветер утих. Я не отрывал взгляда от брата, а он сидел, уставившись прямо перед собой. На нем были синий рабочий комбинезон и сапоги из змеиной кожи. Я был в коричневом комбинезоне, такого же покроя. Один из четырех шкафов в коридоре, соединяющем наши спальни и гостиную, был полон ими.

У Орсона отросла щетина, отбросившая тень на его лицо, в точности такую же, какая лежала на моем. Подобные мелочи образуют между близнецами самую прочную связь, и я, наблюдая за Орсоном, ощутил искорку теплоты в сосуде, уже давным-давно умершем для любви подобного рода. Но сейчас передо мной был не тот человек, которого я когда-то знал. Чудовище. Потеря брата была сродни потере какого-то жизненно важного органа, однако сейчас, глядя на Орсона, я чувствовал себя человеком после операции, которому мерещится, что ампутированная конечность отросла заново – демоническая, не подвластная моей воле.

– Ты часто видишься с мамой? – спросил Орсон, уставившись на шоссе перед собой.

– Я езжу в Висконсин дважды в месяц. Мы вместе обедаем, а затем навещаем могилу отца.

– Что она носит? – спросил Орсон, по-прежнему не отрывая взгляда от шоссе, не смотря на меня.

– Не понимаю…

– Ее одежда. Что она носит?

– В основном платья. Мама одевается так же, как и раньше.

– Она надевает то синее с подсолнухами?

– Не знаю.

– Когда мама мне снится, она неизменно в нем. Я как-то раз отправился посмотреть на нее, – медленно произнес Орсон. – Ездил взад и вперед по Рейс-стрит, наблюдая за домом в надежде хотя бы мельком увидеть ее на крыльце или в окно. Но так ни разу и не увидел.

– А почему ты просто не заглянул к ней?

– И что бы я ей сказал? – Остановившись, Орсон сглотнул комок в горле. – Она хоть изредка спрашивает обо мне?

Я подумал было о том, чтобы соврать, но затем не нашел никаких причин щадить его чувства.

– Нет.

– Вы говорите обо мне?

– Если говорю я, то только о том времени, когда мы были маленькими. Но мне кажется, что даже эти воспоминания перестали доставлять маме удовольствие.

На шоссе в стороне севера показалось пятно света, так далеко, что разделить фары было еще нельзя.

– Эта машина появится здесь не раньше чем через десять минут, – сказал Орсон. – До нее еще несколько миль. Дороги здесь прямые и ровные, так что расстояние обманчиво.

Правая моя рука ныла, стиснутая браслетом наручников. Кровь не доходила до пальцев, но я не жаловался. Я растер пальцы, восстанавливая кровообращение.

– Скажи честно, зачем я тебе вообще нужен? – спросил я.

Но Орсон продолжал смотреть на приближающийся свет фар, как будто я не произнес ни слова.

– Орсон, – повторил я, – зачем я тебе…

– Я же все сказал еще в первый день. Я даю тебе образование.

– Ты полагаешь, чтение долбаных нудных книг целый день напролет обеспечивает образование?

Орсон пристально посмотрел мне в глаза.

– Книги не имеют к этому никакого отношения. Определенно, ты уже должен был догадаться.

Он завел двигатель, и мы покатили к шоссе. Теперь уже совсем стемнело, небо полностью лишилось света. Мы переехали через полосу асфальта и остановились на противоположной обочине. Я посмотрел на свет фар, и впервые мне показалось, что он стал ближе. Я недоуменно оглянулся на брата.

– Сиди смирно, – сказал тот.

Заглушив двигатель, Орсон открыл дверь и вышел из машины. Достав из кармана белый носовой платок, привязал его к антенне, затем закрыл дверь и просунул голову в открытое окно.

– Энди, – предостерегающим тоном произнес он, – ни звука!

Скрестив руки на груди, брат сел на край капота. Я поднял стекло, стараясь перебороть тревогу, но ничего не мог поделать с собой. Просто смотрел вперед, моля бога о том, чтобы машина проехала мимо. Через какое-то время послышался шум двигателя. Свет фар приближался.

Мимо пронесся микроавтобус. В зеркало заднего обозрения я увидел вспыхнувшие стоп-сигналы. Развернувшись, микроавтобус медленно проехал назад и остановился на противоположной обочине. Водитель открыл дверь, и в салоне зажегся свет. На заднем сиденье – дети. Мужчина нашего возраста, сказав что-то своей жене, выбрался из машины и уверенно направился к нам. Дети следили за ним сквозь тонированное стекло.

Мужчина был в шортах цвета хаки, сандалиях и красной футболке. Он был похож на преуспевающего адвоката, вывезшего свое семейство в отпуск.

– Проблемы с машиной? – спросил мужчина, пересекая прерывистую желтую разметку и останавливаясь у обочины.

Мой брат усмехнулся.

– Да, эта малышка жадна до бензина.

Я увидел на севере новый свет фар.

– Вас подбросить? – предложил мужчина. – Или вы можете позвонить с моего сотового.

– Да нет, вон сюда кто-то едет, – сказал Орсон. – Мне бы не хотелось вас беспокоить.

Господи, спасибо тебе!

– Ну, мое дело предложить. Плохое место для поломки.

– Полностью с вами согласен. – Орсон протянул руку. – Все равно большое спасибо.

Улыбнувшись, мужчина пожал ему руку.

– Ну тогда мы поедем. Надеюсь до полуночи добраться до Йеллоустоуна. Ребята просто смерть как хотят увидеть этот чертов гейзер.

– Счастливого пути! – пожелал ему Орсон.

Мужчина вернулся к микроавтобусу и сел за руль. Мой брат помахал детям на заднем сиденье, и те, радостно засмеявшись, помахали в ответ. Микроавтобус тронулся. Я проводил взглядом в зеркало заднего обозрения, как его задние габаритные огни растаяли в темноте.

Теперь следующая машина была уже совсем близко. Она сбросила скорость еще до того, как поравнялась с нами, затем свернула на обочину на нашей стороне и остановилась всего в десяти шагах от переднего бампера орсоновского «Бьюика». Из черного пикапа «Форд», огромного чудовища с целой линейкой слепящих прожекторов на крыше, вылез грузный мужчина с солидным пивным брюшком. Он не стал глушить двигатель, и яркий свет фар жег мне глаза. Из динамиков ревела рок-баллада. Водитель шатающейся походкой направился к Орсону, и я сразу же понял, что он пьян. Из другой двери выбрались еще двое, также направившиеся к моему брату.

– Привет, джентльмены, – поздоровался Орсон, когда они его обступили.

У всех троих губы были в белом соусе. Оба пассажира были в ковбойских шляпах, спутанные сальные волосы водителя прикрывала потрепанная красная бейсболка.

– У тебя что-то с машиной? – спросил водитель.

Сплюнув на дорогу, он вытер рот тыльной стороной руки, а затем вытер руку о черную майку с серебристо-голубой эмблемой «Форда». В последнее время этот тип определенно не брился.

– Понятия не имею, – ответил Орсон. – Я надеялся, остановится кто-нибудь, разбирающийся в механике.

Пассажиры затряслись в пьяном смехе, водитель оглянулся на них и ухмыльнулся. Зубы у всех троих от никотина и нездоровой еды были желтыми и гнилыми, но, несмотря на проблемы с личной гигиеной, никому из них еще не было и тридцати.

– Откуда ты, парень? – спросил один из пассажиров.

Окинув оценивающим взглядом высокого тощего парня, Орсон улыбнулся.

– Из Миссури.

– Далековато от дома ты забрался, а? – заметил тот, отпивая глоток пива из банки.

– Да, верно, – согласился Орсон, – и я буду очень признателен вам за помощь.

– Возможно, тебе придется за это заплатить, – сказал водитель. – Возможно, тебе придется заплатить кругленькую сумму.

Он оглянулся на своих дружков, и все трое рассмеялись.

– Неприятности мне не нужны.

– Сколько у тебя с собой денег? – спросил верзила, стоящий посредине.

Черные косматые бакенбарды, волосатая грудь, торчащая между черными джинсами и засаленной футболкой – он выглядел крайне неопрятно. Мне показалось, даже сквозь стекло я чувствую исходящий от него перегар.

– Не знаю, – сказал Орсон. – Надо заглянуть в бумажник.

Осторожно обойдя водителя, он направился к багажнику. Проходя мимо меня, улыбнулся и подмигнул. Я услышал, как открылся багажник, затем последовал шелест пластика.

Водитель заметил, что я пристально смотрю на него.

– Твоему дружку здорово достанется, если он будет так пялиться на меня.

– Он совершенно безобидный, – успокоил его Орсон. – Послушайте, я могу дать вам двадцать долларов. Этого хватит?

Водитель изумленно сверкнул глазами.

– Дай-ка проверить твой бумажник, – наконец сказал он.

– Зачем?

– Твою мать, я сказал, дай свой бумажник!

Орсон колебался.

– Парень, ты что, сдурел? Хочешь, чтобы я хорошенько надрал тебе задницу?

– Послушайте, ребята, я же сказал, что не хочу никаких неприятностей. – Орсон наполнил свой голос страхом.

– Тогда живо выкладывай свой бумажник, тупица! – сказал второй пассажир, грузный и рыхлый. – Нам нужно добавить пива.

– Вы почините мою машину?

Все трое взорвались презрительным хохотом.

– У меня больше, чем двадцать долларов! – взмолился Орсон. – Хотя бы загляните под капот и скажите, в чем дело.

Орсон приблизился к «Бьюику» спереди. Просунув руку сквозь решетку радиатора, он нажал на рычаг и поднял массивный капот, после чего вернулся туда, где стоял до того, с правой стороны машины, рядом со мной. Теперь я не видел ничего, кроме своего брата, разговаривающего с тремя пьяными.

– Ну только взгляните! – настаивал Орсон. – Ребята, если вы хоть что-нибудь смыслите в машинах…

– Я разбираюсь в машинах, – остановил его голос водителя. – Долбаный городской придурок ни хрена ни в чем не смыслит, так?

«Бьюик» заскрипел и просел на рессорах под тяжестью человека, забравшегося на бампер.

– Посмотрите на радиатор, – сказал Орсон. – Двигатель почему-то перегревается.

Машина снова дернулась.

– Нет, нет, внутри, – подсказал Орсон. – По-моему, там что-то расплавилось. Вам нужно посмотреть вблизи. Ребята, отойдите в сторону, вы загораживаете ему свет.

Приглушенный голос начал:

– Я ни хрена не вижу, твою мать…

Орсон захлопнул капот. Двое пассажиров пронзительно вскрикнули и в ужасе отскочили назад. На ветровое стекло брызнули капли крови. Орсон приподнял капот и снова с силой его захлопнул. Новые брызги крови, обмякшее тело водителя сползло на землю.

– Хватай ружье! – крикнул жирный, но оба пассажира не двинулись с места.

– Ребята, не беспокойтесь об этом, – тем же самым робким голосом промолвил Орсон. – У меня есть оружие. – Он направил на них мой «Смит-и-Вессон». – Надеюсь, вы не настолько налакались, чтобы не понять, что это такое. – Ты, – приказал он тощему, – подбери голову своего приятеля.

Парень выронил банку с пивом.

– Ну же, не бойся, она тебя не укусит.

Парень схватил голову за длинные сальные волосы и поднял с земли.

– Проходите сюда, ребята, – продолжал Орсон. – Идите вдоль машины. Вот так.

Оба прошли с левой стороны машины, Орсон прошел мимо меня. Я обернулся, чтобы посмотреть в заднее стекло, но крышка багажника была поднята. Орсон так его и не закрыл.

– Извините насчет бумажника…

– Залезайте внутрь, – приказал Орсон.

Машина не шелохнулась.

– Мне что, нужно прострелить вам обоим коленные чашечки и самому затаскивать вас в багажник? Если без этого можно обойтись, я бы предпочел не пачкать вашей кровью всю машину.

Щелкнул взведенный курок, и машина тотчас же затряслась под тяжестью людей, неуклюже забирающихся в багажник.

– Глупенькие, глупенькие мальчишки! – с укоризной промолвил Орсон. – Для вас было бы лучше, если б вы все трое заглянули под капот.

Он захлопнул багажник и направился к пикапу, а я услышал, как парни захныкали. Затем они начали кричать и колотить по крышке багажника кулаками и ногами. Забравшись в кабину пикапа, Орсон погасил фары и прожекторы на крыше, и я услышал все еще льющуюся из динамиков балладу, надрывное гитарное соло, звенящее в пустыне. Наконец мои глаза освоились в темноте, и к этому времени музыка умолкла. Открылась передняя левая дверь «Бьюика», и Орсон взял с заднего сиденья деревянный брусок и моток веревки.

– Если они и дальше будут шуметь, – сказал он, – пригрози, что прибьешь их.

– Смотри! – Я указал на шоссе, где вдалеке снова показался свет фар.

Отвязав от антенны носовой платок, Орсон бегом вернулся к пикапу. Забравшись в кабину, он включил передачу и съехал с шоссе, направив пикап в пустыню. Несколько минут возился в кабине. Пленники в багажнике продолжали стонать. Опьянение усилило их страх, отчего мольбы стали отчаяннее. Я не сказал ни слова, а свет фар продолжал приближаться.

«Форд» на полной скорости уехал в пустыню. Я проводил его взглядом сначала в ветровое стекло, затем в окно со стороны водителя. Через десять секунд пикап скрылся в ночи. Орсон бегом вернулся к своей машине, запыхавшийся. Показав мне большие пальцы, он оттащил обезглавленный труп водителя к багажнику, затем подбежал к моей двери.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал Орсон, распахивая дверь.

Расстегнув наручники, он вручил мне ключи от машины. Проходя к багажнику «Бьюика», я слышал вдалеке шум приближающейся машины и видел задние габариты микроавтобуса, еще не успевшие полностью растаять во мраке – крошечное красное пятнышко, едва различимое. Я цеплялся за эту семью. Мы их отпустили! Мы их отпустили! Опустив взгляд, я увидел, что номерной знак на «Бьюике» по-прежнему отсутствует.

Орсон указал на распростертого на земле водителя.

– Как только я скажу, отпираешь багажник и кидаешь его внутрь, – сказал он. – Сможешь?

Я молча кивнул.

– Джентльмены! – крикнул Орсон. – Багажник открывается, но я держу вас под прицелом. Если только шелохнетесь, я нажимаю на спусковой крючок!

Посмотрев на меня, Орсон кивнул. Я открыл багажник, стараясь не смотреть внутрь, а также на тело, которое мне предстояло поднять. Оторвав водителя от земли, я запихнул его тяжелое обмякшее тело поверх двух его приятелей, после чего захлопнул крышку, и мы вернулись в машину.

Орсон завел двигатель, когда встречная машина уже поравнялась с «Бьюиком». Свет ее фар озарил салон, и я ахнул, увидев свой комбинезон, облитый кровью, которая собиралась на плотной ткани лужицами и стекала в сапоги. Я крикнул, призывая Орсона остановить машину. Вывалившись из «Бьюика», я упал на четвереньки и закружил на месте, оттирая руки сухой землей до тех пор, пока кровь не скаталась в шарики.

Из машины до меня донесся голос Орсона. Мой брат колотил руками по рулевому колесу, сотрясаясь от хохота.

Глава 12

Всю дорогу обратно к бревенчатому дому пленники продолжали колотить по крышке багажника. Орсон наслаждался громогласными проявлениями их страха. Когда они начинали кричать, он подражал их голосам, нередко перекрывая их мольбы.

Глядя на проселочную дорогу, озаренную светом фар, я спросил у Орсона, как он поступил с пикапом. Брат ухмыльнулся.

– Закрепил руль веревкой, чтобы пикап никуда не сворачивал, и вставил брусок враспор между передним сиденьем и педалью газа. – Орсон взглянул на светящийся циферблат часов. – За ближайшие полчаса он проедет двадцать пять миль по голой пустыне. После чего уткнется в горы и там остановится, если только, конечно, до того не встретится с оленем. Однако для того, чтобы остановить это чудовище, понадобится здоровенный самец.

Рано или поздно пикап найдут. Быть может, через несколько дней, быть может, через несколько недель. Но это не имеет значения, поскольку к тому времени эти ребята уже превратятся в удобрение для полыни. Местные правоохранительные органы установят, откуда они выехали и куда направлялись. Станет ясно, что на шоссе что-то произошло, но что именно? Завтра впервые за несколько недель пойдет дождь и смоет всю кровь. Нас видели всего две машины, но обе были с номерами других штатов, так что они просто проезжали мимо. Тайна исчезновения этих парней останется нераскрытой, а судя по их грубому поведению, я не поверю, что кому-либо будет до них какое-то дело.

Подъехав к дому, Орсон свернул к сараю. Когда мы вышли, он подошел к «Бьюику» спереди, поднял капот и предложил мне заглянуть внутрь. Фонарь, установленный на стене сарая, осветил железную нишу.

– Ну и что? – спросил я, разглядывая ржавый двигатель.

– И ты тоже купился бы на это. Смотри!

Снизу к передней стенке капота была приварена стальная полоса длиной фута три.

– Это лезвие от газонокосилки, – объяснил Орсон. – Острое как бритва. Особенно посередине. Если б бедняга сместился чуть вправо, голову ему срезало бы первым же ударом.

Я осторожно пощупал лезвие указательным пальцем. Оно действительно оказалось необыкновенно острым, и на нем была кровь. Весь двигатель был забрызган кровью.

– Тебе уже доводилось проделывать подобный трюк? – спросил я.

– Иногда.

– Выпустите меня, ублюдки! – заорал в багажнике один из пленников.

Орсон рассмеялся.

– Раз уж он попросил вежливо, откроем багажник. – Он кинул мне ключи. – Ребята, вы слышите? – крикнул он, подходя к багажнику. – Я открываю багажник! Никаких лишних движений.

Пока Орсон держал пленников под прицелом, я поднял крышку. Когда я отступил назад, он шепнул мне:

– Приготовь наручники!

Когда я заглянул в отделанный пластиком багажник, моему взору открылось жуткое зрелище. Тело водителя запихнули в дальнюю часть просторного отделения, но только после того, как его дружки с головы до ног перепачкались в крови. Они с мольбой смотрели на меня, прося пощады, которую я им не мог дать. Схватив с приборной панели наручники, я вернулся к Орсону.

– Брось мне наручники! – приказал тот. – Ребята, а вы прикуете себя друг к другу.

– Ступай к такой-то матери! – буркнул грузный.

Не говоря ни слова, Орсон взвел курок и прострелил ему ногу. Раненый завыл от боли, изрыгая проклятия, а Орсон невозмутимо направил револьвер на его приятеля.

– Пожалуйста, скажи, как тебя зовут, – попросил он.

– Джефф.

Парень дрожащими руками закрыл лицо, словно это могло остановить пули. Его приятель стонал и кряхтел, зажимая бедро.

– Джефф, – сказал Орсон, – предлагаю тебе взять инициативу на себя и приковаться к своему дружку.

– Да, сэр! – послушно пробормотал Джефф, застегивая браслет у себя на запястье.

Тем временем мой брат обратился к раненому, который стиснул зубы, чтобы не кричать.

– А тебя как зовут? – спросил он.

– Уилбур, – сквозь стиснутые зубы ответил тот.

– Уилбур, я знаю, что тебя мучит нестерпимая боль, и мне хотелось бы сказать, что скоро все кончится, однако это не так. – Орсон ласково потрепал раненого по плечу. – Я просто хотел заверить тебя в том, что эта ночь еще только начинается, и чем больше ты будешь брыкаться, тем хуже тебе станет.

Как только Джефф и Уилбур приковали себя друг к другу, Орсон приказал им выбраться из багажника. Уилбуру было трудно двигать ногой, и Орсон распорядился, чтобы я его вытащил. Я уронил грузного Уилбура на землю, а Джефф свалился на него сверху, прямо на раненую ногу.

Оставив свои ковбойские шляпы в багажнике, парни медленно поднялись на ноги, и Орсон повел их к сараю. Отпирая дверь, он приказал мне завернуть тело водителя в пленку и достать из багажника.

– Один я его не подниму, – сказал я. – Кровь будет повсюду.

– Тогда просто захлопни багажник. Но нам нужно будет достать его, пока он не начал вонять.

Вернувшись к машине, я захлопнул багажник. Возвращаясь к сараю, почувствовал, как в кармане звякнули ключи. Оглянувшись на машину, освещенную фонарем, я подумал: «Я могу бежать. Прямо сейчас. Сесть в машину, завести двигатель и вернуться на шоссе». Здесь наверняка есть какой-нибудь городок, милях в тридцати-сорока. Там я найду полицейский участок, приведу кого-нибудь сюда. Быть может, мне удастся спасти этих двоих. Сунув руку в карман, я просунул палец в связку ключей.

Из сарая донесся голос Орсона, измывающегося над стонущим раненым.

Вперед! Я направился к машине. Капот оставался поднят, и я осторожно опустил его, так, что он захлопнулся с негромким металлическим щелчком, услышать который находившийся в сарае Орсон не мог. Крепко сжимая ключ большим и указательным пальцами, я открыл дверь машины. Руки у меня дрожали. Я сел за руль. Вставил ключ в замок зажигания. Проверил ручной тормоз. Дверь закрыть только после того, как машина придет в движение. Повернуть ключ. Повернуть ключ.

Что-то постучало в стекло, и я, вздрогнув, увидел Орсона, который стоял у двери и целился из револьвера сквозь стекло мне в голову.

– Черт побери, что ты делаешь? – спросил он.

– Я иду, – поспешно пробормотал я. – Уже иду. – Вытащив ключ из замка зажигания, я вылез из машины. – Вот.

Отдав Орсону ключи, я направился к сараю. «Не стреляй! Пожалуйста! Сделай вид, будто ничего не произошло».

У двери в сарай Орсон меня остановил.

– Я подумываю о том, чтобы тебя убить, – сказал он. – Но у тебя есть возможность переубедить меня. Только после тебя!

Орсон вошел следом за мной в сарай и запер за нами дверь. Оба пленника уже были в ошейниках, прикованные к столбу. «Все это ты уже видел. Сейчас будет не так страшно, как было с Ширли. Просто не может быть так же страшно. Мы отпустили семью. Мы отпустили семью. Завтра ребятишки увидят Верного Старика[7]. Держись за это».

Достав свой нож ручной работы, Орсон вставил кассету в видеокамеру, установленную на штатив посреди сарая. Я не помнил, чтобы он снимал в ту ночь Ширли.

Перехватив мой взгляд, обращенный на камеру, брат сказал:

– Слушай, мне же нужно что-нибудь, чтобы поднять силы.

Сжимая нож, он прошел в середину сарая и остановился перед стонущим Уилбуром, лежащим на полу.

– Джефф, – начал Орсон, – ты толковее своего несговорчивого приятеля. Я знаю тебя всего сорок минут, но это непреложная истина. – Оглянувшись на меня, он продолжал: – Энди, притащи сюда пленку.

Я направился в дальний угол, где лежали по крайней мере два десятка аккуратно сложенных кусков. На полке я заметил картонную коробку с поминальными свечами. Мне захотелось узнать, зачем они нужны брату.

– Послушайте, – жалобно произнес Джефф, – пожалуйста, просто выслушайте меня…

– Заткнись, Джефф! Это бесполезно. В нормальной обстановке я бы устроил вам испытание, но ваше поведение на дороге автоматически подписало приговор обоим. Так что поскольку этот вопрос решен, джентльмены, поднимайтесь на ноги.

Джефф встал, но Уилбур замешкался. Из раны в ноге на пол уже натекла лужица крови. Я расстелил перед столбом пленку, и пленники уселись на нее. Джефф недоуменно уставился на пластик.

– Джефф, – продолжал Орсон, – ты давно знаешь Уилбура?

– Всю свою жизнь.

– В таком случае, наверное, это решение будет для тебя трудным.

Я стоял, прислонившись к дверям. Орсон оглянулся на меня.

– Энди, присаживайся. Мне не по себе, когда ты стоишь.

Я сел на раскладной стул, а Орсон повернулся к Джеффу и показал ему нож и револьвер.

– Джефф, плохая новость заключается в том, что сегодня вы оба умрете. Новость чуточку получше заключается в том, что тебе решать, кто умрет быстро, а кому придется развлечься по полной. Вариант «А». Мой брат убивает тебя вот из этого револьвера. Если ты выберешь «Смит-и-Вессон», то умрешь первым. Вариант «Б». Я беру этот бесподобный нож и у тебя на глазах вырезаю твое сердце. – Орсон улыбнулся. – Подумай, не торопись.

Сидящие на пленке пленники уставились друг на друга: Джефф плакал, Уилбур был на грани обморока. Подойдя ко мне, Орсон наклонился и прошептал:

– Кого бы из них ты ни застрелил, это будет акт милосердия. Он ничего не почувствует. Я даже не буду заставлять тебя смотреть на то, как я сегодня поработаю ножом. Ты сможешь вернуться в дом и лечь спать.

Возвратившись в середину сарая, Орсон посмотрел на пленников.

– Джефф, я должен просить…

– Зачем вы… – всхлипнул тот.

– Если следующими твоими словами не будут «пристрели меня» или «пристрели его», я вырежу сердца вам обоим. Решай.

– Пристрелите меня! – воскликнул Джефф, обнажая гнилые зубы.

Уилбур, продолжая зажимать раненую ногу, сверкнул глазами на Орсона.

Подойдя к двери, брат сказал:

– Энди, я хорошенько подумал и оставляю тебе в револьвере только один патрон. Мне бы не хотелось, чтобы ты сделал одолжение обоим.

Разрядив барабан, он затем снова вставил в него один патрон.

– Под ухо, Энди. Выстрелишь в любое другое место – и не факт, что ты его убьешь. И он будет лежать и корчиться от боли. – Орсон положил револьвер на пол. – Мне бы хотелось остаться и посмотреть, но после происшествия с мисс Таннер… В общем, я вернусь после того, как услышу звук выстрела. Не делай ничего героического вроде того, чтобы выстрелить мимо и сломать револьвер. У меня есть и другие, и нам придется снова сыграть в эту игру. По моим прикидкам, сейчас ставки шестьдесят процентов против тебя, и я уверен, что такой расклад тебя не устраивает. Ну, а если и это не придаст тебе сил, позволь сказать вот что. Если что-либо пойдет наперекосяк, я накажу нашу мать. Так что… Оставляю тебя делать свою работу. Джефф! – Он шутливо помахал бедняге. – Для моего брата это первый раз, так что веди себя как мужчина. Не проси, не умоляй его не убивать тебя, потому что, возможно, тебе удастся его убедить, и тогда ты умрешь так, как хочу я. А я гарантирую, – добавил Орсон, улыбаясь Уилбуру, – что мой способ дерьмовый.

Выйдя из сарая, он закрыл дверь и задвинул засов. Я остался наедине с жертвой.

Встав, я прошел к револьверу, поднял его с земли и вернулся на стул. Мне было не по себе от того, как смотрел на меня Джефф. Еще никому я не внушал такой ужас.

Сев, я задумался. Мои ладони, сжимающие холодный металл, вспотели. Джефф не отрывал от меня взгляда, и я тоже посмотрел на него. Наши взгляды встретились. Возможно, в другое время, в другом месте они были бы вежливыми или равнодушными, но теперь они были бесконечно враждебны.

Я постарался убедить себя в том, что избавляю Джеффа от мучений.

Когда я встал, ноги у меня были ватными, словно в кошмарном сне, когда нужно спасаться бегством, а ноги отказываются повиноваться. Я направился к Джеффу. Все это ради его же блага. Действуй спокойно, быстро и четко. Даже сквозь боль Уилбур обозвал меня последними словами, исторгнув неприятный запах изо рта. Неужели я действительно сделаю это?

– Это шутка? – неестественно рассмеялся Джефф. – Смешная шутка. Правда, смешная, Уилбур? Ну а теперь пошли. До полуночи нам нужно успеть к Чарли.

Сжимая револьвер в правой руке, я навел его на Джеффа и попытался прицелиться, однако у меня тряслись руки. Я шагнул вперед, чтобы, несмотря на дрожь, голова Джеффа оставалась в прицеле.

– Не стреляйте мне в лицо! – взмолился тот, и у него на глазах снова появились слезы.

Стоя на коленях, он наклонился вперед, словно мусульманин, обращенный к Мекке. Грязные светлые волосы упали ему на лицо, правая рука вытянулась в сторону, по-прежнему прикованная к руке Уилбура. Левой рукой он потрогал себя за ухом.

– Вот сюда, – дрогнувшим голосом произнес он. – Если нужно, подойдите ближе.

Ты этого не сделаешь.

Я сделал шаг вперед. Теперь лицо Джеффа находилось в считаных дюймах от моих сапог. Стиснув кулаки, он застонал, приготовившись к смерти. Обеими руками я стиснул револьвер, указательный палец нашел спусковой крючок.

Я нажал, но курок лишь сухо щелкнул по пустой камере.

Джефф ахнул.

– Извини, – пробормотал я.

Спина Джеффа вздымалась и опускалась от судорожных вдохов и выдохов. Я отступил назад. Барабан «Смит-и-Вессона» вращается против часовой стрелки. Орсон вставил патрон в камеру, расположенную на одиннадцать часов, вместо двух. Ты сделал это умышленно, ублюдок! Переставив патрон в нужную камеру, я приставил дуло Джеффу к уху и большим пальцем взвел курок.

Джефф обмяк и повалился влево. Я не услышал звук выстрела, не почувствовал движение своего пальца, однако на пленку быстро вытекла струя темной крови. Через пять секунд алый нимб уже окружил голову Джеффа, и в нем отразилась лампа под потолком, окрашенная в красный цвет. Мне был виден правый глаз Джеффа, открытый, но пустой, лишенный души и воли. Лужица расплывалась, и Уилбур отпрянул назад, увлекая за собой тело своего друга. Он вскрикнул, называя его по имени. *Не анализируй это мгновение. Ты не сможешь этого перенести.*

Дверь сарая открылась, и вошел Орсон. Когда он увидел то, что лежало на пленке, у него на лице отобразилось благоговейное восхищение. Достав из кармана моментальный фотоаппарат, он заснял меня смотрящим на Джеффа.

– Это мгновение… – начал Орсон, но не закончил свою мысль. У него в глазах заблестели слезы радости. – Господи, Энди! – Подойдя ко мне, он забрал у меня из рук револьвер и, обняв со слезами на глазах, похлопал по спине. – Вот это любовь, Уилбур. Самая настоящая. – Отпустив меня, Орсон вытер глаза. – Энди, если хочешь, теперь ты можешь уйти. Конечно, ты можешь и остаться, но я знаю, что ты вряд ли захочешь видеть то, что будет дальше. Я не стану тебя принуждать.

Орсон перевел взгляд на Уилбура, и я понял, что его мысли уже переключились с того, что я сделал. На первое место вышла забота о следующей жертве, и в глазах появилась одержимая сосредоточенность хищника. Сходив в противоположный угол сарая, Орсон вернулся с точильным бруском. Усевшись на бетонный пол, он принялся водить лезвием по бруску, возвращая ему остроту бритвы, которой нож обладал до Ширли Таннер. *Ты только что убил человека. Нет, прекрати! Перестань думать!*

– Остаешься или уходишь? – спросил Орсон, оглянувшись на меня.

– Ухожу, – сказал я и посмотрел на Уилбура, который не мог оторвать взгляд от скользящего по точильному бруску лезвия. У меня мелькнула мысль, прочитает ли Орсон после моего ухода лекцию о ноже.

Положив нож на пол, брат проводил меня к двери. Когда он открыл ее, я с облегчением вышел на улицу и остановился на пороге. Уилбур выкрутил шею, стараясь увидеть пустыню, и от Орсона это не укрылось.

– Тебя там что-то интересует, Уилбур? – спросил он, оборачиваясь. – Что ж, посмотри. Хорошенько посмотри на ночное небо, на звезды, на луну, потому что больше ты все это никогда не увидишь. Никогда. – Орсон перевел свой ледяной взгляд на меня. – Увидимся утром, брат.

Захлопнув дверь у меня перед носом, он запер ее на засов. Я побрел к дому, слушая визг лезвия по точильному бруску, смутно пробивающийся сквозь стены.

Впереди на фоне темно-синего неба виднелся черный силуэт бревенчатого дома. В лунном свете пустыня снова стала серебристой. Я размышлял о тишине своей комнаты. Сегодня я буду крепко спать. Моим спасательным кругом станет полное забвение.

Когда я поднялся на крыльцо и подошел к двери, из сарая вырвался первый крик, разодравший ночную тишину. Я не мог представить себе, какая боль его породила. Войдя в дом и закрыв за собой дверь, я мысленно помолил бога о том, чтобы бревенчатые стены не позволили этим жутким звукам, свидетельствам работы Орсоновых рук, достигнуть моего слуха.

Глава 13

В день одиннадцатый я не выходил из своей комнаты. Ближе к вечеру ко мне украдкой заглянул Орсон. Но я не спал. С самого рассвета я лежал в кровати без сна. Орсон принес сэндвич с ветчиной и стакан портвейна и поставил все на прикроватный столик. Я лежал на боку, лицом к нему, уставившись в пустоту. Подавленность, неизменно сражавшая Орсона после очередного дела, наглядно просматривалась сейчас в его запавших глазах и глухом голосе.

– Энди, – окликнул меня брат, но я никак на это не отреагировал. – Это неотъемлемая часть. Депрессия. Но ты был к ней готов. – Присев на корточки, он заглянул мне в глаза. – Я помогу тебе справиться с ней.

По жестяной крыше забарабанили крупные капли дождя. Я еще не вставал с кровати, чтобы выглянуть на улицу, однако свет, робко проникавший в зарешеченное окно, никак не соответствовал ослепительному сиянию полуденного солнца. Мягкий и серый, он ютился в углах. Комната заполнилась ароматом мокрой полыни, похожим на запах скипидара.

– Мне больше ничего от тебя не нужно, – продолжал Орсон. – Ты можешь возвращаться домой.

По всему моему телу электрическим разрядом разлилась надежда, и я посмотрел брату в глаза.

– Когда?

– Сегодня соберешь вещи, завтра уедешь.

Усевшись на кровати, я поставил тарелку на колени.

– Так лучше?

Откусив кусок сэндвича с ветчиной холодного копчения, я кивнул.

– Я так и думал, – сказал Орсон, направляясь к двери.

Он открыл дверь, и в комнату ворвался прохладный сквозняк.

– Я запру дверь. Вечером принесу ужин. Попрошу только о том, чтобы ты полностью собрался до того, как ляжешь спать.

После ухода брата я закрыл глаза и увидел озеро Норман – роящихся над поверхностью москитов, чистое голубое небо, отражающееся в водной глади. Я снова почувствовал запах сосен, сочной плодородной почвы. Мертвый воздух бревенчатого дома наполнился криками пересмешников и отголосками детского смеха. Все это можно будет превратить в кошмарный сон. Я еще не вернулся домой. Мои глаза открылись и увидели угрюмую действительность – я слышал, как Орсон ходит по дому, как ливень затопляет пустыню.

*** * ***

День 11.

По моим прикидкам, время близится к полуночи. Идет дождь; так продолжается уже целый день, и грозовые тучи заслоняют луну, поэтому пустыню можно увидеть только в те краткие мгновения, когда молния разрывает небо. Но грома нет. Сердце грозы остается на удалении многих миль.

Моя сумка собрана. Полагаю, Орсон ждет, когда я засну. В течение последнего часа я несколько раз слышал, как он подходил к двери и стоял за ней, словно прислушиваясь. Это меня очень настораживает, особенно поскольку сегодня он добрый и любезный. Но, как это ни странно, я ему верю. Не могу это объяснить, но я не думаю, что Орсон сделает мне что-нибудь плохое, особенно после прошедшей ночи. Это произвело на него впечатление.

Хочется надеяться, что это последняя запись, которую я сделаю здесь, в этом доме. Исписывая эти страницы, я хоть частично сохранил здравый рассудок и независимость, однако я описал далеко не все, что произошло здесь. Причина этого в том, что я намереваюсь все забыть. Некоторые малодушно теряют целые годы своего детства. Они засовывают воспоминания в глубины подсознания, чтобы те глодали их лишь понемногу, маленькими, безболезненными укусами. Вот и я буду стремиться к подобному забвению. Моя цель – стереть в памяти неописуемые события последних одиннадцати дней. Я с радостью заплачу за это краткими периодами депрессии, злости и отпирательства, которым суждено терзать меня до конца жизни. Ничто не может быть таким же опустошающим, как память о том, что я увидел и что сделал сам.

*** * ***

Поставив внизу тетрадного листа подпись, я сложил его вчетверо. Затем подошел к своей сумке и засунул между грязной одеждой, вместе с другими записями. Погасив лампу на ночном столике, забрался под одеяло. Стук дождя по железной крыше убаюкал меня эффективнее целого пузырька таблеток снотворного.

* * *

Темноту разорвала вспышка молнии, и я увидел белки глаз Орсона. Он стоял посреди комнаты, и вода стекала с него на пол. Когда небо снова стало черным, у меня бешено заколотилось сердце, и я уселся в кровати.

– Орсон, ты меня напугал. – Мне пришлось повысить голос, чтобы перекрыть барабанную дробь капель.

– Не бойся, – успокоил меня брат. – Я пришел, чтобы сделать тебе укол.

– Какой?

– Я введу тебе препарат, который поможет тебе заснуть. Подобно тому, как это было в мотеле.

– Ты уже давно стоишь здесь?

– Ну, какое-то время. Я наблюдал за тем, как ты спишь, Энди.

– Будь добр, зажги свет.

– Я отключил генератор.

Мое сердце не собиралось успокаиваться, поэтому я схватил с ночного столика коробок спичек и зажег керосиновую лампу. Как только на фитиле вспыхнуло пламя, стены окрасились в теплые тона и ужас отхлынул из моего сердца. Орсон был в джинсах и зеленом пончо, промокших насквозь.

– Мне нужно ввести тебе вот это, – сказал он, показывая шприц. – Пора трогаться в путь.

– Это действительно необходимо? – спросил я.

– Абсолютно необходимо. – Орсон шагнул ко мне. – Засучи рукав.

Закатав рукав, я отвернулся, и брат вонзил иглу мне в плечо. Боль была острой, но недолгой, и я не почувствовал, как Орсон вытащил иглу. Когда я снова посмотрел на него, комната перед глазами уже начала расплываться, и моя голова непроизвольно упала на подушку.

– Времени у тебя теперь осталось немного, – сказал Орсон. Мои веки уже сомкнулись, и его голос прозвучал таким же отдаленным, как раскат грома. – Проснешься ты уже в своем номере в мотеле в Денвере, в тумбочке будет лежать билет на самолет, а в запертом футляре в сумке – «Смит-и-Вессон». В настоящий момент тебе достаточно знать, что мама в полной безопасности, а все улики против тебя в надежном месте. Ты выполнил свою часть соглашения. Я выполню свою.

Полагаю, мы прошли эту стадию наших взаимоотношений, но все-таки повторюсь еще раз. Никому не говори о том, что ты сделал, о том, где, по-твоему, ты находился. Ничего не говори обо мне, о Ширли Таннер, о Уилбуре и остальных парнях. Все это время ты провел на Арубе, отдыхая. И не трать напрасно силы на то, чтобы вернуться сюда и разыскать меня. Возможно, ты определил местонахождение этого дома, но смею тебя заверить, я покину пустыню вместе с тобой.

В последующие месяцы, возможно, произойдет нечто такое, что ты не поймешь, о чем даже никогда не думал. Но, Энди, помни вот о чем: все, что происходит, происходит с каким-то смыслом, и я контролирую этот смысл. Пусть у тебя не возникает никаких сомнений.

Мы с тобой увидимся снова, хотя это произойдет нескоро. Живи своей жизнью, как прежде. К тебе придет чувство вины, но тебе придется сразиться с ним. Пиши свои книги, упивайся успехом – но только держи меня где-то в подсознании.

Его лицо совсем расплылось, но все-таки мне показалось, что он улыбается. Шум дождя утих, и даже голос Орсона, выразительный мягкий шепот, стал едва различим.

– Ты уже почти отключился, – сказал брат. – Я вижу это по твоим прикрытым глазам. Прежде чем ты провалишься в блаженное забытье, я хочу оставить тебе кое-что на прощание.

Я знаю, что ты любишь поэзию. На первом курсе в колледже ты изучал Фроста[8]. Тогда я его терпеть не мог; сейчас я его обожаю. Особенно одно стихотворение. Главное в этом стихотворении то, что каждый считает его относящимся лично к нему. Его читают на выпускных вечерах и печатают в ежегодниках, поэтому, поскольку все идут одним путем, все могут претендовать на неповторимость, так как они любят это стихотворение. Я уже заканчиваю, и пусть Боб Фрост тебя убаюкает.

Мои глаза закрылись, и я не смог бы их открыть, даже если б захотел. Голос Орсона нашел мои уши, и хотя последнюю строчку я так и не услышал, подчиняясь силе снотворного, я не мог избавиться от мысли, что «Другая дорога» определенно написана про меня.

Скрещенье тропинок в осеннем лесу,

Когда б раздвоился, я выбрал бы обе,

А так – словно держишь судьбу на весу,

Стоишь и глядишь сквозь сухую листву

На ту, что теряется в темной чащобе.

Я выбрал другую – она посветлей

И мне показалась еще нелюдимей…

…

Отличия вряд ли уже различимы —

Их, если и были… укрыл листопад…[9]

Часть вторая

Глава 14

Книжный магазин на Девятой улице размерами был не больше обыкновенного кафе, поэтому я был поражен тем, какая огромная толпа в него втиснулась. Представитель вымирающей породы отдельных книжных магазинов, он напоминал библиотеку в особняке. Хотя магазин занимал два этажа, второй этаж был полностью отведен книжным шкафам. Балюстрада на высоте десяти футов, проходившая вокруг, обеспечивала доступ к бесчисленным книгам.

Сняв очки в золотой оправе, я пожевал заключенную в резину дужку и, облокотившись на деревянную кафедру, прочитал заключительное предложение из «Поджигателя»:

– «Сиззл умер и с радостью отправился в ад». Благодарю за внимание.

Когда я закрыл книгу, собравшиеся захлопали. В первом ряду поднялась Адрианна Фелпс, владелица магазина.

– Уже девять часов, – беззвучно изобразила губами она, постучав пальцем по часам.

Я спустился с кафедры, и миниатюрная женщина с тонкими губами, короткими иссиня-черными волосами и слащавым грозным лицом схватила микрофон.

– К сожалению, наше время истекло, – объявила она собравшимся. – На витрине выставлены книги мистера Томаса, и он любезно согласился подписать пятьдесят экземпляров «Поджигателя»; они также поступят в продажу. Поддержим его!

Повернувшись ко мне, женщина улыбнулась и захлопала. Толпа присоединилась к ней, и в течение десяти секунд отрывистые аплодисменты заполняли старый магазин, последнюю остановку в моем турне в поддержку книги, во время которого я объехал двадцать городов.

Когда читатели стали расходиться, покидая магазин, мой литературный агент Синтия Маттис, поднявшись с места, прошла ко мне по вытертому дубовому паркету. Увернувшись от поклонника, жаждавшего получить автограф, я подошел к ней.

– Сегодня вы превзошли самого себя, Энди! – сказала она, обнимая меня.

От Синтии пахло тонкими духами с ароматом сирени. Она воплощала в себе все качества, которыми должна обладать элегантная, успешная жительница Нью-Йорка. В свои пятьдесят Синтия не выглядела и на сорок. Ее волосы, чуть тронутые изморозью седины, были длинными, но она, пряча, закручивала их в тугой узел на затылке. Гладкие щеки сияли слабым румянцем, резко контрастирующим с черным костюмом.

– Я так рад вас видеть, – сказал я, когда она наконец отпустила меня.

Мы с Синтией не виделись с тех самых пор, как я начал работу над «Поджигателем», и сейчас мне было как-то странно снова встретиться с нею.

– Я забронировала нам столик в «Иль пьяцце», – сказала она.

– Слава богу, я умираю от голода.

Однако не меньше пятидесяти человек окружили нас, жаждая перемолвиться парой словечек и получить заветный автограф. Двери магазина, ведущие к моему ужину, казалось, находились на удалении нескольких миль, но я напомнил себе, что люблю это, что именно ради этого я так усердно трудился. Поэтому я натянул на лицо вежливую улыбку, собрался с духом и шагнул в толпу своих поклонников, надеясь на то, что их интерес окажется недолгим.

* * *

Рослый сомелье-итальянец вручил мне пробку, и я, пощупав ее рубиново-красный кончик, ощутил влагу. Сомелье плеснул немного вина мне в бокал. Покрутив жидкость в бокале, я пригубил ее, и, после того как снова кивнул, сомелье наполнил оба бокала темно-янтарным «латуром»[10], четырнадцать лет дожидавшимся этого момента.

После того как сомелье ушел, подошедший официант в красочных подробностях расписал нам несколько блюд. Он также ушел, оставив нам две бордовые папки с меню. Спотыкаясь на итальянских наименованиях, я потягивал бархатистое вино, размышляя о багровых виноградных гроздьях, наливающихся соком на юге Франции, а затем попадающих в прохладные погреба.

Спокойную, душевную атмосферу «Иль пьяццы» подчеркивали огни центральной части города. Расположенный на тридцать пятом этаже небоскреба «Паркер-Льюис», ресторан занимал угловую часть, поэтому лучшие столики стояли вдоль двух стен из сплошных окон, смотрящих на город. Мы сидели за столиком на двоих, освещенным дрожащим огоньком свечи, и я смотрел на воды Ист-ривер далеко внизу, скользящие под Бруклинским мостом. Я проводил взглядом огни баржи, поднимающейся вверх по реке, борясь с черным течением.

– Вы выглядите уставшим, – заметила Синтия.

Я поднял взгляд.

– Раньше я любил публичные чтения, но теперь они меня утомляют. Я хочу вернуться домой.

– Энди… – начала она, и по ее серьезному тону я догадался, что будет дальше.

Мы с Синтией хорошо знали друг друга, и мое исчезновение в мае пошатнуло ее веру в меня.

– Послушайте, я несколько раз пыталась поговорить с вами о том, что произошло, но вы неизменно отшучивались…

– Синтия…

– Энди, если вы дадите мне высказаться, мы сможем оставить все в прошлом. – Увидев, что я молчу, она продолжала: – Вы понимаете, что больше всего беспокоит меня в вашем внезапном отъезде на острова Тихого океана?

– Да, – сказал я, поглаживая ножку бокала большим и указательным пальцами.

– Если бы вы, не сказав мне ни слова, внезапно собрались и уехали куда-нибудь во время работы над книгой, мне не было бы до этого никакого дела. Я не ваша мать. Но вы исчезли, когда книга была опубликована. Мне не нужно вам объяснять, какое огромное значение имеет первая неделя. Как писатель, вы у всех на виду, Энди. Ваши интервью и публичные чтения создают необходимое оживление. Первоначальные объемы продаж существенно уступали тем, что мы имели с «Синим убийством». Какое-то время мне даже казалось, что нас ждет провал.

– Синтия, я…

– Я только хочу сказать: больше никогда не повторяйте подобные выкрутасы. Помимо того что пришлось отменять ваши встречи с читателями, я была вынуждена общаться с журналистами и объяснять им, почему вас не будет. В то время как сама я понятия об этом не имела! Впредь не ставьте меня в такое положение.

К нам приближался официант, но Синтия жестом остановила его.

– Господи, Энди, вы даже не позвонили мне, чтобы предупредить о своем отъезде! – с жаром прошептала она, сдвинув брови, возбужденно выбросив вперед руки. – Неужели так трудно взять телефон, черт побери?

Подавшись вперед, я спокойно произнес:

– Я был полностью выжат. Мне нужно было отдохнуть, и у меня не было желания спрашивать у кого бы то ни было разрешения. Итак, вот какими были мои рассуждения; я был неправ и сожалею об этом. Впредь такое никогда не повторится.

Синтия отпила большой глоток. Я допил вино и ощутил прилив тепла к щекам. Взял Синтию за руку. Она вздрогнула.

– Синтия, я приношу свои извинения, хорошо? Вы меня простите?

На ее губах появилась слабая улыбка.

– Да, Энди.

– Вот и отлично. Давайте сделаем заказ.

Синтия заказала тушеную баранью ногу с соусом из красного перца, и когда официант поставил перед ней тарелку, у нее зажглись глаза. Затем я с удовольствием встретил свой заказ: жареный миндаль, сушеные помидоры, каперсы и вяленые морские гребешки. Под слоем макарон поблескивал розовый соус на водке. Перед тем как удалиться, официант откупорил бутылку бордо и наполнил наши бокалы.

Соленые гребешки прекрасно сочетались со сладкими помидорами. Обсасывая один, я почувствовал, как на зубах хрустнула песчинка. Я пригубил вино – оттенки чернослива, мяса и табака. Оно гладким шелком скользнуло по горлу. Наслаждаясь идеальным балансом между голодом и его утолением, я думал только о том, чтобы растянуть все как можно дольше.

По мере того как сгущалась ночь, меня все больше притягивал вид города. Пить коллекционное вино в одном из лучших ресторанов Нью-Йорка и наслаждаться морем огней небоскребов и пригородов – это чертовски хороший способ провести вечер. В этом океане света я сознавал, что меня окружают миллионы людей, и потому в городе страх одиночества, грозивший мне, отступил.

– Эндрю! – хихикнула Синтия, пародируя британский акцент. – Вы выпили слишком много.

Я медленно отвернулся от окна к ней, и у меня перед глазами все поплыло. Я действительно напился.

– Какой прекрасный город! – с теплотой произнес я.

– Вам нужно завести здесь свой уголок.

– Ни за что, черт возьми.

– Вы намекаете, что в моем городе что-то не так?

– Я ни на что не намекаю. Я просто говорю вам: вы, янки, вечно куда-то спешите, черт бы вас побрал!

– И эта спешка чем-то хуже того коматозного состояния, в котором пребывает Юг?

– Мы, южане, умеем по достоинству оценить неторопливую работу. Не корите нас за это. На мой взгляд, в вас лишь говорит зависть янки…

– Я нахожу слово «янки» оскорбительным.

– Это потому, что у вас нет четкого определения этого понятия.

– Будьте любезны, просветите меня.

– Ну хорошо. Итак, «янки» – существительное, определяющее каждого, кто живет к северу от Вирджинии, в особенности грубых, суетливых северян, которые говорят слишком быстро, не понимают прелестей сладкого чая и барбекю и на закате жизни перебираются во Флориду.

Синтия рассмеялась. Ее карие глаза сверкнули. Я заглянул в них.

Глаза Синтии покраснели, и я отвернулся к окну, чувствуя, как под хлопчатобумажной рубашкой и оранжевым галстуком гулко колотится сердце.

– Энди, в чем дело?

– Всё в порядке, – пробормотал я, стараясь отдышаться.

– Что случилось?

– Ничего.

Уставившись в окно на огни Куинса, я жадно дышал, стремясь взять себя в руки, и снова и снова повторял себе эту ложь.

– Вы в последнее время стали каким-то другим, – сказала Синтия, поднося бокал к губам.

– То есть?

– Не могу сказать. Поскольку мы с вами не виделись уже почти целый год, возможно, с моей стороны это замечание несправедливо.

– И все же, – настаивал я, втыкая вилку в гребешок, – пожалуйста, выскажите свою оценку.

– После того как вы вернулись, я заметила в вас перемену. Ничего глубокого. Но, как мне кажется, я уже достаточно давно вас знаю и могу сказать, если у вас что-то не так.

– И что, по-вашему, со мной случилось?

– Выразить словами трудно, – неуверенно произнесла Синтия. – Просто такое ощущение. Когда вы, вернувшись, позвонили мне, что-то было другим. Я предположила тогда, что вас пугает предстоящее турне в поддержку книги. Однако я и сейчас чувствую эти исходящие от вас волны.

Я допил еще один бокал вина.

– Энди, скажите прямо, – спросила Синтия. – Вы так и не пришли в себя?

– Нет, всё в порядке. Понимаю, вас это тревожит…

– Если речь идет о женщине, скажите одно слово, и я умолкну. Я не собираюсь лезть в вашу личную…

– Никакой женщины нет, – остановил ее я. – Послушайте, у меня все в полном порядке. Вы ничем не можете мне помочь.

Подняв бокал, Синтия отвернулась к окну.

К нам подошел официант забрать пустые тарелки. Он начал было расписывать дьявольски вкусное клубнично-шоколадное суфле, но было уже поздно, а в половине девятого утра у меня был вылет из «Ла-Гуардии». Поэтому Синтия заплатила по счету, и мы спустились на лифте вниз. Уже почти полночь. Я не мог себе представить, как проснусь завтра утром. Я слишком много выпил.

Поймав Синтии такси, я на прощание чмокнул ее в щеку. Она попросила меня позвонить ей на следующей неделе, и я обещал, что позвоню. Когда машина тронулась, Синтия обернулась и пристально посмотрела на меня, пытаясь понять, что со мной не так.

Ты ни за что не догадаешься.

Когда такси уехало, я пошел по пустынным улицам и на протяжении нескольких кварталов не встретил ни единой души. Грязная Ист-Ривер, хоть и скрытая теперь из виду, по-прежнему несла свои воды в Атлантический океан. Я чувствовал ее затхлый, отравленный запах. Мимо промчались четыре кареты «Скорой помощи», разрывая воздух пронзительными сиренами. До моей гостиницы было десять кварталов, и я надеялся на то, что прохладная сентябрьская ночь хоть немного меня протрезвит.

Я с ужасом думал о возвращении домой. С середины июня я разъезжал по всей стране, заполняя дни публичными чтениями и встречами с читателями, которые помогали мне удержаться в настоящем. Я не хотел ни на минуту оставаться один. Меня ужасали мои мысли. И вот теперь, когда мне предстояло возвращение в Северную Каролину, к прежней размеренной жизни, я сознавал, что начнутся настоящие мучения. У меня не было книги, над которой я мог бы работать. Мне предстоит в полном безделье жить в своем доме на берегу озера. Просто существовать. И именно там, опасался я, ко мне нагрянут те две недели, существование которых я старался отрицать все лето.

Как только мои мысли возвращались к пустыне, я усилием воли гнал себя обратно к изумрудной зелени моря, к белому, как слоновая кость, песку, к ослепительному солнцу. Я явственно представлял себе беленый домик на берегу, с веранды которого я наблюдал за кроваво-красными закатами над морем. Я понимал, что обманываю себя, но человек пойдет на любые ухищрения, чтобы жить в мире с самим собой.

Глава 15

Начало октября я заполнил ясными, безоблачными днями на озере Норман и невыносимыми ночами в постели. Каждый день утром и вечером я где-то по часу ловил рыбу с причала. А после обеда плавал, нырял в мутную воду, теперь, с приближением зимы, уже покусывающую холодом. Иногда я купался голышом, просто чтобы насладиться свободой, подобно младенцу в холодном чреве, еще не родившемуся, ничего не знающему. Приближаясь к поверхности воды после ныряния на глубину, я притворялся, будто жуткие воспоминания, погребенные на задворках моего сознания, исчезнут без следа, как только я вырвусь на золотистый воздух. Реальными они остаются только под водой, рассуждал я, поднимаясь со дна озера. Воздух очистит меня.

Сидя как-то вечером на причале со стаканом виски с содовой, я следил за поплавком, качающимся на поверхности озера. Погода в начале октября в Северной Каролине просто превосходная, клонящееся к горизонту солнце раскрасило небо лазурью. Я держал удочку, ожидая, когда красно-белый поплавок нырнет под воду, и тут услышал в траве шелест шагов.

Отложив удочку, я обернулся и увидел вышедшего на причал Уолтера. Он был в темных очках и в костюме пшеничного цвета, пиджак перекинут через левое плечо, узел галстука распущен.

Вот уже две недели я был дома. Хотя Уолтер звонил часто, говорили мы всего дважды, и с моей стороны разговор был вялым и бессодержательным. Оба раза я при первой же возможности клал трубку, уклоняясь от расспросов Уолтера и ничего не раскрывая о своем майском исчезновении. Мне хотелось только одиночества и самозабвения, но сейчас, глядя на своего лучшего друга, угрюмо идущего по причалу, я понял, что обидел его.

В нескольких шагах от меня Уолтер остановился и швырнул на выбеленные на солнце доски конверт из плотной бумаги. Он пристально посмотрел на меня, и я увидел свое отражение в черных стеклах его очков. Уолтер подсел ко мне на край причала, свесив ноги над водой.

– Твоя книга хорошо расходится, – сказал он. – Я рад за тебя.

– Это замечательно.

Увидев, что я треблю конверт в руках, Уолтер сказал:

– Я его не вскрывал.

– Мог бы и не говорить это.

– У тебя клюет!

Схватив удочку, я подсек, однако поплавок вынырнул на поверхность без натяжения лески. Когда я отпустил удочку, поплавок застыл неподвижно.

– Проклятие, это была крупная рыбина. Вероятно, черный окунь. – Бросив удочку на причал, я взял стакан с виски и сказал, вставая: – Пошли.

Хотя погода держалась умеренно теплая, за целый день на солнце причал раскалился, словно асфальт летом. Мне обожгло пятки.

– Идем в дом. Я угощу тебя пивом.

В одних только плавках, я взбежал по причалу к берегу, прыгнул на траву и стал ждать. Уолтер, как обычно, шел неторопливо. Мы вместе прошли во двор, узкую зеленую полоску, поднимающуюся от берега к дому. Я не подстригал газон вот уже две недели, поэтому трава мягким, густым ковром поднималась на несколько дюймов выше щиколотки.

Когда мы шли по ступеням на веранду, я оглянулся на лес справа. И подумал о трупе, спрятанном там, том самом трупе, который полностью перевернул мою жизнь. На какое-то мгновение я заново пережил то, как обнаружил его: запах, страх, ужас открытия…

Войдя в дом, я выдал Уолтеру бутылку пива из холодильника и провел его в гостиную. Гораздо более трезвый, чем мне хотелось бы, я пошел смешать себе еще виски с содовой, а Уолтер растянулся на диване.

– Извини, что не заглянул к тебе, – сказал я, оставаясь у бара.

– Тебя вымотало турне в поддержку книги?

– Просто у меня не было настроения постоянно находиться на людях. Постоянно быть в форме.

Бросив в стакан несколько кубиков льда, я наполнил его наполовину лимонной содовой, наполовину виски, размешал, вернулся в гостиную и уселся в кожаное кресло напротив Уолтера.

Его взгляд упал на «Коричневую композицию № 2», взирающую на нас со стены над камином во всей своей помпезной красе. Он усмехнулся, но натянутость наших отношений заставила его оставить при себе свое замечание.

– Знаю, – сказал я, – полное дерьмо. Этот Ломан просто пачкал краской холсты. Мне хочется отвесить ублюдку хорошего пинка. Ума не приложу, зачем я оставил здесь эту мазню. И не могу сказать, что я к ней привык. Напротив, с каждым днем я ненавижу ее все сильнее.

– Должно быть, где-то в глубине души он сознавал, что бездарь. Дружище, тебе следовало бы прислушаться к моим словам.

– Знаю, знаю. – Я зевнул. Как только Уолтер уйдет, я отключусь. – Как семья?

– А, обязательный вопрос… Всё в порядке. В последнее время я стараюсь проводить с ними больше времени. Меньше торчать в редакции. На самом деле через два часа я должен быть на школьном спектакле. Тридцать шестилеток на сцене. Можешь себе представить?

– И что они будут ставить?

– Мамета[11].

Мы рассмеялись. Мы всегда смеялись, когда бывали вместе.

– Бедняжка Дженна – она так волнуется! Вчера ночью забралась в кровать к нам с Бет, вся в слезах… Мы заснули, утешая ее. Проснулись в луже.

– О-ох! – Меня передернуло. – Восторг родителей. Я уж как-нибудь обойдусь без этого!

– Ты это серьезно? – спросил Уолтер, сбрасывая с ног штиблеты и устанавливая бутылку себе на грудь.

– Ну да, черт побери! Все жалеют меня, когда я говорю, что не хочу жениться и заводить детей. Но это не возвышенное отречение. Просто я абсолютно точно знаю, что на свете нет ни одной живой души, рядом с которой мне хотелось бы просыпаться изо дня в день. За исключением тебя, разумеется. На тебе, Уолтер, я бы женился. Говорю это совершенно серьезно.

Мой друг добродушно рассмеялся.

– Карен тогда сильно тебя обидела, но нельзя же злиться всю жизнь.

– Черт возьми, откуда тебе знать, что я должен чувствовать?

– Потому что человек не может идти по жизни, не влюбляясь время от времени в кого-нибудь.

Как это печально! Уолтер действительно полагает, что я хочу жить его жизнью. Он считает меня Гэтсби для своей Дейзи[12]. Возможно, это действительно так.

– Я был влюблен в Карен, – сказал я, и мне к горлу подступил клубок, но я проглотил его. – И что это мне дало? Итак, я был в нее влюблен и думал, что хочу провести с ней всю жизнь. Так продолжалось два года, но внезапно Карен расхотела иметь что-либо со мной. Не пожелала даже остаться друзьями. Сказала, что я – это пройденный этап. Просто пройденный этап, твою мать! Два года моей жизни, потраченных впустую. Я думаю о том, что мог бы написать за это время – и это меня просто бесит, твою мать! – Покачав головой, я отпил глоток хмельной лимонной содовой. – Я скажу тебе вот что: это станет настоящим чудом, если я когда-либо женюсь, потому что я к этому не стремлюсь. Я просто не думаю, что это произойдет, и после двух лет с Карен… Проклятие, с меня достаточно!

– Тебе попалось гнилое яблоко, и теперь ты думаешь, что все яблоки такие на вкус, однако это не так, – произнес Уолтер самодовольным тоном человека, уверенного в собственной правоте.

– Быть может, кому-то просто нравятся гнилые яблоки.

Уолтер обиженно скривил рот.

– Извини. Ума не приложу, почему я себя так веду. В настоящий момент я просто налакался.

– Послушай, все этапы рано или поздно подходят к концу. Радуйся тому, что ты не законченный кретин вроде Билла Йорка.

– Этот хрен по-прежнему у вас литературный редактор?

– Ага. Полный ублюдок. Устроил мне сегодня разнос за то, что я ухожу рано.

– Ты руководишь журналом. Выгони его.

– Если б он не был таким хорошим редактором, я бы уже давно дал ему пинка под зад. Но я не плачу ему за то, чтобы он был порядочным человеком. До тех пор пока он выдает безукоризненные в грамматическом отношении тексты, он может быть хоть Князем тьмы.

– Я просто в восторге от твоей принципиальности!

Мы снова рассмеялись. Последовала короткая пауза, но, поскольку она наступила вслед за смехом, натянутости в ней не было. Отпив пива, Уолтер поднял на меня взгляд.

– Энди, – сказал он, – не хочешь рассказать, что происходит?

Посмотрев ему в глаза, мне захотелось все выложить. Потребность поведать другому человеческому существу о том, где я побывал и что сделал, была просто нестерпимой.

– Я просто не знаю.

– Это имеет какое-либо отношение к той поездке, которую ты совершил в мае?

Я ответил не сразу.

– Пожалуй, можно сказать и так.

– Все дело в налогах? – спросил Уолтер. – У тебя неприятности с налоговым управлением? Это серьезно.

– Конечно нет! – рассмеялся я.

– Что ты не можешь мне доверить? – Он прищурился, и я пожал плечами. – Тогда говори.

– Ты готов рискнуть своей свободой, возможно, личной безопасностью, ради того чтобы узнать, что со мной произошло?

Усевшись в кровати, Уолтер поставил полупустую бутылку на пол.

– Не сомневаюсь, ты ради меня пошел бы на это без колебаний.

При мысли о пустыне у меня в груди все сжалось. Допив виски, я посмотрел другу в глаза. С мая его седые волосы здорово отросли.

– Ты знаешь, что у меня есть брат-близнец?

– Ты как-то упоминал об этом. Он исчез, так?

– Нам тогда было по двадцать лет. Как-то вечером он просто вышел из нашей комнаты в общежитии. Сказав: «Какое-то время ты меня не увидишь».

– Представляю, как это было тяжело.

– Да, это было очень тяжело. Брат связался со мной в мае. Уолтер, ты никому не должен говорить об этом. Ни Бет, ни кому бы то ни было еще…

– Кому я могу рассказать?

– Помнишь чернокожую учительницу, которая пропала весной?

– Риту Джонс?

Я судорожно глотнул. Если ты сейчас все расскажешь, ты втянешь в это Уолтера. Подумай хорошенько. Ты слишком пьян, чтобы принимать решение.

– Она зарыта в лесу в моих владениях. – Уолтер побледнел. – Это сделал мой брат Орсон. Он шантажировал меня. Сказал, что моей кровью испачкан труп Риты Джонс, а нож, которым он ее убил, спрятан у меня в доме. Пригрозил, что, если я не встречусь с ним, он обратится в полицию. Угрожал убить мою мать.

– Ты пьян.

– Хочешь взглянуть на труп?

Уолтер пристально посмотрел на меня. У него на лице отразилось сомнение.

– Это твой брат ее убил?

– Да.

– Почему?

– Он психопат, – ответил я, стараясь унять дрожь в руках.

– Что было ему нужно от тебя?

У меня на глазах навернулись слезы, и я не смог их сдержать. Они покатились по щекам, а когда я вытер их и поднял взгляд на Уолтера, они накатились снова.

– Это ужасно, – дрогнувшим голосом прошептал я.

Слезы сбежали по моим губам и потекли по подбородку.

– Куда ты уехал?

– В пустыню в штате Вайоминг.

– Зачем?

Я ничего не ответил, и Уолтер подождал, давая мне возможность совладать с собой. Он больше не стал спрашивать, зачем я ездил в пустыню.

– Где твой брат сейчас?

– Не знаю. Он может быть где угодно.

– Ты не обращался в полицию?

– Он угрожал убить мою мать! – Я повысил голос. – К тому же, что бы я сказал? «Мой брат-близнец убил Риту Джонс и зарыл труп в моем имении. Да, кстати, все тело в моей крови, она была убита моим кухонным ножом, мой брат бесследно исчез, но я клянусь, что я тут ни при чем!»

– Какие у тебя еще были варианты? – спросил Уолтер.

Я молча пожал плечами.

– Что ж, если то, что ты говоришь, правда, – люди будут и дальше умирать до тех пор, пока твоего брата не схватят. И следующей жертвой, возможно, станут Бет или Джон Дэвид. Тебя это нисколько не беспокоит?

– Меня беспокоит то, – сказал я, – что даже если б мне удалось разыскать Орсона, притащить его в полицейский участок и рассказать следователям, что он сделал, он как ни в чем не бывало вышел бы на свободу. У меня нет никаких доказательств, Уолтер. В суде не прокатит то, что я знаю, что мой брат психопат, что я видел, как он истязал и убивал людей. Главным будет то, что на Рите Джонс моя кровь.

– Ты видел, как твой брат убил человека? – спросил потрясенный Уолтер. – Убийство произошло у тебя на глазах?

Мои глаза снова наполнились слезами.

– Кто это был?

– Я не стану говорить об этом!

Вскочив с кресла, я подошел к окну, выходящему на лужайку, за которой раскинулось озеро. На опушке тополя уже покрылись золотом, багровые дубы и красные клены скоро воспламенят лес своей умирающей листвой. Я прижался лбом к окну; слезы струились по стеклу, оставляя размытые подтеки.

– Чем я могу помочь? – спросил Уолтер, и его голос снова стал мягким.

Я молча покачал головой. Я тоже убивал. Вырезал женщине сердце и убил мужчину выстрелом в голову, потому что Орсон мне приказал. Слова метались у меня в голове, но я не мог признаться Уолтеру в том, что я сделал. Почему-то мне казалось, будет достаточно, если он узнает про Орсона и про то, где я был.

– Каждую ночь меня мучат кошмарные сны. Я не могу писать. Я видел такое…

– Тебе необходимо с кем-нибудь поговорить. Подобные вещи будут мучить тебя…

– Я говорю с тобой, – сказал я, наблюдая за тем, как на противоположной стороне озера катер тащит надутый баллон. Мне хотелось узнать, какие именно мысли сейчас в голове у Уолтера.

Он подошел к окну, и мы оба прижались к стеклу.

– Она вон там, – сказал я, указывая на лес. – В неглубокой могиле.

Казалось, мы стояли вот так у окна целую вечность. Я думал, что Уолтер будет выпытывать у меня подробности, но он молчал, и я был ему за это признателен.

Наконец ему настала пора уходить. Он должен был присутствовать на спектакле своей дочери. Я представил себе Дженну на сцене, сияющих Уолтера и Бет в зрительном зале. Клянусь, это длилось всего одно мгновение, но меня захлестнула зависть.

Глава 16

Джанетт Томас жила одна в умирающем пригороде Уинстона-Салема, штат Северная Каролина, в том же самом доме в сельском стиле, в котором выросли ее сыновья и умер муж. В мое детство это был процветающий район, населенный средним классом, но сейчас, медленно проезжая в своем красном «Джипе CJ-7» по Рейс-стрит, я поражался, как все вокруг изменилось. Дома были огорожены заборами из ржавой металлической сетки; многие строения обветшали. Казалось, на каждом крыльце

сидел старик в кресле-качалке, махая рукой редким проезжающим машинам. Для многих своих обитателей район являлся последним оплотом независимости, а дальше не за горами уже был дом для престарелых.

Подъезжая к дому матери, я помимо воли вспоминал, каким здесь все было прежде. Во времена моего детства улицы были заполнены детворой. Я и сейчас явственно видел ребятишек, катающихся на велосипедах и самодельных самокатах, смастеренных из досок, смеющихся, дерущихся, бегущих за машиной продавца мороженого, кружащего по району знойным летним вечером. Волшебная страна, укрытая тенистыми деревьями и наполненная электричеством молодой энергии, она была для нас с Орсоном всем миром. Мы лазали по деревьям, бродили в холодной сырости канализационных канав, исследовали запретный лес, примыкавший к району с юга. Мы организовывали тайные общества, сооружали шаткие шалаши, зимними вечерами курили свои первые сигареты на опустевших бейсбольных площадках. Поскольку это был единственный дом моего детства, воспоминания оставались живыми и свежими. Они накатывались на меня каждый раз, когда я возвращался сюда, и сейчас, когда этот район превратился в город-призрак, детство казалось мне гораздо более захватывающим. Нынешнее унылое существование городка делало воспоминания более сочными и яркими.

Моя мать всегда оставляла машину в самом конце дорожки, чтобы не задеть задом почтовый ящик. Увидев ее машину у самой кромки проезжей части, я усмехнулся и остановился напротив дома. Заглушив двигатель, открыл дверь и услышал завывающий скрежет вентилятора для сбора опавшей листвы. Выйдя из машины, захлопнул дверь.

На крыльце дома напротив в кресле-качалке курил трубку старик, наблюдающий за тем, как ватага подростков собирает листву у него на лужайке в большую бурую кучу. Он помахал мне рукой, и я помахал в ответ. «Мистер Гаррисон… Нам с Орсоном было по двенадцать лет, когда мы узнали о том, что вы подписаны на «Плейбой». Три месяца подряд мы воровали журнал. Каждый день после школы проверяли ваш почтовый ящик. На четвертый месяц вы нас поймали. Целую неделю простояли у окна, выглядывая из-за занавески, чтобы установить воров. Вы выбежали из дома, намереваясь оттащить нас к матери, но тут до вас дошло, что в этом случае она узнает, какой вы грязный старикашка. “Вы уже стащили у меня три номера! – крикнули вы, а затем шепотом добавили: – Я буду оставлять их у черного входа, после того как прочитаю сам. Как вам такое? По крайней мере, дайте мне получить удовольствие за свои деньги”. Мы ничего не имели против…»

– Эй! – окликнул меня водитель серой «Хонды», остановившейся посреди улицы.

Спустившись на проезжую часть, я подошел к ней.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил я.

На вид мужчине было лет двадцать шесть – двадцать семь. Черные как смоль волосы, тонкое, словно лезвие бритвы, лицо, гладкое и белое, будто попка младенца. Из салона машины мне в нос пахнуло сильным запахом стеклоочистителя «Виндекс». Глаза мужчины мне не понравились.

– Вы Эндрю Томас? – спросил он.

Ну вот, опять.

С тех пор как в свет вышла моя первая книга, я вел счет. Так вот, если не брать конференции, литературные фестивали и другие публичные мероприятия, это был уже тридцать третий раз, когда меня узнали на улице.

Я кивнул.

– Быть такого не может! Я как раз читаю вашу книгу. Мм… «Воспламенитель»… нет, не то. Я же помнил, как она называется…

– «Поджигатель».

– Точно! Я от нее без ума! Она у меня с собой. Как вы думаете, вы смогли бы… э… мм…

– Подписать ее?

– А вы подпишете?

– С удовольствием.

Перегнувшись, мужчина взял с заднего сиденья мое последнее творение в твердом переплете и протянул мне. Наверное, у меня такой вид, будто я постоянно ношу с собой ручку. Иногда встречи с поклонниками оказываются удручающими.

– У вас есть ручка? – спросил я.

– Проклятье, я… хотя подождите.

Открыв бардачок, мужчина достал тупой огрызок карандаша. Судя по всему, недавно он играл в мини-гольф. Взяв карандаш, я взглянул на обложку «Поджигателя» – злобное ухмыляющееся лицо, окруженное языками пламени. Я был не в восторге от дизайна обложки, однако мнение автора никого не интересует.

– Вы хотите, чтобы я просто поставил свой автограф? – спросил я.

– А вы не могли бы… сделать надпись моей подруге?

– Разумеется. – «Ну что, ты сам скажешь, как ее зовут, или мне придется спрашивать?..» Мне пришлось спрашивать: – Как ее зовут?

– Дженна.

– Д-Ж-Е-Н-Н-А?

– Ага.

Положив книгу на крышу машины, я нацарапал имя и одно из трех посвящений, которые обыкновенно пишу: «Дженне – пусть у вас дрожат руки и колотится сердце. Эндрю З. Томас». Закрыв книгу, я вернул ее мужчине.

– Она будет в восторге! – воскликнул тот, включая передачу. – Огромное вам спасибо!

Пожав его холодную, тонкую руку, я вернулся на тротуар.

После того как «Хонда» уехала, я прошел через неухоженный двор к дому матери. Налетевший порыв ветра пощекотал мне спину. Утреннее небо было затянуто похожими на матрасы пухлыми тучами, которые в ближайшие месяцы, возможно, принесут снег. Посреди лужайки серебристый клен поднимал к пепельно-серому октябрьскому небу яркий багрянец своей листвы.

По мере того как я приближался к дому, мне все отчетливее открывалось, в каком он запущенном состоянии. Водосточные желоба, уже начинающие отходить от крыши, были переполнены опавшими листьями, а выцветшая краска на стенах шелушилась. Двор превратился в джунгли, и я подумал, что мать наверняка уволила садовника, которого я ей нанял. В последнее время она все упрямее отказывалась принимать какую-либо финансовую помощь. После успеха «Убийцы и его оружия», права на которого приобрели в Голливуде, я предложил матери купить новый дом, но она отказалась. Она не позволяла мне оплачивать ее счета, запретила купить ей новую машину или хотя бы отправить ее в морское путешествие. Я не мог сказать, было ли тут дело в ее гордости или же она просто не представляла себе, сколько я зарабатываю, но это выводило меня из себя. Мать настаивала на том, чтобы продоложать кое-как сводить концы с концами за счет ее учительской пенсии, социальных выплат и скудных крох отцовской страховки, уже практически полностью истраченной.

Поднявшись на крыльцо, я позвонил в дверь. В треснутое окно доносился голос Боба Баркера, ведущего телевизионное шоу «Точная цена». Я услышал, как мать пододвигает к двери табурет, чтобы дотянуться до глазка.

– Это я, мама, – сказал я через дверь.

– Эндрю, это ты?

– Да, мама.

Заскрежетали три запора, и дверь открылась.

– Милый мой! – Лицо матери просветлело – туча открыла солнце. – Заходи, – с улыбкой произнесла она. – Обними свою мамочку!

Я прошел в дом, и мы обнялись. В свои шестьдесят пять мать, казалось, с каждым моим приездом становилась все меньше ростом. Волосы ее начали седеть, но она по-прежнему носила их длинными, забирая в хвостик. Зеленое платье в цветочек, которое теперь стало ей велико, висело на ее высушенном теле, словно старые обои.

– Ты хорошо выглядишь, – заметила мать, изучая мою талию. – Вижу, ты избавился от «запасного колеса».

Улыбнувшись, она ткнула меня кулаком в живот. Ей не давал покоя жуткий страх, что я внезапно растолстею до шестисот фунтов и не смогу выходить из дома. Если я хоть немного набирал вес, находиться в обществе матери становилось невозможно.

– Я тебе всегда говорила, что от этих «попкиных ушек» можно избавиться без особого труда. Честное слово, ничего привлекательного в них нет. Вот что происходит, когда просиживаешь весь день дома, работая над книгой.

– Мама, у сада запущенный вид, – сказал я, проходя в гостиную и усаживаясь на диван.

Подойдя к телевизору, мать полностью убрала громкость.

– Садовник больше не приходит?

– Я его выгнала, – сказала мать, подбоченившись и закрывая собой экран. – Он брал слишком много.

– Не ты ведь ему платила.

– Мне не нужна твоя помощь, – решительно заявила мать. – И я не собираюсь спорить с тобой по этому поводу. Я выписала тебе чек на все деньги, которые ты мне дал. Перед отъездом напомни отдать его тебе.

– Я его не возьму.

– Тогда эти деньги просто пропадут.

– Мама, но сад действительно выглядит ужасно. Его нужно…

– Трава все равно скоро пожухнет и засохнет. Нет смысла заниматься ею сейчас.

Вздохнув, я откинулся на запыленную, промятую спинку дивана. Мать скрылась на кухне. В доме пахло плесенью, старым деревом и потемневшим серебром. Над кирпичным камином висела семейная фотография, сделанная в то лето, когда мы с Орсоном окончили среднюю школу. Фотографии было шестнадцать лет, и это чувствовалось. Фон выцвел, наши лица, потеряв естественный цвет, стали розовыми.

Я отчетливо помнил этот день. Мы с Орсоном поспорили из-за того, кто наденет коричневый отцовский костюм. Мы оба были одержимы им, мать бросила монетку, и выиграл я. Взбешенный Орсон наотрез отказался фотографироваться, поэтому мы с мамой отправились в фотостудию вдвоем. Я был в коричневом отцовском костюме, а мать – в бордовом платье, которое теперь на этой фотографии стало черным. Странно было смотреть на себя и на мать, стоящих вдвоем на безликом блеклом фоне. Половина семьи. Прошло шестнадцать лет, и ничего не изменилось.

Мать вернулась с кухни в гостиную со стаканом сладкого чая.

– Вот, дорогой, угощайся, – сказала она, протягивая мне холодный вспотевший стакан.

Я отпил глоток, наслаждаясь умением матери готовить лучший чай из всех, которые я когда-либо пробовал. Он обладал именно тем вкусом – не горький, не жидкий, цвета прозрачного красного дерева. Мать села в кресло-качалку и укрыла свои тощие ноги пледом. Ее толстые вены, похожие на дождевых червей, были спрятаны под колготками телесного цвета.

– Почему ты четыре месяца не навещал меня? – спросила мать.

– Я был занят, мама, – ответил я, поставив стакан на стеклянный кофейный столик у дивана. – У меня было турне в поддержку книги и много всего другого, поэтому я не мог вырваться в Северную Каролину.

– Ну, мне обидно и больно, что мой сын не может выкроить в своем плотном распорядке время на то, чтобы навестить свою мать.

– Извини, – сказал я. – Мне правда очень стыдно.

– Ты должен быть внимательнее ко мне.

– Буду. Извини.

– Прекрати твердить одно и то же! – отрезала мать. – Я тебя прощаю. – Затем, отвернувшись к телевизору, добавила: – Я купила твою книгу.

– Мама, ты могла бы и не покупать. У меня дома тридцать авторских экземпляров. Я мог бы подарить тебе один.

– Я этого не знала.

– Ты ее прочитала?

Мать нахмурилась, и я догадался, в чем дело.

– Не хочу тебя обижать, – наконец сказала она, – но она в точности такая же, как и все предыдущие. Я не дочитала даже до конца первой главы и отложила ее. Ты же знаешь, я терпеть не могу сквернословие. А этот Сиззл просто ужасен. Я не желаю читать о человеке, который поджигает людей. Не представляю, как ты мог написать такое. Все решат, будто я плохо с тобой обращалась.

– Мама, я…

– Знаю, ты пишешь то, что покупают, но из этого вовсе не следует, что мне должна нравиться твоя писанина. Мне бы хотелось, чтобы ты в следующий раз для разнообразия написал что-нибудь хорошее.

– Например? Что бы ты хотела от меня получить?

– Любовный роман, Энди. Что-нибудь со счастливым концом. Ты же знаешь, любовные романы тоже читают.

Рассмеявшись, я поднял стакан.

– Значит, по-твоему, мне нужно переключиться на любовные романы? Смею тебя заверить, мои поклонники будут просто в восторге.

– Ну а сейчас ты грубишь, – сказала мать, наблюдая за тем, как я потягиваю чай. – Тебе должно быть стыдно. Издеваешься над собственной матерью!

– Я над тобой не издеваюсь, мама. На мой взгляд, ты сказала веселую шутку.

Снова нахмурившись, мать отвернулась к телевизору. Несмотря на своенравность и раздражительность, под внешней привередливостью она оставалась до боли ранимой.

– Ты уже был на могиле отца? – помолчав, спросила мать.

– Нет. Я хотел отправиться туда вместе с тобой.

– Сегодня утром у надгробия лежали цветы. Красивый букет. Свежие. Ты точно…

– Мама, думаю, я бы не забыл, если б сегодня утром положил цветы на могилу отца.

Кратковременная память матери начинала отказывать. Вероятно, она сама отнесла цветы вчера.

– Да, я была на кладбище сегодня утром, – продолжала мать. – До того, как небо затянуло. Посидела у могилки с час, разговаривая с ним. У него прекрасное место, под той магнолией.

– Да.

Глядя на вытертый ковер под ногами, на покосившийся обеденный стол, на первую дверь в коридоре, ведущую в подвал, я почувствовал, как мы вчетвером двигаемся по этому мертвому пространству, населенному призраками… почувствовал присутствие отца и Орсона так же явственно, как чувствовал присутствие матери, во плоти сидящей предо мной. Как это ни странно, на меня повлиял запах подгорелого тоста. Моя мать любит поджаренный до корочки хлеб, и хотя аромату ее сгоревшего завтрака было уже несколько часов, он превратил этот обветшавший дом в мой родной дом, на три неумолимых секунды снова сделал меня маленьким мальчиком.

– Мама… – начал было я и едва не произнес имя брата.

Оно висело у меня на кончике языка. Мне захотелось напомнить матери, что когда-то мы были беззаботными детьми, игравшими здесь.

Мать оторвала взгляд от работающего без звука телевизора.

Но я не стал ничего говорить. Мать выбросила Орсона из своих мыслей. Когда я раньше необдуманно заводил о нем речь, она тотчас же умолкала. Ее сразило то, что Орсон ушел, тринадцать лет назад разорвав все связи с семьей. Первоначально она справлялась с болью, отрицая сам факт, что он был ее сыном. Теперь, по прошествии многих лет, – что он вообще появился на свет.

– Это я так, извини, – сказал я, и мать отвернулась к телевизору.

Тогда я нашел воспоминание для себя самого. Нам с Орсоном по одиннадцать лет, мы в лесу. Дело происходит летом, деревья в листве. Мы находим старую брезентовую палатку, сырую, покрытую плесенью, но нам она очень нравится. Мы выметаем из нее опавшие листья и превращаем в свою тайную крепость, где играем каждый день, даже под дождем. Поскольку мы ничего не говорим о ней соседским ребятам, палатка принадлежит нам одним, мы тайком убегаем из дома по ночам и остаемся там со спальными мешками и фонариками, охотимся на светлячков до самого утра. На рассвете бегом возвращаемся домой и забираемся в свои постели до того, как просыпаются мама и папа. Они нас так и не поймали, и к концу лета у нас накопилась уже большая стеклянная банка пленников – люциферинový ночной светильник на тумбочке с игрушками между нашими кроватями…

Мы с мамой смотрели на алчных участников телешоу до самого полудня. Своим воспоминанием я с нею не поделился.

– Эндрю, – сказала мать, когда передача закончилась, – на улице все еще холодно?

– Холодно, – подтвердил я, – и ветрено.

– Ты не прогуляешься со мной? Деревья такие прекрасные!

– С удовольствием.

Пока мать ходила в спальню за пальто, я встал и прошел через гостиную к задней двери. Открыв ее, шагнул на крыльцо. Зеленая краска облупилась, доски покрыты скользкой шелухой.

Мой взгляд прошелся по заросшему саду, остановившись на упавших качелях, которые с нашей помощью установил отец. Сейчас он был бы недоволен тем, как я отношусь к его вдове. «Но она ведь чертовски упрямая, и ты это прекрасно знаешь. Ты знал это лучше кого бы то ни было…» Облокотившись на перила, я устремил взор на тридцать ярдов дальше сада, на лес, резко начинающийся прямо там, где заканчивалась трава.

У меня внутри что-то перевернулось. Казалось, я видел окружающий мир как фотонегатив – в черно-белых тонах, двое мальчишек пробираются сквозь чащу к чему-то такому, что я не мог разглядеть. Меня озарил мимолетный образ – тлеющий кончик сигареты в глубине тоннеля. В лесу – у меня в голове присутствовало нечто таинственное, и оно не давало мне покоя.

Я не мог избавиться от ощущения, что забыл что-то важное.

Глава 17

Дом матери я покинул с наступлением сумерек, и на протяжении сорока миль проселочных дорог между Уинстоном-Салемом и моим домом на берегу озера неподалеку от Дэвидсона я думал о Карен. Как правило, при малейшей искорке воспоминаний я выбрасываю ее из своих мыслей, однако сегодня я позволил ей остаться и, глядя на знакомую дорогу, петляющую среди рощ и небольших пастбищ, мысленно представлял, что она сидит в машине рядом со мной.

«Мы едем домой в уютном молчании, а через час уже входим вместе в мой дом. Ты бросаешь свой плащ на скамью перед роялем, а я, направляясь на кухню за бутылкой вина, встречаюсь с тобой взглядом и понимаю, что сегодня тебе совсем не до вина. Поэтому мы без музыки, без свечей, без того, чтобы освежиться, поднимаемся наверх в спальню и занимаемся любовью, после чего засыпаем, пробуждаемся, снова занимаемся любовью и снова засыпаем. Я просыпаюсь посреди ночи, чувствую рядом с собой твое дыхание и улыбаюсь при мысли о том, чтобы приготовить нам завтрак. Утром ты просто великолепна, мы сидим в халатах на крыльце и пьем кофе, наслаждаясь мерцающей на солнце водной гладью…»

Я разговаривал вслух, обращаясь к пустому сиденью, а до Дэвидсона по-прежнему оставалось пятнадцать миль.

Последним, что я слышал о Карен, было то, что она живет в Бостоне с каким-то юристом патентного бюро. На Рождество они должны были сыграть свадьбу на Бермудах… *Энди, попробуй вот что: примерно в половине девятого вечера ты отопрешь входную дверь, войдешь в дом и направишься прямиком в постель. Один. Тебе даже не захочется выпить.*

*** * ***

Я проснулся под раздирающие слух вопли стереокомплекса в гостиной на первом этаже. Из динамиков по всему дому разносился блюз Майлса Дэвиса. Времени было два часа ночи. Я неподвижно лежал под одеялом в полной темноте и размышлял: в доме кто-то есть. Если зажечь свет, окажется, что неизвестный стоит в ногах кровати, и как только ты шевельнешься, он поймет, что ты проснулся, и убьет тебя. Господи, пожалуйста, пусть это будет скачок напряжения в сети или сбой цифровой техники. Но у меня нет записей Майлса Дэвиса.

От оглушительной музыки дребезжали стекла в окнах. Протянув левую руку к ночному столику, я выдвинул ящик, готовый к тому, что в любой момент вспыхнет ослепительный свет, после чего нахлынет немыслимая боль. Моя рука нащупала новый пистолет, миниатюрный «Глок» калибра.40. Я не смог вспомнить, дослал ли патрон в патронник, поэтому оттянул затвор и ощутил в отверстии эжектора тупой наконечник пули, готовой отправиться в цель.

В течение двух минут я лежал в кровати, давая глазам привыкнуть к темноте. Затем, прищурившись, чтобы неизвестный не увидел белки моих глаз, осмотрел комнату: на первый взгляд, в ней находился только один человек – я сам. Если только неизвестный не прячется в шкафу. Перекатившись на край кровати, я взял телефон, чтобы позвонить по 911. Из трубки мне в ухо ударил Дэвис. О господи!

Скинув ноги на ковер, я бесшумно направился к двери, размышляя: не надо спускаться вниз. Орсон может прятаться где угодно. Я знаю, что это он. Пожалуйста, пусть это будет сон.

Галерея второго этажа, в конце которой находилась моя спальня, проходила вдоль всей гостиной. В дверях я остановился и осторожно выглянул в пустой холл. Слишком темно, чтобы разглядеть что-либо в гостиной внизу. И все же я заметил рядом с лестницей красные и зеленые лампочки стереокомплекса. За высокими окнами гостиной виднелись лес, озеро и одинокий голубой огонек в конце причала Уолтера. Возможно, сегодня я умру.

Положив палец на выключатель, я долго не мог решить, включать или нет свет в галерее. Возможно, ночной гость еще не знает, что я встал. Я не хотел его предупреждать.

С правой стороны галереи были три открытые двери, ведущие в погруженные в темноту комнаты, слева проходили дубовые перила. Мое сердце стучало словно кузнечный молот. Надо добраться до лестницы. Я пробежал по галерее под звуки «И что теперь?», заглушившие мои шаги. Присев на корточки наверху лестницы, чувствуя, как леденящий пот жжет мои глаза, всмотрелся сквозь балюстраду в просторную гостиную: диван, рояль, бар, камин, – неясные косые силуэты в тенях внизу. К

тому же оставались такие места, куда я не мог заглянуть: кухня, прихожая, мой кабинет. Незваный посетитель мог быть где угодно. Пытаясь совладать с приливами истерической дрожи, такой сильной, что я убрал указательный палец со спускового крючка «Глока», я рассуждал: он делает это ради страха, который испытывает другой человек. Вот что доставляет ему наслаждение.

На смену ужасу пришла ярость. Выпрямившись во весь рост, я сбежал вниз по лестнице и ворвался в гостиную.

– Орсон! – крикнул я, перекрывая музыку. – Разве я боюсь? ВЫХОДИ!

Подойдя к стереокомплексу, я его выключил. Оглушающая тишина поглотила меня, поэтому я включил лампу рядом с комплексом, и ее теплый, мягкий свет успокоил мое сердце. Я вслушивался, всматривался, но ничего не видел и ничего не слышал. Сделав пять глубоких вдохов и выдохов, я прислонился к стене, чтобы обуять возрождающийся страх. Пройти через кухню на веранду. Уйти отсюда. Быть может, Орсон просто издевается надо мной. Быть может, его здесь уже нет.

Направившись к задней двери, я наткнулся на что-то в алькове между кухней и гостиной. Путь мне преградил стеклянный кофейный столик, на котором лежала неподписанная видеокассета. Взяв ее, я оглянулся через плечо на коридор наверху и на прихожую. По-прежнему никакого движения. Я хотел обыскать свой кабинет и три гостевые комнаты наверху, но мне не хватало хладнокровия для того, чтобы расхаживать по собственному дому, сознавая, что где-то в укромном закутке прячется Орсон, ждущий, когда я опрометчиво подойду близко.

Вернувшись к стереокомплексу, я вставил видеокассету в магнитофон, включил телевизор и сел на диван так, чтобы видеть экран и в то же время держать в поле зрения почти всю гостиную.

Экран синий, затем черный. В нижнем правом углу появились время и дата: 30–10–96, 11.08. То есть сегодня. Нет, теперь уже вчера.

Я услышал голос, потом два голоса, таких тихих и неясных, что мне пришлось прибавить звук.

«Подписать ее?»… «А вы подпишете?»… «С удовольствием»… «У вас есть ручка?»… «Проклятье, я… хотя подождите»… «Вы хотите, чтобы я просто поставил свой автограф?»… «А вы не могли бы… сделать надпись моей подруге?»… «Разумеется»… «Как ее зовут?»… «Дженна»… «Д-Ж-Е-Н-Н-А?»… «Ага»… «Она будет в восторге! Огромное вам спасибо!»

Экран по-прежнему остается темным, телевизор вибрирует шумом автомобильного двигателя, и наконец появляется первый кадр, снятый через заднее стекло едущей машины: на удалении нескольких сотен футов я, поднимающийся на крыльцо дома матери. Экран гаснет, звук умолкает.

По-прежнему 30–10–96, только время теперь 11.55. Медленно появляется изображение, камера снимает панораму погруженной в полумрак комнаты. О господи! Бетонные стены и пол. Местонахождение этого маленького помещения без окон выдают предметы: два красных велосипеда, старый батут, искусственная белая елка, горы картонных коробок и несколько полок с грампластинками – это погреб в доме матери.

Камера задерживается на четырнадцати ступенях, ведущих наверх, после чего изображение начинает тошнотворно дергаться в такт шагам Орсона, поднимающегося по лестнице. Со скрипом открывается дверь в коридор, камера показывает крупным планом мое лицо: я молча сижу на диване в гостиной и смотрю телевизор с выключенным звуком. «Такой прилежный сын, навещает свою мать», – шепчет Орсон. После чего закрывает дверь и на цыпочках спускается по лестнице.

Поставив видеокамеру на стопку отцовских грампластинок, он садится перед ней на корточки – теперь лестница у него за спиной, – и изображение гаснет.

Новая картинка показывает ту же сцену в погребе: 30–10–96, 19.25. Орсон склоняется к объективу и шепчет: «Энди, ты только что ушел». Он улыбается. На нем рабочий комбинезон, хотя при тусклом освещении цвет я различить не могу. «Энди, я не хочу тебя напрасно беспокоить, – продолжает шепотом Орсон. – Эта слежка за тобой – явление временное. На самом деле сейчас, когда ты смотришь вот это у себя в гостиной около двух часов ночи, я уже за многие сотни миль от тебя, направляюсь в столицу нашей великой страны. А когда закончу там свои дела, на долгое время смешаюсь с безликими массами».

Орсон дважды чихает.

«Потому что ты не можешь держать язык за зубами. Я подумываю о том, чтобы попросить одного моего друга нанести визит Уолтеру и его очаровательной семье. Это тебя расстроит? Кажется, ты уже встречался с Лютером. – Орсон улыбается. – Он

просто прелесть. – Он достает из кармана кусок гибкой проволоки. – Через минуту до тебя дойдет, что все это есть на кассете. Да, все это было у тебя на кассете. Помни это. Итак, начнем? – Орсон берет камеру в руки и начинает подниматься по лестнице, нашептывая: – Ярость, которую ты сейчас испытаешь, Энди, освободит тебя. Думай об этом в таком ключе. О, и последнее – не забудь завтра посмотреть выпуск новостей».

Он открывает дверь в коридор. Где-то в доме напевает моя мать. Орсон хлопает дверью, открывает ее и снова хлопает, после чего быстро сбегает вниз по ступенькам. Опять установив видеокамеру на стопку грампластинок, уходит из кадра, скрывается в полумраке, среди бесчисленных коробок. Теперь мне видны только лестница и небольшой участок голой бетонной стены.

Тишина. Наверху лестницы открывается дверь.

– Эндрю, ты вернулся?

Голос матери наполняет погреб, и я начинаю дрожать, моя голова непроизвольно трясется взад и вперед. Спустившись на пять ступенек, мать останавливается, и теперь мне уже видны ее ноги. Я непрерывно бормочу: «Нет!» – словно это способно заставить мать подняться обратно.

– Эндрю! – снова окликает она.

Ответа нет. Спустившись еще на три ступеньки, мать наклоняется, чтобы заглянуть в погреб. Несколько секунд она изучает горы хлама, после чего выпрямляется и начинает подниматься вверх. Но мать останавливается, не дойдя до двери, снова спускается туда, где уже была, и смотрит прямо в объектив видеокамеры. Я вижу у нее на лице недоумение, однако страха пока что нет.

Мать осторожно спускается до самого конца лестницы и останавливается прямо перед камерой. Она по-прежнему в том зеленом платье, но теперь ее седые волосы распущены. Она с любопытством заглядывает в объектив, удивленно наморщив лоб.

– Мам, привет! – кричит Орсон.

Мать смотрит куда-то за камеру. Страх у нее на лице убивает меня, она пронзительно вскрикивает и бежит к лестнице, задев камеру и роняя ее на бетонный пол.

После того как экран снова погас, я пять секунд сидел в полном оцепенении. Орсон не убил нашу мать. Он… Я почувствовал запах «Виндекса». Твердый металлический предмет ударил меня по затылку.

* * *

Лежа на спине рядом с диваном и уставившись в окно, я увидел, что до рассвета осталось всего несколько часов – багрово-лазурная полоска на горизонте уже начинала пожирать мрак. С трудом поднявшись на ноги, я ощутил безжалостную пульсирующую боль в затылке.

Телевизор продолжал работать. Опустившись на корточки, я нажал на видеомагнитофоне кнопку извлечения, но кассету уже вытащили.

Сходив на кухню и положив трубку на телефон, я поднялся по лестнице в свою спальню. Убрав «Глок» в ящик ночного столика, лег на кровать поверх одеяла, готовясь к тому, что меня захлестнет цунами отчаяния. Закрыв глаза, постарался расплакаться, однако боль была слишком сильной, слишком невыносимой. Неужели это был новый кошмарный сон? Быть может, во сне я спустился вниз и обо что-то ударился головой? И мне приснился этот гребаный бред? Такое возможно. Нужно держаться за это. Мама спит. Можно прямо сейчас позвонить и разбудить ее. Она ответит на звонок и отругает меня за бесцеремонность. Но она снимет трубку, а только это и имеет значение.

В темноте я взял телефон и набрал номер матери.

В трубке послышались бесконечные длинные гудки.

Часть третья

Глава 18

В холодный канун Дня Всех Святых весь мир, затаив дыхание, следил за тем, что происходило в Вашингтоне. Полиция города, ФБР, Секретная служба и несметное количество журналистов роились вокруг Белого дома. Все это началось еще до рассвета.

В половине пятого утра девушка, совершавшая пробежку по Ист-стрит, обнаружила на покрытой инеем траве «Эллипса»[13] груду картонных коробок, неподалеку от того места, где устанавливается главная рождественская елка страны. Вернувшись домой, девушка позвонила по 911.

К тому времени как на место прибыла полиция, там уже находились сотрудники Секретной службы. Сразу же возникло подозрение, что в коробках может находиться взрывчатка. Поэтому президента по воздуху перевезли в безопасное место, весь персонал Белого дома был эвакуирован, а четвертьмильный участок Ист-стрит за Белым домом – перекрыт.

В Вашингтоне плохие известия распространяются быстро. К восьми часам утра съемочные группы всех ведущих телеканалов уже разместились вдоль полицейского кордона, установленного в двухстах ярдах от коробок. Сюжет попал во все выпуски новостей страны, поэтому, когда в девять часов к груде зловещих коробок покатил робот-сапер, за этим уже наблюдал весь мир.

В течение двух часов телекамеры были наведены на саперов в защитных костюмах, которые управляли роботом и с помощью портативного рентгеновского аппарата поочередно исследовали каждую коробку. Как только очередная коробка оказывалась осмотрена, ее убирали в бронетранспортер. Каждую коробку вскрывали, однако телекамеры находились слишком далеко, чтобы определить, что спрятано внутри – если внутри вообще что-либо находилось. Кропотливая работа заняла много времени, поэтому только к одиннадцати часам последняя коробка была проверена и бронетранспортер уехал.

Начались предположения. Что находилось в коробках, если не бомба? Это была шутка? Или же попытка покушения на президента? В выпусках новостей высказывались самые разные слухи и непроверенные данные, но в половине второго дня движение по Ист-стрит наконец было открыто и ФБР выступило с официальным заявлением.

Специальный агент Гарольд Трент обратился к толпе журналистов, говоря в целое скопление микрофонов, установленных под октябрьским небом на лужайке за Белым домом. Сотрудники ФБР забрали двенадцать коробок объемом от одного до трех кубических футов. Никаких взрывных устройств в них обнаружено не было. В каждой коробке лежало по человеческому сердцу и карточке с указанием имени.

Журналисты обрушили на Трента град вопросов: это имена реальных людей? Они будут обнародованы? Есть какие-либо подозреваемые? Почему коробки были оставлены рядом с Белым домом? Агент Трент отказался высказывать предположения. Расследование только началось, будет создана специальная оперативная группа ФБР, которая станет работать вместе с местной полицией и полицией штата до тех пор, пока преступник или преступники не будут задержаны.

Агент Трент глубоко вздохнул. Даже на экране телевизора, перенесшем изображение его лица в мою гостиную, было видно, что он измучен до предела. Глядя в объективы телекамер, Трент произнес слова, которые в последующие дни постоянно повторялись во всех выпусках новостей.

– Впереди нас ждет долгая дорога, – сказал он. – Потребуется какое-то время, чтобы проверить, что это действительно сердца тех, кто пропал без вести или стал жертвой преступлений. Я молю бога о том, чтобы это было не так, и все-таки, похоже, мы имеем дело с работой серийного убийцы. А если это так, он будет продолжать убивать до тех пор, пока его не схватят.

Коренастый чернокожий агент отошел от микрофонов, не обращая внимания на журналистов, засыпавших его вопросами.

Вся страна как зачарованная следила за этим делом, и средства массовой информации только подливали масла в огонь. Люди упивались собственным страхом, множились самые невероятные гипотезы. Еще до того, как ФБР подтвердило, что сердца действительно принадлежат жертвам убийств, журналисты задумали и сотворили чудовище.

К недовольству врачей, его окрестили «Кардиохирургом» – с того самого дня на эту специальность легло несмываемое пятно. Всякий раз, когда звучало это слово, в памяти возникали образы агентов ФБР и вашингтонских саперов, загружающих в бронетранспортер картонные коробки, работу рук сумасшедшего.

Я испытывал странное чувство, поскольку был единственным, кто знал истину.

Глава 19

Моя лодка медленно ползла к середине озера, и мелкие брызги хлестали мне в лицо. Я не слышал ничего за булькающим тарахтением подвесного мотора, закрепленного на корме моей протекающей посудины. Вечернее небо угрожало дождем. Я скользил по свинцово-серой зыби, всматриваясь в пустынное озеро в поисках лодки Уолтера.

В полумиле от моего причала я заглушил мотор. Вокруг сомкнулась холодная темнеющая тишина, и у меня мелькнула мысль, успею ли я вернуться домой до начала дождя. Хотя мне очень не хотелось выходить в такую погоду на озеро, я больше не мог говорить с Уолтером у меня дома, поскольку опасался, что Орсон будет подслушивать.

Я услышал стон лодки Уолтера до того, как ее увидел. Нервы у меня были натянуты до предела, и я пожалел о том, что не опрокинул стакан виски, чтобы мне было легче сказать другу то, что я должен был ему сказать. Уолтер подогнал свою такую же бессильную лодку к моей, бросил мне веревку, и я связал наши лодки вместе.

– В чем дело? – спросил Уолтер, заглушив мотор.

– Ты смотришь выпуски новостей?

– Смотрю.

Достав из коричневого дождевика пачку «Мальборо», он засунул в рот сигарету. Я достал из кармана своего синего дождевика газовую зажигалку и бросил ему.

– Спасибо, – пробормотал Уолтер, выпуская из уголка рта облачко дыма и возвращая мне зажигалку. – Журналисты в восторге, – сказал он. – Это видно по их честолюбивым рожам. Готов поспорить, они сорвали хороший куш, когда им слили информацию.

– Значит, ты полагаешь, что им слили информацию?

– О, тот, кто подбросил эти коробки, прекрасно знал, что делает. Вероятно, предупредил десяток газет и телекомпаний, как только оставил свой груз. Не сомневаюсь, он сказал, что рядом с Белым домом заложена бомба. А тут эта спортсменка позвонила по девять-один-один, все подтвердила, и бабах – средства массовой информации словно обезумели. – Сделав глубокую затяжку, Уолтер продолжал, выпуская изо рта колечки дыма: – Да, больше журналистов этим сердцам радуется только тот больной придурок, который их подбросил. Вероятно, он сейчас сидит перед телевизором и просто кончает от того, как вся страна тащится от его…

– Это Орсон, – решительно произнес я.

Уолтер набрал полные легкие дыма, стараясь казаться невозмутимым.

– С чего ты взял? – наконец сказал он, выпуская дым и кашляя.

– Он хранит сердца. В его доме в Вайоминге ими заполнена морозилка. Это его трофеи, сувениры.

– Энди…

– Уолтер, дай мне договорить.

Порыв ветра столкнул наши лодки, мне в лицо ударила капля дождя.

Как сказать человеку, что ты навлек опасность на его жену и детей?

– Эта штука в Вашингтоне, – начал я, – еще мелочь. Моя мать убита. Орсон задушил ее вчера ночью. Он заснял это на видеокамеру… Это… – Я умолк, чтобы совладать с собой. – Извини, но, кажется, я навлек на тебя опасность.

Уолтер вопросительно склонил голову набок.

– Не знаю, как это могло произойти, но Орсон знает или подозревает, что я рассказал тебе о пустыне.

– О господи!

Уолтер выронил сигарету в воду, и она с шипением погасла. Он закрыл лицо руками.

– Я не должен был говорить тебе о…

– Совершенно точно, черт возьми, не должен был!

– Послушай…

– Что сказал твой брат?

– Уолтер…

– Твою мать, что он сказал?

Голос Уолтера разнесся по всему озеру. Неподалеку плеснулась рыба.

– Неважно, какими были его слова…

– Твою мать! – Уолтер отер с глаз слезы. – Что он сказал?

Я молча покачал головой.

– Он говорил про мою семью?

Я кивнул, и у меня из глаз хлынули слезы, первые за сегодняшний день.

– Этот ублюдок говорил про мою семью? – задыхаясь, выдавил Уолтер.

– Я очень…

– Энди, как ты мог допустить такое?

– Я не хотел…

– Что сказал твой брат? Я хочу знать это дословно, вплоть до каждого слога, каждой буквы! Это очень важно! Говори!

– Орсон сказал, что поскольку я не могу держать язык за зубами…

Я закрыл глаза. Мне захотелось умереть.

– Говори до конца!

– Он подумывал о том, чтобы попросить одного своего друга навестить тебя. И твою «очаровательную семью».

Уолтер устремил взгляд на свой дом, скрытый за оранжевой листвой. Начал моросить дождь, и я натянул капюшон дождевика. На дне моей лодки уже скопился слой воды глубиной с дюйм.

– Кто этот друг? – спросил Уолтер.

– Понятия не имею.

– Это… – Он умолк, учащенно дыша.

– Уолтер, я обо всем позабочусь!

– Как?

– Я убью Орсона.

– Значит, тебе известно, где он?

– У меня есть одна мысль.

– Поделись ею с ФБР.

– Нет. Орсон по-прежнему способен отправить меня за решетку. Я не собираюсь садиться в тюрьму.

Наши лодки качались на волнах. На меня накатывалась тошнота.

– Если я разыщу Орсона, – сказал я, – ты поедешь со мной?

– Чтобы помочь тебе его убить?

– Да.

Уолтер презрительно фыркнул.

– Ты это всерьез? Я хочу сказать, ты что, спятил?

– Похоже на то.

Дождь усилился. Я поежился.

– Мне нужно домой, – сказал Уолтер. – Мы с Джоном Дэвидом и Дженной должны пойти по соседям за подарками.

– Ты поедешь со мной? – повторил я.

– А ты сам догадайся.

– Понимаю.

– Нет. Нет, не понимаешь. Ты ничего не понимаешь! – Уолтер снова заплакал, но ему удалось на какое-то время взять себя в руки. – Так, давай кое-что выясним, хорошо? Не звони мне. Не приходи ко мне домой. Не присылай сообщения по электронной почте. Не думай обо мне. Не делай ничего такого, черт побери, что может навести это чудовище на мысль, будто мы с тобой знакомы! Это понятно?

– Да, Уолтер. Я хочу, чтобы ты…

– Не говори больше ни слова. Отдай мне веревку!

Отвязав друг от друга наши лодки, я бросил ему конец. Уолтер завел подвесной мотор и, описав большой круг, направился к своему причалу.

Уже смерклось, по поверхности озера колотил сильный дождь. Я завел мотор и погнал лодку к берегу. Если б не стоял вопрос о безопасности Уолтера и его семьи, я бы, вернувшись домой, наложил на себя руки.

Глава 20

Стены моего кабинета почти сплошь состоят из окон, и поскольку помещение выступает из здания в лес, у меня создается впечатление, будто я пишу, находясь в чаще у предгорий Пидмонта. Письменный стол вплотную придвинут к самой большой стеклянной стене, выходящей на лес, поэтому ничто не отвлекает меня от работы, кроме появляющихся изредка пятнистого оленя или лисицы. Сидя за столом, я даже не могу видеть озеро, и это сделано сознательно, поскольку вид воды завораживает и это только впустую отвлекало бы меня.

Изобилие книг, беспорядочно расставленных на полках и лежащих стопками на полу. В одном углу – устрашающих размеров гора писем от поклонников и охотников на знаменитости. На пюпитре лежит словарь-мастодонт, постоянно раскрытый. Есть даже витрина, рядом с дверью, с первыми изданиями и переводами моих книг; с другой стороны на стене висит маленькая золотая рамка с ксерокопией моего первого, весьма скромного, гонорара.

Уставившись сквозь струи дождя, петляющие по оконному стеклу, на черный лес, я сидел за письменным столом, дожидаясь, когда загрузится интернет-страничка. Это был уже официальный сайт пятого колледжа, который я просматривал. Я сосредоточил свои поиски на кафедрах истории образовательных учреждений Нью-Гемпшира и Вермонта, но по мере того как двери закрывались одна за другой, у меня крепли подозрения, что память подвела ковбоя. Колледж Франклина Пирса, университет штата в Кине, университет Нью-Гемпшира и университет Плимута ничего не дали. Быть может, доктор Дейв Паркер – это чушь, выдуманная Орсоном…

Когда наконец загрузилась страничка колледжа Вудсайда, я щелкнул «Факультеты», затем «Исторический» и, наконец, «Профессорско-преподавательский состав исторического факультета (алфавитный список)».

Дожидаясь загрузки, взглянул на часы на столе: 19.55. Мать умерла уже двадцать четыре часа назад. Неужели ты оставишь ее в этом грязном, захламленном погребе? Я не мог себе представить, что Орсон, отправившись в турне в Вашингтон, удосужился забрать с собой нашу мать. На то, чтобы избавиться от ее тела за пределами дома, потребовалось бы время, к тому же это было бы сопряжено с риском. А мать была человеком одиноким, порой она по несколько дней не общалась ни с одной живой душой. О господи, она может пролежать в погребе целую неделю, прежде чем ее обнаружат!

Полиция обязательно должна будет уведомить меня. У меня даже в мыслях не было заявить об убийстве, потому что, насколько я мог судить, Орсон снова меня подставил. Убить собственную мать… Это противоестественно даже у животных. Я еще не задумывался о том, как такое могло произойти. Только полное оцепенение снова помогало мне сохранить способность действовать.

Список предварял короткий абзац с восхвалением блистательных способностей и умений четырнадцати преподавателей, работающих на кафедре. Я пролистал список.

Сукин сын!

«Доктор Дэвид Л. Паркер», – гласила запись.

Хотя под этим именем была ссылка, когда я попытался открыть собственную страничку «доктора Паркера», она не загрузилась. «Это действительно ты? И я обнаружил тебя благодаря лишь одному короткому разговору с обкуренным вайомингским ковбоем?»

Звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я никого не ждал в гости. Взяв со стола пистолет (теперь я повсюду носил его с собой), прошел по длинному коридору, отделяющему мой кабинет от кухни и остального дома. Выходя из гостиной, повернул направо в прихожую, передернул затвор и остановился у овального окна с матовым стеклом рядом с дверью.

В дверь снова позвонили.

– Кто там? – спросил я.

– Откупись, а то заколдуем!

Детские голоса. Опустив пистолет, я засунул его за пояс влажных джинсов. Поскольку мой дом стоит в полном одиночестве на десяти акрах леса, в конце длинной дороги, на День Всех Святых за подарками ко мне заглядывают крайне редко. В этом году я даже не купил конфет на такой случай.

Я открыл дверь. Мальчик в костюме Зорро и в маске направил на меня игрушечный пистолет. Его сестра изображала ангела: белый халат, картонные крылья и нимб из серебряной мишуры. Позади детей стоял с несчастным видом мужчина в коричневом дождевике, с зонтом в руках.

– Уолтер. Зачем ты…

– Дай мне конфет или я тебя пристрелю! – пригрозил Джон Дэвид.

Из-под черной шляпы торчали светлые волосы. Маска на голове четырехлетнего мальчишки сидела криво, поэтому он мог смотреть только в одну прорезь, и все же Джон Дэвид не собирался расставаться со своим маскарадным костюмом.

– Я тебя пристрелю! – повторил он и, прежде чем я успел ответить, нажал на спусковой крючок.

Пластмассовый курок щелкал снова и снова, и я корчился, получая в грудь очередную воображаемую пулю. Шатаясь, я отступил назад в прихожую и упал на четвереньки.

– За что, Джон Дэвид, за что? – выдавил я, зажимая живот и повалившись на пол, внимательно следя за тем, чтобы не выпал «Глок». Джон Дэвид прыснул.

– Смотри, папа, я его прикончил! Надо сходить посмотреть, готов ли он.

– Нет, Джей-Ди, – остановил сына Уолтер. – Не заходи в дом.

Воскреснув, я вернулся к двери, перехватил взгляд Уолтера и посмотрел на семилетнего ангелочка.

– Дженна, ты очень красивая, – сказал я. – Ты сама сделала костюм?

– Да, сегодня, в школе, – ответила девочка. – Вам нравится моя волшебная палочка?

Она показала мне длинную палочку с приклеенной на конце блестящей картонной звездой.

– Прогуляйся с нами, – предложил Уолтер. – Я оставил машину у почтового ящика.

– Подожди, я сейчас посмотрю, нет ли у меня конфет…

Уолтер показал зажатый в руке здоровенный мешок для мусора.

– Конфет у них и так уже полно. Пошли.

Натянув сапоги, я схватил в шкафу куртку и зонт и, выйдя на улицу, запер за собой дверь.

Когда мы вышли на дорогу, Уолтер протянул свой зонт Дженне.

– Малышка, я хочу, чтобы вы с Джей-Ди шли чуть впереди нас, хорошо?

– Почему, папа?

– Мне нужно поговорить с дядей Энди.

Девочка взяла зонт.

– Джей-Ди, ты должен пойти со мной, – сказала она брату, беря его за руку.

– Не-е-еее-ет!

– Сынок, иди с сестрой. Мы будем за вами.

Ускорив шаг, Дженна ушла вперед, и Джон Дэвид, догнав ее бегом, нырнул к ней под зонт. Дети рассмеялись, наполнив своими звонкими голосами лес. Трижды выстрелил игрушечный пистолет.

Уолтер шагнул под мой зонт, и мы направились по дороге, вдоль которой по обеим сторонам тянулись канавы, заполненные грязью. Слушая стук дождя по куполу зонта, я ждал, когда Уолтер заговорит. В вечернем воздухе стоял аромат сосновых иголок.

– Бет собирает вещи, – шепотом начал Уолтер. – Она увозит детей.

– Куда?

– Я попросил ее не говорить мне.

– Она знает о…

– Нет. Ей известно только то, что дети в опасности. Это все, что ей нужно знать.

– Прекрати! – закричал на сестру Джон Дэвид.

– Дети! – строго крикнул на детей Уолтер. – Ведите себя хорошо!

– Папа, Дженна…

– Сынок, не хочу ничего слышать!

У меня мелькнула мысль, куда подевалась злость Уолтера на меня.

– Энди, ты правда знаешь, где твой брат? – шепотом спросил он.

– Есть одно место в Новой Англии. Полной уверенности не может быть до тех пор, пока я туда не попаду, но мне кажется, что Орсон там.

– Значит, ты точно отправляешься туда?

– Да.

Остановившись, Уолтер повернулся ко мне.

– Ты собираешься его убить? И зарыть так, чтобы никто никогда его не нашел?

– Именно так.

– И у тебя не будет никаких угрызений совести по поводу того, что ты убьешь своего родного брата?

– Абсолютно никаких.

Мы двинулись дальше. У меня возникло скверное предчувствие.

– Ты позвонил в полицию, так? – спросил я.

– Что?

– Ты рассказал про Орсона.

– Нет, Энди.

– Но ты собираешься это сделать.

Уолтер молча покачал головой.

– Почему? – спросил я.

– Дженна, подойди сюда! – окликнул он.

Обернувшись, дети подбежали к нам, держа зонт так низко, что их не было видно. Забрав у дочери зонт, Уолтер поднял его выше.

– Дженна, покажи дяде Энди татуировку, которую тебе сделали в школе.

– Ах да! – спохватившись, воскликнула девочка. – Смотрите, дядя Энди, правда, классно?

Закатав рукав халата, Дженна показала нежную кожу своего правого предплечья. Ноги у меня стали ватными. Розовым фломастером от локтя до крошечного запястья было написано:

У – Тсссссс. О

Я посмотрел на Уолтера. Глаза у него заполнились слезами.

– Так, ребята, – улыбнулся он. – А теперь бегите вперед! Дайте нам поговорить.

Дженна взяла зонт и вместе с Джоном Дэвидом убежала вперед, а мы с Уолтером двинулись дальше. До почтового ящика оставалось уже совсем недалеко.

– Дженна вернулась с этим из школы, – сказал Уолтер. – Бет обнаружила, когда они надевали костюм. Долбаные учителя ничего об этом не знают. Дженна сказала, что какой-то приятный дядя на карнавале Дня Всех Святых рисовал татуировки всем детям. Она его раньше не видела.

– Господи, Уолтер, я…

– Мне не нужны твои извинения и твои сочувствия, – зловещим шепотом произнес Уолтер. – Я отправляюсь вместе с тобой. Я пришел к тебе, чтобы сказать это. Мы зароем Орсона вместе.

Дети дошли до белого «Кадиллака». Мы остановились в десяти шагах от конца дорожки, и Уолтер повернулся ко мне.

– Итак, когда ты трогаешься в путь? – спросил он.

– Через день-два. Мне нужно уехать до того, как будет обнаружено тело матери.

Лицо Уолтера смягчилось.

– Энди, знай, я очень…

– И мне не нужны твои сочувствия, – остановил его я. – Они не помогут нам сделать то, что мы должны сделать.

Кивнув, Уолтер оглянулся на Дженну и Джона Дэвида. Отбросив зонт в сторону, они бросали камешки щебенки в мой почтовый ящик, но никак не могли в него попасть.

Глава 21

Канун моего отъезда в Вермонт пришелся на наше с Орсоном тридцатипятилетие, и он прислал мне по почте самодельную открытку. На одной стороне был коллаж из фотографий, сделанных в тошнотворном оранжевом освещении его сарая. Крупным планом лицо Ширли Таннер со следом удара сапогом на виске; тело Джеффа в яме в пустыне; Уилбур, распростертый на красной пленке, снятый по пояс – освежеванный и выпотрошенный.

Под этим пестрым коллажем почерком Орсона, который я ни с чем не мог спутать, было написано: «Что у тебя есть для парня, у которого есть это?» И на обратной стороне приписка: «Ровным счетом ничего. Большой подарок тебе на день рождения от Ширли и компании».

*** * ***

Вудсайд представляет собой холмистый лесистый округ в западной части Вермонта, отрезанный от крупных городов Севера на востоке Зелеными горами, а на западе – Адирондаксом. В погожий осенний день это самая что ни на есть типичная американская сельская глубинка: захватывающие дух виды нескончаемых холмов, вдалеке горные хребты и маленький университетский городок, спрятавшийся в долине.

Как сказал нам рабочий на заправке, мы опоздали на три недели. Тогда окрестные леса пылали самыми яркими красками за последние тридцать лет. Теперь бурые листья пожухли, на деревьях их уже почти не осталось, и голубое небо неловко взирало на предзимнюю унылость пейзажа. Вермонт в ноябре обладает той же самой неестественной красотой, что и покойник, наряженный к похоронам.

Мы с Уолтером подъехали к гостинице «Вудсайд-Инн», расположенной на окраине Вудсайда, у подножья Зеленых гор. Поднимаясь по длинной петляющей дорожке, я увидел большое белое здание, взгромоздившееся на склон горы. На веранде, окружающей первый этаж, было заметно какое-то движение – свежий ветер раскачивал пустые кресла-качалки.

Уолтер поставил «Кадиллак» на вымощенной щебнем стоянке рядом с чахлой лужайкой позади здания. На стоянке было всего семь машин, и я испытал облегчение оттого, что мы находимся за пределами города, в котором живет Орсон. Сначала мы хотели остановиться в мотеле в центре Вудсайда из-за его близости к университетскому комплексу, однако риск случайно столкнуться с Орсоном был слишком велик.

Затащив чемоданы на крыльцо, мы рухнули в стоящие рядом кресла-качалки. Гора уходила вниз на тысячу футов, и вечернее солнце озаряло голые деревья в долине внизу. Обнаженные ветви шевелились на ветру, и я представил себе, как три недели назад воздух был наполнен шепотом увядающей листвы. На противоположной стороне долины, протянувшейся на запад на двадцать миль, начинался штат Нью-Йорк со своими величественными хребтами Адирондакса.

В воздухе чувствовался запах дыма. Сидя на холоде, наблюдая и слушая, я чувствовал тревогу Уолтера.

– Здесь сидеть слишком холодно, – наконец сказал он. – Я сниму нам номера. – Встав, поднял чемодан и направился к двери. – А ты останешься здесь?

– Ага.

*** * ***

Наш номер находился на втором этаже в конце коридора со скрипучим полом. Две двуспальные кровати в противоположных концах, мансардное окно между ними, из которого открывался вид на горы. Наклонный с обеих сторон потолок встречался прямой линией, рассекавшей номер пополам. Посреди застеленного дубовым паркетом пола стояли друг напротив друга два обитых гобеленом кресла, а между ними – приземистый кофейный столик. За семьдесят пять долларов за ночь номер был просто великолепен. На ночных столиках в стеклянных вазах даже стояли свежие ирисы. От них в номере пахло словно в зеленой беседке.

Уолтер сидел на кровати, разбирая свои вещи, а я, не став открывать свой чемодан, лег. Сквозь стены к нам проникали голоса, затем послышались глухие шаги по лестнице. Раздался стук в дверь. Я подошел к двери. Глазка не было, поэтому я спросил:

– Кто там?

– Мелоди Терренс.

Открыв дверь, я увидел сногсшибательную длинноволосую брюнетку, чересчур молодую и симпатичную, чтобы быть владелицей гостиницы.

– Привет! – сказал я.

– Как устроились, ребята? – спросила брюнетка.

– Всё в порядке.

– Ну, я просто заглянула, чтобы сказать, что ужин через полчаса, если вас это интересует. Дэнни снова забыл повесить объявление.

– Спасибо за приглашение.

– Вы к нам присоединитесь? У нас внизу уютный обеденный зал, и Дэнни весь день коптил дичь. Будут свежие овощи, домашняя выпечка…

– От такого предложения невозможно отказаться, – сказал я. – Увидимся за ужином.

– Замечательно!

Улыбнувшись, Мелоди Терренс направилась к следующему номеру. Я закрыл дверь.

Убрав в ящик шкафа стопку рубашек, Уолтер захлопнул дверцу и повернулся ко мне. Он весь кипел.

– И ты называешь себя автором криминальных романов? По-твоему, нам следует спуститься вниз и встретиться со всеми гостями? А что если кто-нибудь тебя узнает, Энди? Если когда-либо всплывет, что Кардиохирург… – это печально знаменитое слово он произнес шепотом, – …Орсон был твоим братом и жил в Вудсайде, кто-нибудь обязательно сообразит, что к чему. Люди вспомнят, что видели тебя здесь, в Вермонте, примерно в то самое время, когда исчез Дэвид Паркер. И, знаешь ли, этого будет достаточно, чтобы ФБР вцепилось нам в задницу.

Уолтер подошел к окну. Отвернувшись от меня, он уставился на лес, теперь, после захода солнца, ставший черным. Если даже луна уже взошла, ей все равно еще требовалось подняться над горами, чтобы отбросить свой слабый свет в долину.

Я подошел к своему другу.

– Уолтер, – окликнул я, но он не обернулся. – В чем дело? Тебе страшно?

– Мы не имеем права на ошибку, – сказал Уолтер. – Ни на одну.

Глядя на вермонтскую ночь, я почувствовал, как чужой мрак пронзил мне сердце острой иглой тоски по дому. Снова став ребенком, я отдался этой ностальгической боли, и она прошла.

– Спасибо за то, что приехал со мной, – сказал я, положив руку Уолтеру на плечо. – Ты мог этого не делать. Уолтер, я никогда это не забуду.

Обернувшись, он посмотрел мне в лицо.

– К тебе это не имеет никакого отношения. Абсолютно никакого.

* * *

Холодным пасмурным днем, в четверг, в одиннадцать часов дня я оставил «Кадиллак» Уолтера в центре Вудсайда и быстрым шагом направился в университетский городок. По обеим сторонам улицы, довольно оживленной для такого небольшого населенного пункта, тянулись двух– и трехэтажные здания. Люди гуляли по тротуарам, сидели на скамейках, скользили по

асфальту на роликовых коньках, разглядывали витрины магазинов. По большей части это были студенты; их было легко узнать по рюкзакам за спиной и веселым, беспечным лицам. Они оживляли городок.

Я прошел мимо аптеки, мимо универмага, мимо кафе, мимо нескольких магазинов одежды и мимо закусочной «Зерна и бублики», перед которой на тротуаре скопились столики под зонтиками. Это место было самым оживленным, наполненным причудливой музыкой и фанатиками кофеина. Богатый аромат поджаренных кофейных зерен вырывался на улицу из распахнутых дверей. Я бы непременно заказал себе чашечку, если б уже не выпил две в нашей гостинице, где Уолтер спал в номере, истощенный целым днем, проведенным за рулем.

Здания закончились, но улица продолжалась. Она вела из центра города к университетскому комплексу, расположенному в лесу. Теперь мне стали видны горы, окружающие город. Самые высокие склоны уже были покрыты первым снегом. У меня мелькнула мысль, сколько студентов прогуляли занятия ради того, чтобы покататься на лыжах. От пронизывающего ветра у меня заслезились глаза; я застегнул до подбородка молнию кожаной куртки и спрятал руки в тепло карманов.

Вымощенная кирпичом дорожка отходила от главной пешеходной дороги к группе кирпичных строений. Свернув на нее, я через несколько минут оказался у белого восьмиугольного бельведера. Казалось, он возвышался строго в центре университетского городка, поскольку все остальные здания расположились вокруг него на расстоянии не больше сорока ярдов. Со всех сторон на бельведере были закреплены таблички с выгравированной надписью «КОЛЛЕДЖ ВУДСАЙДА, ОСНОВАН В 1800 ГОДУ».

Пройдя под портиком здания с мраморными колоннами, самого большого из десятка вокруг, я поднялся по ступеням. Крышу здания венчали большие часы, окруженные строительными лесами. Черные стрелки подозрительно застыли на цифрах 4.20.

Внутри здания было темно и затхло. Пол был из отполированного мрамора, а стены фойе, деревянные, покрытые затейливой резьбой, были увешены портретами бывших деканов и умерших профессоров. Посреди круглого помещения стояла статуя в человеческий рост, взирающая на мир пустыми глазницами. Я не стал задерживаться, чтобы посмотреть, кто это.

Двустворчатые стеклянные двери вели в кабинет секретаря университета. Открывая их, я увидел свое отражение – волосы и недавно отпущенная бородка каштанового цвета, на переносице очки в стальной оправе. В джинсах и выцветшей рубашке под кожаной курткой я нисколько не был похож на себя.

Ярко освещенная комната без окон была разделена на несколько закутков, в каждом из которых стояло по письменному столу. Я подошел к ближайшему, где женщина яростно печатала на компьютере. При моем появлении она оторвалась от экрана и улыбнулась.

– Чем я могу вам помочь? – спросила женщина.

Я сел на стул перед столом. Непрерывный стук пальцев по клавиатурам грозил свести меня с ума.

– Мне нужны план университетского городка, расписание занятий на этот семестр и телефонный справочник.

Открыв шкаф, женщина достала тонкий буклет и голубую брошюру.

– Вот вам карта и телефонный справочник, – сказала она, положив буклет и брошюру на свой безукоризненно опрятный стол. – Расписание занятий мне нужно взять в шкафу.

Секретарша направилась в противоположный конец помещения, по дороге вполголоса бросив что-то своей коллеге. Я раскрыл телефонный справочник. В нем было всего пятьдесят страниц; на первых десяти перечислены сотрудники кафедр, остальные сорок отданы двум тысячам студентов. Я перелистал справочник до буквы «П». Пропустив записи «Падж» и «Пайн», остановился на «Паркер, Дэвид Л.». Информация, указанная после имени, была скудной – только кабинет, «Джерард 209», и соответствующий номер телефона.

Вернувшаяся секретарша протянула мне расписание занятий.

– Возьмите, сэр.

– Благодарю, – сказал я, вставая. – Сегодня студенты на занятиях?

Секретарша с сомнением покачала головой.

– Должны быть, – сказала она, – но сегодня первый морозный день, так что большинство решило прогулять занятия и отправиться кататься на лыжах.

Поблагодарив ее еще раз, я вышел из кабинета в фойе, где встретил трех студенток, которые, окружив статую, о чем-то перешептывались между собой. Выйдя на улицу, я прошел сквозь хлопья снега к бельведеру и сел на скамейку. Первым делом я развернул карту и нашел Джерард-холл. Я определил, что это здание видно с того места, где я нахожусь: двухэтажное строение, демонстрирующее ту же самую очаровательную старинную кирпичную кладку, что и остальные.

Согрев дыханием руки, я развернул расписание занятий, толстую брошюру, первые десять страниц которой содержали горы информации относительно регистрации на занятиях и покупки учебников. Отыскав алфавитный перечень занятий и их расписания, я пролистал английский язык, археологию, биологию, информатику и остановился наконец на перечне лекций и семинаров по истории на осень 1996 года. Перечень занимал целую страницу, и я, просмотрев его, в конце концов нашел то, что мне было нужно.

ИСТ. 089 ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО РИМА ЛЕКЦИЯ 3.0 35

26229 001 TP 11.00–12.15 ГХ-107 ПАРКЕР Д. Л.

Похоже, это был единственный предмет, который преподавал Орсон, и, взглянув на часы, я понял, что лекция уже началась.

Судя по указателю сокращений, за аббревиатурой ГХ стоял Говард-холл. Я отыскал здание на плане. Оно было одним из ближайших к бельведеру, расположенное всего в двадцати ярдах. Я посмотрел на дорожку, ведущую к входу в Говард-холл, и у меня тревожно забилось сердце.

Я поторопился спуститься по ступеням, прежде чем успел раздумать, и направился к Говард-холлу. Расположенный слева от здания секретариата, он образовывал восточную стену внутреннего дворика, окружающего бельведер. На лестнице курили два студента, я прошел мимо них и взялся за дверь, размышляя: «А что, если это не он? Тогда я отправлюсь за решетку, а Уолтер и его близкие умрут».

Как только за мной закрылась дверь, я услышал его голос. Наполняя весь первый этаж Говард-холла, голос обладал той мягкой настойчивостью, которая сразу же вернула меня в вайомингскую пустыню. Я медленно двинулся дальше и миновал вестибюль, стены которого были увешены политическими воззваниями, всевозможными объявлениями и прочими листовками. В полумрак расположенного за ним коридора проливался свет из приоткрытой двери. Я услышал голоса, затем взрыв хохота. Над общим гомоном поднялся голос Орсона, и я, повернув направо, пошел по коридору, следя за тем, чтобы звук моих шагов не был слышен.

Голос Орсона становился все громче, и скоро я уже мог разобрать каждое слово. Остановившись в нескольких шагах от двери, я прислонился к стене. По хору голосов я определил, что в аудитории тридцать-сорок студентов. Орсон заговорил снова, его голос прозвучал прямо напротив меня, за стеной. Хотя мне захотелось бежать от этого голоса, спрятаться в шкафу или запереться в туалетной кабинке, я остался стоять и слушать, надеясь на то, что у моего брата нет никаких оснований выходить в коридор.

– Пожалуйста, отложите ручки и карандаши, – сказал Орсон, и аудитория наполнилась звуком письменных принадлежностей, падающих на дерево. – Для того чтобы понимать историю, ее нужно чувствовать. Это нечто большее, чем текст на странице. Все события произошли в реальности. Такое никогда не забудется. Положите головы на парты, – продолжал он. – Все до одного. Ну же! А теперь закройте глаза.

Его шаги приблизились к двери. Щелкнул выключатель, аудитория погрузилась в темноту, шаги удалились.

– Мания величия, – сказал Орсон. – Кто объяснит, что это такое?

В темноте раздался мужской голос:

– Иллюзия собственного всесилия.

– Хороший ответ, – согласился Орсон. – Но еще это и психическое расстройство, о чем также нужно помнить.

Преподаватель помолчал с полминуты, и в аудитории воцарилась полная тишина. Когда Орсон заговорил снова, его голос был наполнен четким мелодическим резонансом.

– На дворе тридцать девятый год от Рождества Христова, – начал он. – Вы – римский сенатор, и молодой император Гай Калигула пригласил вас с женой посмотреть на бои гладиаторов.

Во время небольшого перерыва, пока казнят преступников из низших слоев общества, бросая их на растерзание зверям и на потеху ликующей публике, Калигула встает, берет вашу жену за руку и в сопровождении телохранителей уходит.

Вы прекрасно понимаете, что происходит, и это понимают и другие сенаторы, поскольку то же самое уже происходило с их женами. Но вы ничего не делаете. Вы сидите на каменных ступенях под голубым весенним небом и смотрите, как львы гоняются за добычей.

Через час Калигула возвращается с вашей женой. Когда она садится рядом с вами, вы замечаете у нее на лице багровую ссадину.

Ваша жена взволнованна, одежда на ней порвана, она упорно не смотрит вам в глаза. Вместе с вами были приглашены еще шесть сенаторов, и вдруг Калигула обращается к ним. «Груди у нее слишком маленькие, – говорит он так громко, чтобы слышали все. – В сексуальном плане она абсолютно не интересна. Я лучше посмотрю, как кормят львов, чем трахну ее… еще раз».

Император смеется и хлопает вас по спине, и все подхватывают его смех. Никто не смеет возразить Гаю Калигуле. Никто не смеет пойти наперекор императору. Это раболепие чистой воды, и вы внутренне кипите, жалея о том, что приняли приглашение Калигулы и пришли сюда. Однако всего одно слово против императора будет означать смерть для вас и всех ваших близких. Так что лучше молчать и молить богов о том, чтобы Калигула больше никогда вас не приглашал.

Шаги Орсона приближаются к двери. Я отступаю вглубь коридора, однако он подходит только для того, чтобы зажечь свет. Аудитория наполняется шумом студентов, раскрывающих свои тетради.

– В следующий четверг, – говорит Орсон, – мы продолжим разговор о Калигуле. Я обратил внимание на то, что сегодня на лекции присутствуют далеко не все, и это, по-видимому, как-то связано со снегопадом, прошедшим этой ночью в горах.

Студенты дружно рассмеялись. Не вызывало сомнений, что они обожают своего преподавателя.

– В следующий четверг будет контрольная работа по Калигуле. На знание основных фактов. Когда он родился? Когда стал императором? Как и когда умер? Если вы прочитаете двадцать первый параграф учебника, думаю, никаких проблем у вас не возникнет. Надеюсь, вы найдете Калигулу одним из наиболее противоречивых, загадочных и в то же время недооцененных правителей Древнего Рима. – Орсон помолчал. – Желаю вам хорошо провести выходные.

Я услышал звуки закрываемых тетрадей и застегиваемых рюкзаков. Казалось, студенты разом поднялись и устремились к двери. Орсон сейчас также выйдет в коридор.

Дверь напротив была распахнута настежь. Протиснувшись сквозь толпу студентов, я незаметно проскользнул в полумрак большой пустой аудитории и, закрыв за собой дверь, стал следить в щелочку за появлением Орсона.

Глава 22

Спустившись по ступеням, Орсон пошел по дорожке. Я ждал в фойе Говард-холла, следя за ним в окно у входной двери. Облаченный в бежевый шерстяной костюм, при красном галстуке-бабочке и зеленых подтяжках, Орсон держал в руке коричневый портфель, а на носу у него красовались очки в золотой оправе. Когда он миновал бельведер, я открыл дверь и вышел следом за ним. Орсон быстрым шагом пересек университетский городок и скрылся в Джерард-холле.

Когда я подошел к этому зданию, снова пошел снег. Температура понизилась, и небо, утром чистое, затянуло низкими серыми тучами, цепляющимися за вершины гор.

Джерард-холл был одним из самых маленьких зданий в городке – узкий, в два этажа. Название было высечено на каменной плите над входом. Стоя на холоде перед зданием, в котором находился Орсон, я почувствовал себя совершенно беззащитным. Его кабинет находился на втором этаже, однако сейчас он мог быть где угодно, и хотя на значительном удалении я чувствовал себя в относительной безопасности, у меня не было сомнений, что вблизи мой брат сразу же узнает меня по глазам.

Минут пять я просидел у входа, собираясь с духом, чтобы войти внутрь. Но когда я наконец встал и протянул руку к двери, послышались шаги по дубовому паркету, и я, заглянув в окно внутрь, увидел появившуюся из коридора фигуру. В тот самый момент когда дверь открылась, я отвернулся и облокотился на черные перила.

Исходящий от женщины аромат я почувствовал до того, как ее увидел. В летах, все еще привлекательная, она легко сбежала по ступеням в туфлях на высоком каблуке. На ней было длинное черное пальто, ее светлые волосы, чуть тронутые сединой, дергались в такт ее быстрым шагам по дорожке, ведущей в город. Я снова прильнул к высокому, узкому окну рядом с дверью и, увидев только пустое фойе, повернул ручку и вошел внутрь.

В отсутствие голосов и стука пальцев по клавиатурам гул люминесцентных ламп, заливающих резким светом пыльный пол, казался оглушительным. Если верить застекленной табличке, в здании располагалась кафедра истории, и под стеклом белыми буквами были перечислены фамилии преподавателей и номера их кабинетов. В обоих концах коридора были лестницы, ведущие наверх. Недолго думая, я повернул налево и направился к лестнице, миновав четыре двери без табличек и подсобное помещение.

Со второго этажа доносился негромкий джаз. Остановившись на верхней площадке лестницы, я заглянул в коридор. Все лампы дневного света не работали за исключением одной, периодически мигавшей в противоположном конце. Единственный постоянный свет исходил из двух открытых дверей друг напротив друга, где звучали голоса, перекрывая стон саксофона.

Оставаясь в тени, я прошел к двери первого кабинета. Она была закрыта, бронзовая табличка на ней гласила: «СЧИКЕНСКИ 206». В комнате 207 напротив, из-под двери которой проникали свет и симфоническая музыка, кто-то распечатывал документы на принтере.

По правой стороне в пятнадцати шагах по коридору дверь в кабинет Орсона была распахнута настежь, из нее в коридор выливалась волшебная мелодия «Блюза в зеленых тонах» Майлса Дэвиса. Я осторожно продвигался вперед до тех пор, пока не смог заглянуть в пустой кабинет Орсона и не услышал разговор в комнате напротив.

– Я еще не готов ответить, – говорил Орсон.

– Дэвид, можно не спешить. Нам просто нужно определиться до Рождества. Полагаю, последним сроком будет двадцать первое декабря.

– Времени более чем достаточно, – согласился Орсон. – Мне только хочется прочитать все его публикации. То, с чем я уже успел ознакомиться, мне нравится, но я хочу полной уверенности, Джек.

– Полностью с тобой согласен, – сказал Джек, – и из того, что говорят остальные, следует, что доктор Гаррис нам подойдет. Те, кто читал его работы, в один голос говорят, что он знает свое дело.

На лестнице в противоположном конце коридора послышались шаги, и я поспешил отойти от двери.

– Проклятие! – вдруг спохватился Орсон. – У меня встреча с одной студенткой. Как насчет того, чтобы завтра пообедать вместе?

– Замечательно.

Скрипнул отодвигаемый стул, и я бросился бегом по коридору. Справа от меня был мужской туалет, мимо которого я опрометчиво прошел, и сейчас я заскочил в него в тот самый момент, как Орсон вышел из кабинета Джека в коридор. Приоткрыв дверь, я выглянул в коридор. Орсон стоял в дверях своего кабинета, прислонившись к косяку, и разговаривал с полной девицей с каштановыми волосами и бледным лицом. За спиной ее желтого плаща висел рюкзак. Орсон пригласил ее к себе в кабинет и закрыл дверь.

Затворив дверь в туалет, я оказался в полной темноте. Закрыв глаза, я дышал медленно и размеренно до тех пор, пока не утих стук у меня в груди.

Внезапно меня осенило – поднимаясь по лестнице, я видел на стене красный щиток с надписью «Пожарный кран».

Я открыл дверь туалета. Дверь в кабинет Орсона оставалась закрытой, поэтому я пробежал по коридору к лестнице. Остановившись перед пожарным щитком, оглянулся на коридор. Теперь в него проникал свет только из кабинета Джека.

Я потянул за белый рычаг, и тотчас же завыл сигнал тревоги.

Темнота в туалете теперь оживлялась мигающими лампочками. Добравшись до кабинки, я уселся на унитаз. Открылась дверь, кто-то что-то крикнул, после чего дверь снова захлопнулась: темнота убедила заглянувшего в том, что в мужском туалете никого нет. Выждав тридцать секунд, я подошел к двери.

Этаж полностью обезлюдел, почти все двери были распахнуты настежь, что в значительной степени увеличило освещенность коридора. Под звуки сирены я добежал до кабинета номер 209. Никого. Заскочив внутрь, я закрыл за собой дверь и поспешил к окну. На улице перед входом в здание собиралась толпа, люди недоуменно поднимали головы, ища взглядами дым. Снегопад усилился; на камнях снег таял, на траве задерживался. Я гадал, сколько времени потребуется пожарным, чтобы прибыть на место.

Шкафов в кабинете не было. Выдвинув нижний правый ящик письменного стола, я обнаружил, что он забит тетрадями. Ящик над ним был заполнен канцелярскими принадлежностями – ручками, карандашами, конвертами. Средний ящик заполняли папки и скоросшиватели, а оба ящика слева оказались пустыми. Никаких трофеев. Никаких фотографий. Однако это меня не удивило. Орсон слишком осторожен, чтобы держать подобные вещи здесь. Я знал это наперед, и все-таки нужно было проверить.

На полу отдельно стояли монитор, системный блок и клавиатура – старая, со стертыми клавишами. По обе стороны от окна висели книжные полки. Я бегло взглянул на корешки книг, но не обнаружил ничего необычного. Это были труды по истории, в основном посвященные Древней Греции и Древнему Риму. На стене перед письменным столом висели плакат с панорамой Афин и фотография в рамке, изображающая Орсона перед Колизеем.

На столе лежали несколько невскрытых конвертов, и я взял их. Из четырех три оказались адресованы на кафедру в колледже, а последний имел адрес Дженнингс-роуд, дом 617, Вудсайд, штат Вермонт. Есть! Достав из ящика с канцелярскими принадлежностями ручку и лист бумаги, я переписал адрес. Затем еще раз прошелся по ящикам, проверяя, все ли я оставил так, как было. Орсон обязательно заметит, если что-нибудь окажется не так.

Сирена пожарной тревоги умолкла. Засунув листок с адресом в карман, я открыл дверь. Хотя в коридоре второго этажа царила тишина, на первом этаже уже суетились пожарные – я слышал их крики и тяжелые шаги. Подбежав к лестнице справа, я заглянул вниз и, ничего не увидев, спустился. Очутившись на первом этаже, увидел, как двое пожарных скрылись в разных комнатах. Сбоку был еще один выход. Метнувшись к двери, я сбежал по каменным ступеням в заснеженный двор. Через пятьдесят ярдов перешел на шаг и, оглянувшись, увидел, что люди по-прежнему толпятся перед зданием, и Орсон в их числе.

Снег теперь падал большими рассыпчатыми хлопьями. Переполненный восторженным возбуждением, я шел по заиндевелой траве, возвращаясь в город. Нам с Уолтером предстояло до наступления темноты наведаться в логово Орсона.

Глава 23

Мы ждали до половины седьмого вечера, когда потемневшее пасмурное небо стало похоже на грифельную доску. Я вывел «Кадиллак» на шоссе номер 116, пустынную полосу асфальта, пересекающую безлюдное пространство между Вудсайдом и Бристолем. К этому времени снега в долине почти не осталось. Всю вторую половину дня температура держалась под сорок градусов по Фаренгейту, что растопило полдюймовый слой мокрого снега, выпавшего утром.

По обеим сторонам дороги мелькали сосны. Даже в салоне машины я ощущал их чистый, терпкий запах. Мы миновали несколько площадок для кемпинга, находящихся на территории национального парка Зеленые горы. Но мне требовалось место, где люди никогда не появлялись. В настоящий момент кемпинги опустели, и отходящие от них тропинки обеспечивали простой доступ вглубь леса. Однако если тепло вернется, а это обязательно случится, прежде чем земля промерзнет на зиму, по этим тропам снова толпами хлынут гуляющие, в том числе и с собаками. А у меня не было ни времени, ни сил, чтобы выкопать достаточно глубокую яму.

Я ехал по шоссе уже минут десять, когда обочина наконец расширилась настолько, что на ней свободно разместились бы бок о бок две машины. Сбросив скорость, я свернул с дороги, и колеса, скользнув по мокрой траве, остановились. Заглушив двигатель и погасив фары, я посмотрел назад в зеркало заднего обозрения. Прямая лента шоссе оставалась пустынной и темной.

– Ты полагаешь, здесь будет безопасно? – спросил Уолтер.

– Лучшего места нам вряд ли найти, – ответил я, вытаскивая ключ из замка зажигания.

Открыв дверь, я вылез на холодную, сырую траву. Звук захлопнувшихся дверей разнесся отголосками по лесу. Подняв крышку багажника, мы достали каждый по лопате и по паре кожаных перчаток, чтобы не закоченели руки.

Я первым направился к опушке. Углубляться далеко в лес мы не стали, поскольку отыскать место в безлунную ночь будет очень непросто. Нам предстоит тащить Орсона, и уже просто пробираться сквозь заросли, обремененным тяжелой ношей, будет нелегко. Белые сосны плакали тающим снегом, и уже через считаные минуты я дрожал от холода, с тоской вспоминая теплый камин в гостинице.

Через сорок ярдов я остановился. Деревья сомкнулись настолько плотно, что шоссе уже не было видно. Я нарисовал в толще опавшей хвои стрелку, указывающую в сторону дороги. Если мы заблудимся в лесу, возможно, нам придется бродить всю ночь в поисках шоссе.

– Давай копать, – сказал я, указывая на открытое пространство между деревьями.

Я пронзил лопатой слой сосновых иголок, и она воткнулась в сырую землю. Первоначально работать было трудно, поскольку мы замерзли, однако физическая нагрузка быстро заставила нас вспотеть. Вскоре мороз я чувствовал только раскрасневшимися щеками.

Первым делом мы обозначили границу, после чего принялись копать. Вдвоем быстро углубились на два фута. Прикинув, что яма достаточно глубокая, я улегся в нее, и Уолтер измерил, какой слой земли животному придется разрыть, чтобы достать до меня: получилось, что от поверхности Орсона будет отделять целый фут.

Выбравшись из ямы, я стряхнул грязь с джинсов, промокших и испачканных. Прислонившись к стволу ели, Уолтер закурил. В сгущающихся сумерках я не мог разглядеть его лицо, но чувствовал, что он как-то странно смотрит на меня. Огонек сигареты разгорался и угасал.

– В чем дело? – спросил я.

Уолтер лишь молча покачал головой.

– Нет, в чем дело?

Меня снова начинала бить дрожь.

– Мы с тобой собираемся убить человека.

– Не просто человека, Уолтер. А человека, который грозился натравить на твою семью психопата.

– Энди, возможно, тебе нисколько не страшно, но я сейчас точно наложу в штаны. Этой ночью я буквально глаз не сомкнул. Я постоянно думаю о том, что завтра миллион мелочей может пойти не так. Твой брат сбежит от нас. Убьет нас. Возможно, ему уже известно, что мы здесь. Ты об этом думал? Он психопат, а мы собираемся пойти против него.

Вдалеке хрустнула ветка.

– Разве ты делаешь это не для своих родных? – спросил я. – Думай о них, когда тебе становится страшно. Думай о том, что ты почувствуешь, увидев того зверя, который угрожал Дженне, истекающим кровью в яме.

В лесу сгустился пугающий мрак.

– Возможно, завтра придется туго, – продолжал я. – Быть может, нам придется… кое-что сделать с Орсоном, если он не скажет нам то, что мы хотим знать. Ты готов?

– Буду готов.

Уолтер направился в сторону шоссе. Подобрав лопату, я последовал за ним, отсчитывая шаги от могилы Орсона до опушки. Когда мы вышли из леса, шоссе было пустынным, и с высоких гор спускался туман. Теперь видимость составляла не больше сотни ярдов – а дальше черная непроницаемая мгла.

Я поставил свою лопату у самой большой сосны, какую только смог найти. Для того чтобы отыскать это место ночью, нам будут нужны какие-либо ориентиры. Когда мы забрались в машину, в салоне зажегся свет и запищало напоминание застегнуть ремни, и у меня внутри что-то оборвалось. Уолтер неправ. Быть может, всему виной туман и темнота, но мне было страшно. По дороге обратно в гостиницу мои руки, сжимающие рулевое колесо, дрожали. Я ломал голову, смогу ли осуществить задуманное. Несмотря на все, что сделал Орсон, он оставался моим братом. Братом-близнецом. Между нами была неразрывная связь.

Мы с Уолтером не обмолвились ни словом. Наверное, наше молчание было сродни тому, которое охватывает солдат накануне кровопролитного сражения. Нет места легкомысленной болтовне ни о чем. Только полная сосредоточенность на том, что предстоит в ближайшие часы, – и мысленная подготовка сделать нечто ужасное.

Глава 24

В пятницу в полдень, когда солнце достигло зенита и перешло в западную половину неба, моя кровать напоминала небольшой арсенал: мой миниатюрный «Глок» калибра.40, здоровенный «кольт» Уолтера калибра.45, две коробки «сорок пятых» патронов «ремингтон» с пулями с полым наконечником, по две дополнительных снаряженных обоймы к каждому пистолету, пара радиостанций «Амхерст РС-446», восемнадцать ампул бензодиазепина, одна ампула «противоядия», три шприца, латексные перчатки, фонарик, наручники и два военных комбинезона, приобретенных в армейском магазине в Дэвидсоне.

Труднее всего оказалось достать бензодиазепин. Теща Уолтера страдает от панических атак, и помимо прочих лекарств она запаслась успокоительным средней силы действия под названием «Ативан». Уолтер прикарманил тринадцать миллилитровых ампул препарата. Согласно данным, почерпнутым из Интернета, при необходимости этого должно было бы хватить для того, чтобы продержать Орсона в отключке пару дней. Однако отрицательная сторона заключалась в том, что «Ативан» начинал действовать спустя двадцать минут, а мне требовалось нечто такое, что оглушило бы Орсона меньше чем за две минуты.

Поэтому я совершил очень плохой поступок.

Авторы детективных романов в погоне за реализмом близко знакомятся с убийством, и я за долгие годы подружился со следователями, прокурорами и специалистами в различных областях криминалистики, которые любезно консультировали меня, помогая добиться достоверности. Описанные в моих книгах следственные и судебные процедуры безукоризненно точны. Я всегда правильно рассказываю про оружие. Один мой приятель-коронер как-то даже позволил мне присутствовать при вскрытии, чтобы я в первой главе своего последнего романа смог правильно передать обонятельные ощущения.

В «Синем убийстве» есть эпизод, в котором отрицательный персонаж крадет в больнице наркотические препараты. Поэтому я, работая над книгой, спросил у знакомого врача:

– Если нужно украсть в больнице наркотики, как это сделать?

Писателям можно задавать подобные вопросы, и никто ни в чем их не заподозрит, поскольку «все это для книги» и они выразят свою благодарность в предисловии.

Врач объяснил мне, что именно нужно делать, – и, черт возьми, он оказался абсолютно прав. Его совет: «Наведайся в послеоперационную палату. Неважно, что наркотики хранятся в запертых шкафах; ключи от этих шкафов лежат в незапертых ящиках. Моли бога о том, чтобы тебе попались невнимательные медсестры. Узнай, где установлены камеры видеонаблюдения. Раздобудь одежду санитара и изображай бурную деятельность до тех пор, пока не выяснишь, где хранятся ключи от шкафа с наркотиками».

Благодаря беспечности медсестер в послеоперационной палате через два дня после отъезда в Вудсайд я вышел из Больницы милосердия в Шарлотте, штат Северная Каролина, с пятью миллилитровыми ампулами быстродействующего бензодиазепина под названием «Версед». Применяемый при хирургических операциях, этот препарат при внутривенном введении усыпляет меньше чем за полторы минуты. К сожалению, он также способен вызывать нарушение дыхательных функций, поэтому я заодно прикарманил ампулу флумазенила, который используется в качестве антидота от бензодиазепина.

В дополнение к воровству лекарств я также внимательно изучил вопрос внутримышечных и внутривенных инъекций. Я запомнил дозы «Ативана» и «Верседа». Я тщательно выполнил домашнее задание, приготовил надежное огнестрельное оружие и разработал план. Когда мы с Уолтером сидели в креслах друг напротив друга, снаряжая обоймы патронами, я почувствовал,

как меня охватывает абсолютное спокойствие. Мы действительно это делаем. Кто способен на такое? Тут нужны дерзость и бесстрашие, твою мать. Из этого получилась бы чертовски хорошая книга.

Пока Уолтер лег немного вздремнуть, я поднялся наверх. Стол в обеденном зале был заставлен грязной посудой и пустыми бутылками из-под вина – жертвами обеда. Вернувшись на кухню, я спросил у повара, может ли он приготовить сэндвич с индейкой. У него не было ни малейшего желания. Обед уже закончился. Но в конце концов повар нехотя согласился и предложил мне подождать у камина.

Я сел в кресло-качалку. Пламя в кирпичном очаге догорало. Я мысленно представил себе, как оно ярко горело в утренние часы, еще до того, как растаяла снежная пыль. Камин по-прежнему согревал уютную гостиную, но теперь уже без особого рвения. Дожидаясь своего обеда, я глядел на последнее тлеющее полено. Угли медленно пожирали дерево, превращая его в пепел и дым.

В соседнем холле орал телевизор. Я слышал голос специального агента Трента, докладывающего о последних результатах поисков Кардиохирурга.

Супружеская пара, направляющаяся к выходу, подозрительно покосилась на мой наряд. Для этой престижной гостиницы мой серый комбинезон являлся чем-то аномальным.

* * *

Дженнингс-роуд отделяется влево от Главной улицы в миле за колледжем. Лишенные листвы сахарные клены и березы закрывали сверху улицу, карабкающуюся вверх по склону. Вдоль проезжей части лежали горы опавших листьев. Я представил, как они, в ярких огненных красках, еще совсем недавно устилали улицы и газоны, превращая этот городок в Новой Англии в чудесную обособленную вселенную.

Почти у самой вершины холма я увидел на черном почтовом ящике большие белые цифры «617». Уолтер сбросил скорость, но я приказал ему проехать мимо, чтобы не привлекать к себе внимания, и остановиться дальше по улице. Когда мы проезжали мимо дома Орсона, я взглянул на него, не в силах поверить в то, что мне действительно удалось его найти. Снаружи он выглядел скромным и изящным. Белое двухэтажное здание, с мансардными окнами на втором этаже и большими эркерами внизу. Забор из штакетника ограждал лужайку перед домом, вдоль вымощенной кирпичом дорожки, ведущей от улицы к крыльцу, росли цветы. Гаража я не увидел, и в настоящий момент машин на дорожке не было.

Мы перевалили через гребень, и Уолтер остановился у тротуара, рассыпав кучу листьев. Заглушив двигатель, он с тревогой посмотрел на меня. Я наклонился и достал из-под сиденья рации.

– Восьмой канал, семнадцатый канал запасной, – сказал я, протягивая одну рацию Уолтеру.

Мы настроили частоты.

– Перед тем как свернуть на Дженнингс, мы проехали мимо столовой. Жди меня там. Машина выглядит здесь подозрительно, особенно с номерами другого штата. Первое сообщение от меня ты получишь в столовой. Я скажу: «Иди, папа!» Это будет означать, что Орсон вернулся домой, поэтому ты живо поднимешься сюда и станешь кружить вокруг дома. Вторым сообщением станет: «Приезжай домой!», и оно будет означать, что ты должен подъехать к дому шестьсот семнадцать и сдать задом на дорожку. Я буду тебя ждать. Ты откроешь багажник и вернешься в машину. Как только багажник будет открыт и ты окажешься внутри, я вытащу Орсона. Он будет без сознания. Я запихну его в багажник, и ты отвезешь нас к яме у шоссе сто шестнадцать. Вопросы есть?

– Нет.

– Без крайней необходимости радиомолчание не нарушать. Если потребуется, назовешь меня Уильмом. Я буду звать тебя Фредом. Мало ли кто может нас услышать… И не перепутай каналы. Восемь и семнадцать. Запиши их у себя на руке.

Пристегнув рацию к ремню, я взял с пола громоздкую поясную сумку. Надев ее, открыл дверь, вышел в холодный воздух и сказал:

– Сейчас всего половина пятого, так что, возможно, пройдет несколько часов, прежде чем я свяжусь с тобой.

Я закрыл дверь, и Уолтер, спустившись вниз, скрылся за поворотом.

Я поднялся пешком на вершину, и оттуда мне открылась панорама Вудсайда. Я подумал, что весной и летом, когда деревья в листве, разглядеть городок, расположенный в нескольких сотнях футов внизу, будет непросто. Однако обнаженные деревья позволяли увидеть всю долину: Главную улицу, колледж, даже краешек расположенного в полутора милях к северу центра. Очаровательный уголок. Таких в глубинке Новой Англии сотни – и тысячи по всей стране. Кому придет в голову, что именно здесь, среди пасторальных домиков Вудсайда, обитает кровавый Кардиохирург?

Я прошел по дорожке к белому забору высотой по грудь, отделяющему задний дворик. Когда я забрался на него и уселся верхом, у меня мелькнула мысль, есть ли у Орсона собака. Спрыгнув с противоположной стороны, я остался на траве на четвереньках, осматривая лужайку в поисках конуры, прислушиваясь, не зазвенит ли цепь. Однако в прекрасной траве не было никакого движения. Во дворе возвышался большой кипарисовик[14], но собаки не было.

Я завернул за угол. От дома отходила каменная терраса с белыми пластмассовыми креслами. Я шагнул с травы на плитку, откуда стеклянные двери вели на веранду. Прокравшись к дверям, заглянул внутрь. Свет не горел, но, всмотревшись в полумрак, я разглядел за верандой кухню. Похоже, в доме никого не было. Я подергал дверь, однако она оказалась заперта на засов. Однако замка не было, и я с облегчением отметил, что мне придется разбить только одно стекло.

Достав из поясной сумки кожаные перчатки, я поднял с земли камень размером с бейсбольный мяч. Надев перчатки, обрушил камень на ближайшее к запору стекло. Раздался треск, на пол посыпались осколки. По-прежнему сжимая в руке камень, я прислушался, не сработает ли сигнализация, однако в доме все оставалось тихо. Отбросив камень, я повернул ручку.

Когда дверь распахнулась, мне в лицо ласково подуло теплом центрального отопления. Шагнув внутрь, я снял кожаные перчатки и убрал их в сумку. Вытерев свои отпечатки пальцев с наружной дверной ручки, втиснул руки в латексные перчатки и закрыл за собой дверь.

Тишина не внушала мне доверия. Стоя на веранде, я смотрел на то, как угасающий свет проникает в высокие окна. На линолеуме с узором «под кирпич» были хаотично расставлены плетеные кресла, а растения в кадках наполняли воздух терпким ароматом теплицы. Я осторожно двинулся вперед. У меня под ногами захрустели осколки. Достав из поясной сумки «Глок», я дослал патрон в патронник, моля бога о том, что мне не придется стрелять из пистолета без глушителя в этом безмятежном уголке. Нам с Уолтером так и не удалось выйти на подпольных торговцев глушителями.

Из веранды я прошел на кухню, заполненную всевозможными белоснежными прибамбасами, заполнившими бесконечные мили кухонных столов. Изучив фотографии на холодильнике, увидел сплав по бурлящей горной реке и Орсона вместе с женщиной, которую я раньше никогда не видел, они стояли держась за руки на голой горной вершине.

Справа дверь вела в обеденный зал, с сервантом, подсвечником и столом из красного дерева, с хрусталем, серебром и фарфором на белой скатерти.

Но я шагнул в левую дверь, покинув кухню и оказавшись в гостиной. Вкус у Орсона безукоризненный. Над камином висела копия Одилона Редона[15]. Антоний: «Каков смысл всего этого?» Дьявол: «Никакого смысла нет». Поразительно, лицо, изображенное на черно-белой литографии, очень напоминало того мужчину, который брал у меня автограф на улице напротив дома матери. Лютер. В дальнем левом углу стояло старое пианино «Стейнвей», а перед газовым камином на полу был расстелен персидский ковер, обрамленный матрасом и двумя креслами, обтянутыми бордовой кожей. Справа уходила вверх лестница, а прямо впереди находилась входная дверь, ведущая на крыльцо.

Я пересек гостиную, и гулкий стук моих шагов по дубовому паркету наполнил помещение. Дверь слева, рядом со «Стейнвеем», вела в библиотеку, и я, переступив порог, оказался в комнате, заполненной книгами.

В кабинете Орсона стоял приятный запах старой бумаги и сигар. Господствующее положение в середине занимал роскошный письменный стол, в точности такой же, как и у меня в кабинете. Даже крутящееся кресло на колесиках было идентично моему. Порывшись в ящиках, я не обнаружил ничего интересного. Все письма были адресованы доктору Дэвиду Паркеру, а в папках лежали материалы, посвященные Древнему Риму. На столе не было ни одной фотографии – только компьютер, коробка из кедрового дерева с дорогими доминиканскими сигарами и графин с коньяком.

Вдоль стен стояли книжные шкафы. Названия указывали на ту же специфиикацию: академические труды, подобные тем, которые я уже видел в кабинете Орсона на кафедре. «Аграрное общество в Риме в третьем веке до нашей эры». «Политика трибунов и государственная власть до Цезаря». «Международные отношения: Рим, Карфаген и Пунические войны».

Негромкое ворчание автомобильного двигателя привлекло меня к окну. Раздвинув двумя пальцами шторы, я увидел, как к дому Орсона свернул белый «Лексус»-седан. Я застыл, чувствуя, как внутри у меня все сжалось в комок. Если Орсон войдет в дом через черный вход, он увидит разбитое стекло.

Брат появился внезапно, быстро шагающий по дорожке, в оливковом костюме и с портфелем в руке. Отступив от окна, я упал на четвереньки и забрался под письменный стол.

Загремел ключ в замочной скважине, и входная дверь открылась. Насвистывая, Орсон вошел в дом, и я отпрянул как можно дальше в темноту под столом.

Где-то в доме зазвонил телефон. Орсон застыл на месте. Теперь мне были видны его ноги, обутые в черные ботинки с острым носом. Я чувствовал его запах – знакомый аромат одеколона. И запах пота после долгого дня у нас с братом был одинаковый. Телефон продолжал трезвонить, и Орсон, буркнув что-то невнятное себе под нос, покинул кабинет.

Он снял трубку на кухне после третьего звонка.

– Алло… Привет, Арлена… Да, конечно… Ну, а почему бы и нет? Мы что-нибудь сообразим… Нет, не надо. Просто заходи в дом… Ладно. Замечательно, до встречи!

Положив трубку, Орсон вернулся в гостиную. Какое-то мгновение мне казалось, что он пройдет в кабинет, и я поднял пистолет. Но его шаги прозвучали уже на лестнице.

Охваченный дрожью, я выбрался из-под стола. Сверху донесся шум душа. Усевшись на корточках на полу, я достал из поясной сумки рацию и нажал кнопку вызова.

– Уильям, – шепотом произнес я, – Уильям, как слышишь, прием?

– Прием.

Из рации донесся булькающий голос Уолтера. Я поспешил убавить громкость.

– Это ты, Уильям, – сказал Уолтер. – Я Фред.

– Он здесь, – прошептал я. – Наверху, принимает душ.

– Ты нашел…

– Не могу сейчас говорить. Иди, папа!

– Что?

– Подъезжай сюда и жди следующего сигнала.

Выключив рацию, я прошел в гостиную. Лестница была застелена ковровой дорожкой, заглушившей звук моих шагов, когда я поднимался на второй этаж. Оказавшись в середине тускло освещенного коридора, я увидел, что в обоих концах расположены спальни, а за закрытой дверью прямо передо мной, судя по проникающему из-под нее свету, находится ванная. Орсон оставил перед дверью свои ботинки, темно-синие в крапинку носки, черный ремень и оливковый костюм.

Стоя в ду́ше, Орсон напевал битловскую «Все, что вам нужно, – любовь».

Я подошел к ванной. Открыть дверь, проскользнуть внутрь и вколоть иглу через занавеску…

Раздался звонок в дверь, и я застыл в коридоре, гадая, услышал ли его Орсон. Через пять секунд душ выключился, послышалось шлепанье мокрых босых ног по плитке и шорох полотенца, лихорадочно вытирающего тело. Я бросился бегом направо и нырнул в спальню. Поскольку повсюду на полу была раскидана одежда, я заключил, что это комната Орсона. Справа от меня мансардное окно выходило на Дженнингс-роуд, а вдалеке виднелись заснеженные вершины Адирондакса. Альков был завален подушками, и у меня мелькнула мысль, что Орсон проводит много времени, читая в этом закутке.

Увидев слева здоровенный гардероб, я успел нырнуть внутрь в тот самый момент, когда открылась дверь ванной. Снова раздался звонок в дверь, и Орсон крикнул, сбегая по лестнице:

– Я же сказал тебе заходить в дом!

Я не слышал, как он открыл дверь. Пробравшись между вешалками с пахнущими нафталином костюмами и свитерами, я наконец забился в самый дальний угол шкафа.

Вскоре Орсон поднялся по лестнице и вошел в свою комнату. Я мельком увидел его сквозь вешалки – голого, натягивающего разом трусы и джинсы, валявшиеся вместе на полу так, как он их бросил. Не надевая рубашку, он встал перед зеркалом в полный рост, расчесывая влажные волосы, успевшие отрасти по сравнению с тем «ежиком», который был у него в пустыне. Улыбаясь самому себе, Орсон скалился, беззвучно произнося своему отражению слова, которые я не мог разобрать. Мне впервые представилась возможность хорошенько разглядеть своего брата, и я воспользовался ей сполна.

Орсон по-прежнему находился в великолепной физической форме, однако теперь он выглядел более ухоженным и опрятным, чем в пустыне. От него исходила харизма, его глаза блестели.

– Налей себе бокал вина! – крикнул он. – В баре есть открытая бутылка «Пино Нуар»!

Выдвинув ящик гардероба, Орсон изучил его содержимое и в конце концов выбрал нож для бумаги. Выдвинув из металлической рукоятки лезвие – полоску стали длиной не больше дюйма, – потрогал острие большим пальцем и снова улыбнулся своему отражению в зеркале.

– Ты ведешь себя хорошо. – Он издал смешок. – Сегодня ты ведешь себя хорошо.

– Дейв?

Вздрогнув, Орсон стремительно развернулся.

– Арлена! Как ты меня напугала!

С лестницы донесся женский голос:

– Где бар?

– В шкафу на кухне.

Орсон убрал нож за спину. Со своего места я видел в зеркале, как он играет им, выдвигая и задвигая лезвие.

– О, Арлена, включи какую-нибудь музыку, хорошо? Майлса Дэвиса, если ничего не имеешь против.

Убрав лезвие, Орсон спрятал нож в задний карман джинсов и продолжил прихорашиваться перед зеркалом.

* * *

В мансардное окно было видно, как последние солнечные лучи скрываются за Адирондаксом. Меня так и подмывало оставаться в шкафу всю ночь, надежно прячась за вешалками, между пахнущей нафталином старой одеждой. Но я усилием воли пробрался между костюмами и наконец вывалился из шкафа.

Голоса поднимались до второго этажа. Я слышал смех брата, звон серебряных столовых приборов по фарфору. Мне потребовался целый час, чтобы собраться с духом и вылезти из шкафа. Слава богу, Орсон и его гостья все еще сидели за столом. Вдруг до меня дошло: разбитое стекло. Пожалуйста, только не выходите на веранду!

Поскольку комната Орсона на время принадлежала мне одному, я воспользовался возможностью, чтобы проверить шкафы, полки и гардероб на предмет наличия фотографий и видео, сделанных в пустыне. Однако не нашел ничего, что подтверждало бы необычное хобби моего брата, – не было даже дневника. На самом деле единственным предметом в спальне, хоть как-то

отражавшим склонность Орсона к насилию, была копия акварели Уильяма Блейка[16] – виновный в симонии[17] Папа Николай III в чане с огнем, его пятки пылают. Мне была известна эта работа, иллюстрация к 19-й песне «Божественной комедии» Данте. Тех, кто не знал Орсона, мог озадачить зловещий выбор картин, украшающих стены его жилища.

Пройдя по коридору, я вошел в комнату для гостей. Она оказалась совершенно безликой, заставленной разношерстной эклектичной мебелью. Шкаф был пуст, как и оба ящика туалетного столика. У меня возникли сомнения, что на этой односпальной кровати когда-либо кто-нибудь спал.

Выскользнув обратно в коридор, я вышел на лестницу и спустился на несколько ступенек вниз. Из обеденного зала доносился негромкий голос Орсона. Заскрипели отодвигаемые стулья, затем послышались шаги, направляющиеся в прихожую. Я поднялся обратно наверх, но когда шаги продолжили приближаться в моем направлении, я бегом вернулся в спальню Орсона и снова спрятался в шкафу.

Брат и его гостья вошли в комнату и вместе упали на кровать. Я услышал голос Орсона:

– Ты мне очень нравишься.

– И ты мне тоже нравишься.

– Да?

– В противном случае меня бы здесь не было.

Судя по голосу, Арлене было около тридцати. Низкий и грудной, он тем не менее сохранил нотки девичьей невинности. Я понял, чем она привлекла Орсона. Лампа на туалетном столике погасла. Какое-то время возлюбленные целовались в темноте, и их томные вздохи напомнили мне вечеринки в старших классах школы.

– Тебе хочется, чтобы я это сделал? – спросил Орсон.

– Оооох!

– Точно?

– Да!

В комнате наступила тишина, нарушаемая лишь влажным чмоканьем.

– Догадайся, что у меня в этом кармане? – наконец спросил Орсон.

– Мм… Что?

– Глупышка, ты должна сама догадаться.

– Это что-то круглое и мягкое?

– На самом деле это что-то твердое.

– Мм…

Я чувствовал, что от вина голос Арлены начал заплетаться.

– И очень острое.

– Ого?

– Ты говорила обо мне своим знакомым?

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-нибудь знает, что мы с тобой встречаемся?

– Какое это имеет значение?

– Просто ответь.

Я уловил в голосе Орсона злость, но его гостья, уверен, не обратила на это внимания.

– Только девочкам с работы.

Орсон вздохнул.

– Я же просил тебя никому не говорить. Ты упоминала мое имя?

– А что?

– Арлена, ты говорила своим подругам, как меня зовут?

– Не помню. – Ее голос стал томным. – Милый, что ты скажешь на это?

Зашуршала расстегиваемая молния.

В темноте послышалось какое-то резкое движение.

– Не прикасайся ко мне! – прошипел Орсон.

Заскрипела кровать, и я предположил, что Арлена уселась в ней.

– Зажги свет, – сказала она. – Зажги свет!

Но свет не зажигался.

– Ты сказала своим подругам, как меня зовут?

– Почему ты ведешь себя так странно?

– Ответь, чтобы я смог показать тебе, что у меня в кармане.

– Да, я сказала им, как…

– Проклятье!

– Что?

– Ты можешь уходить.

– Почему?

– Уходи!

– Что с тобой? Я думала… я хочу сказать, ты мне нравишься, и я думала…

– Я задумал для нас на этот вечер нечто необыкновенное. А ты все испортила. Я собирался тебя вскрыть, Арлена.

– Что?

– Уходи из моего дома!

Снова заскрипела кровать, ноги опустились на пол, послышался шелест расправляемой одежды.

– Я не могу поверить… Дэвид, тебе нужна помощь!

– Возможно.

– Ты должен обратиться к…

– Я бы посоветовал тебе поскорее уйти отсюда, пока ты еще в состоянии.

Арлена выскочила из спальни в коридор с криком: «Долбаный извращенец!» Всхлипывая, она добежала до входной двери.

Глава 25

Какое-то время после ухода Арлены Орсон сидел в темноте. Почему-то я ожидал, что он, оставшись один, расплачется, сломается. Однако этого не произошло. Когда мои глаза привыкли к темноте, я начал различать в спальне предметы: картина на стене, книжные шкафы, вытянутые на кровати ноги Орсона. В окно мне были видны светящиеся точки на черных склонах гор в противоположном конце долины.

Минут через тридцать я решил, что Орсон заснул. Тогда я начал настраивать себя на то, чтобы выползти из шкафа и сделать то, ради чего пришел сюда. Но как только я зашевелился, Орсон резко уселся в кровати. Застыв неподвижно, я следил за тем, как его рука нырнула под кровать и достала оттуда что-то, похожее на коробку из-под обуви. Положив коробку на матрас, Орсон скинул с ног тапки и зашвырнул их через всю комнату. Один тапок залетел в шкаф и едва не попал мне в голову.

Я услышал металлический щелчок. Улегшись на кровать, Орсон заговорил тихим, монотонным голосом:

– Сейчас… девятнадцать часов сорок пять минут, сегодня восьмое ноября, пятница. Только что ко мне приходила Арлена. Я уже говорил тебе о ней. Та сотрудница юридической фирмы из Бристоля. Это должно было произойти сегодня. Я думал об этом весь день. Всю неделю. Но она рассказала обо мне своим коллегам по работе – назвала мое имя, и это конец. Мне пришлось проявить все свое самообладание. Я до сих пор еще ни разу не пользовался ножом для бумаги, поэтому очень расстроен тем, что сегодня ничего не получилось. Если и дальше у меня все будет так плохо, возможно, дело кончится тем, что я допущу какую-нибудь оплошность, как тогда в Берлингтоне. Но ты взял за правило никогда не заниматься подобным в этом городе, и это разумное правило, так что не надо ничего портить.

Орсон остановил диктофон, но затем снова включил запись.

– И еще одно. Сегодня я вышел в Интернет и увидел, что второе прошение о помиловании Джеймса Кейлера также отклонено. Полагаю, это означает, что казнь назначат на ближайшее время. Это просто замечательно – то, что я там сделал. Просто замечательно. Наверное, я съезжу в Небраску, когда Кейлера поджарят на электрическом стуле. Кажется, в «Кукурузном штате» все еще сажают на электрический стул.

Вернув диктофон в коробку из-под обуви, Орсон достал кое-что другое. Встав с кровати, он подошел к туалетному столику, на котором стоял видеоблок. Вставив кассету, включил телевизор. Когда началось воспроизведение, Орсон улегся на живот, приподняв голову на локтях.

Изображение было цветное. О господи! Сарай. Я ощутил приступ тошноты.

– Это Синди, и она только что провалила тест. Синди, поздоровайся!

Женщина была привязана к столбу за кожаный ошейник. Орсон направил камеру на себя: вспотевшее лицо, искрящиеся глаза, торжествующая улыбка.

– Синди выбрала шестидюймовый нож для разделки туш.

– Прекратите! – пронзительно взвизгнула женщина.

Я заткнул уши и зажмурился. От прозвучавшего в голосе женщины страха мне стало плохо. Даже сквозь заткнутые уши до меня пробивались самые громкие крики. Лежащий на кровати Орсон тоже издавал какие-то звуки. Присмотревшись, я разглядел, что он перевернулся на спину и смотрит на экран, запрокинув голову, ритмично содрогаясь всем телом.

Видеосъемка убийства была не слишком длинная, поэтому Орсон прокручивал ее снова и снова. Я обнаружил, что, если целиком сосредоточиться на собственном сердцебиении, можно практически полностью отключить сознание от телевизора и стонов Орсона. Считая удары сердца, я дошел до семисот четырех.

* * *

Когда я открыл глаза, в комнате царила тишина. Сообразив, что я незаметно для себя задремал, я ужаснулся тому, что мог захрапеть или потерял драгоценные часы, заснув в шкафу. Взглянув на часы, я увидел, что времени уже половина десятого вечера, и с облегчением отметил, что у нас с Уолтером еще остается почти вся ночь на то, чтобы убить моего брата.

Из кровати – глубокое, ровное дыхание. Я узнал размеренные вдохи и выдохи Орсона. Практически наверняка он спал. Я достал шприц и ампулу «Верседа». Сняв пластмассовый колпачок, я проткнул полой иглой резиновую крышку и оттянул поршень назад так, что в ампуле ничего не осталось. Затем поступил так же с содержимым еще двух ампул. Наполнив шприц пятнадцатью миллиграммами «Верседа», убрал три пустых ампулы обратно в сумку и закрыл молнию так медленно, что даже не услышал, как зубья заходят в зацепление друг с другом. Держа шприц в левой руке, а «Глок» в правой, вытащил голову из вешалок и двинулся вперед.

Когда я поднялся на ноги на паркетном полу, у меня вдруг мелькнула мысль, что Орсон, возможно, не спит. Быть может, он просто отдыхает и дышит медленно по принципу йоги. Сделав три шага, я остановился и посмотрел на распростертого на кровати брата.

Грудь Орсона вздымалась и опускалась в неспешном ритме, указывающем на глубокий сон. Опустившись на четвереньки, я зажал пластмассовый шприц в зубах и пополз по пыльному полу. У края кровати остановился, решительно борясь с очередной волной тошноты и одышки. По лбу градом струился пот, обжигающий глаза. Руки под тонким латексом взмокли.

Усевшись на корточках на полу, я достал шприц изо рта и, держа его перед глазами, выпустил из иглы вверх короткий фонтанчик, удаляя пузырьки воздуха. Орсон зашевелился. До этого он лежал спиной ко мне, но сейчас перевернулся, и мы с ним оказались лицом к лицу. Теперь ему достаточно было только открыть глаза.

Левая его рука очень кстати была откинута в сторону. Достав фонарик и зажав его в зубах, я осветил руку так, чтобы стало видно густое переплетение вен под кожей. С огромным терпением, сосредоточенно я опустил острие иглы так, что оно оказалось всего в дюйме от кожи. Существовала вероятность того, что укол убьет Орсона. Поскольку я введу «Версед» внутривенно, ударная доза попадет прямо в крупный кровеносный сосуд и сразу обрушится на центральную нервную систему, что может привести к остановке дыхания. Мне нужно унять дрожь в руках.

Когда я воткнул иглу в вену на внутренней стороне локтевого сустава, Орсон открыл глаза. Я нажал до конца на поршень. Пожалуйста, пусть препарат попадет в вену! Орсон вздрогнул и судорожно вздохнул. Отпустив шприц, я отпрянул назад, оставив его торчать в вене. Выдернув шприц, Орсон поднес его к лицу, сбитый с толку.

– Энди? – прошептал он так, словно рот у него был забит ватой. – Энди? Как тебе удалось…

Он сглотнул несколько раз, словно что-то застряло у него в гортани. Поднявшись на ноги, я направил на него пистолет.

– Лежи тихо, Орсон!

– Что ты мне ввел?

– Лежи тихо!

Орсон откинулся на подушку.

– Господи, – пробормотал он, – какое же это сильное средство!

Судя по его голосу, препарат уже начал действовать, и мне показалось, что у него закрылись глаза. Я зажег лампу на столике, чтобы убедиться в этом. Глаза Орсона превратились в узкие щелки.

– Что ты делаешь, Энди? – спросил он. – Как тебе…

Не договорив, он умолк.

– Ты убил мою мать, – сказал я.

– Я не думал, что ты…

Брат закрыл глаза.

– Орсон? – Я видел красную точку на руке в том месте, где игла проткнула кожу. – Орсон!

Он не шелохнулся, и я, протянув руку, отвесил ему пощечину. Орсон застонал, но это был бессознательный отклик, убедивший меня в том, что наркотик полностью подчинил его.

Вернувшись в шкаф, я достал из поясной сумки рацию.

– Уолтер! – задыхаясь, выпалил я. – Уолт… Фред!

– Прием.

– Ты близко?

– В сотне ярдов.

– Подъезжай сюда и заходи в дом!

Прислонившись к стене, я отер пот с век.

Спрыгнув с кровати, Орсон вонзил свою голову мне в живот до того, как я вспомнил о пистолете. У меня перехватило дыхание, а брат ударил меня коленом промеж ног и обеими руками схватил за затылок. Затем обрушил свой лоб мне на нос, я ощутил хруст хрящей, и сразу же за этим обжигающую боль. Холодная кровь хлынула мне на губы.

– О чем ты думаешь, Энди? Ты способен поступить со мной вот так?

Мне кое-как удалось наполнить легкие воздухом, но Орсон ткнул меня кулаком в живот, чуть выше пупка. Я согнулся пополам, он ударил коленом мне в лицо, и я повалился на пол.

Орсон тотчас же уселся на меня верхом, пытаясь просунуть руку мне под живот, где мои пальцы по-прежнему железной хваткой сжимали «Глок». Пронзительная острая боль пронзила мне спину, и я застонал.

– Ага, тебе это нравится, да? Я буду делать так снова и снова!

Он воткнул в меня иглу. Я почувствовал, как шприц раскачивается в ране.

– Долго ты не продержишься, – продолжал Орсон. – И я проведу эти выходные, убивая тебя. О чем ты думал, Энди? О чем?

Я думал о том, что мне нужно по крайней мере оказать сопротивление, однако я боялся, что, если пошевелюсь, он вырвет пистолет у меня из рук.

Твердая кость ударила меня по затылку, и боль получилась адская. Я чувствовал, как игла снова и снова вонзается мне в спину.

– Твою мать… – вдруг пробормотал Орсон.

Он снова ударил меня по затылку, но на этот раз удар получился совсем несильным.

– Будь ты проклят, Энди… – Повалившись на пол, Орсон поднялся на четвереньки, стараясь оставаться в сознании. – Держись… Нет, нет!..

Выдернув иглу из спины, я встал и подошел к открытой двери спальни. Лицо мое распухло, левый глаз почти ничего не видел. Однако адреналин притупил боль даже от глубоких микроскопических отверстий в спине. Под штанинами комбинезона по моим ногам струилась кровь. Орсон упал на бок.

– Нет! – Он сонно вздохнул, его речь уже заплеталась. – Энди, не надо…

Закрыв глаза, он затих.

Послышался стук во входную дверь. Схватив пистолет за ствол, я принялся колотить Орсона по лбу до тех пор, пока не появилась кровь. После чего я выскочил в коридор и сбежал вниз по лестнице.

– Уолтер, это ты? – крикнул я сквозь дверь.

– Это я, – ответил он, и я впустил его внутрь.

От его одежды исходила ночная прохлада.

– Где твой брат… о господи, что у тебя с лицом?

– Всё в порядке. Пошли, – сказал я, направляясь к лестнице. – Надевай латексные перчатки. Орсон наверху.

Глава 26

Пока Уолтер стаскивал бесчувственного Орсона, в одних трусах, вниз по лестнице и закатывал его в пестрый персидский ковер, я снова обыскал все закутки в спальне своего брата. Заглянув под кровать, обнаружил коробку из-под обуви с микрокассетами для диктофона и двумя видеокассетами, однако этим мои находки ограничились. Повторный тщательный осмотр шкафа не показал ничего необычного. В гостевой спальне я не нашел ничего, а когда я приступил к новому обыску кабинета, меня уже переполняла ярость.

– Видишь вот это? – спросил я, выходя в коридор первого этажа и поднимая над головой коробку из-под обуви. – Во всем доме только это и может дать хоть какое-то представление о том, кто такой Орсон на самом деле.

Облаченный в такой же комбинезон, как и я, Уолтер сидел верхом на моем брате, закатанном в ковер.

– Но есть и другие фотографии, – продолжал я. – Снимки того, как я творю жуткие дела. Они спрятаны где-нибудь в камере хранения или в сейфе. И знаешь, что произойдет, когда этот сукин сын уже не сможет платить по счету, поскольку будет мертв? Его вещи извлекут, и тогда найдут фотографии, как я вырезаю сердце из груди женщины.

Ну вот, теперь ты знаешь.

Уолтер пристально посмотрел на меня, но не стал просить разъяснений. Встав, он прошел в кабинет Орсона и, взяв графин, налил себе в стакан изрядную долю коньяка.

– Хочешь выпить? – спросил Уолтер, согревая напиток нежными вращательными движениями стакана.

– Будь добр.

Уолтер налил и мне и принес стакан в гостиную. Мы уселись на матрас перед камином, молча потягивая коньяк в ожидании безмятежной эйфории, которая так и не приходила.

– Он нам расскажет? – наконец спросил Уолтер.

– О чем?

– О твоих фотографиях и о том человеке, который написал у Дженны на руке.

Повернув голову, я посмотрел Уолтеру в глаза, чувствуя, как мои щеки горят от спиртного.

– А то как же, твою мать!

*** * ***

Мы вынесли Орсона на крыльцо и спустили по ступеням. Проникающий сквозь голые, каллиграфические деревья лунный свет был белым, словно кость. Коньяк притупил чувствительность, ослабив жалящее воздействие холода на лицо.

Ковер не поместился в багажнике, поэтому мы раскатали его и сбросили Орсона в черный пустой отсек. Я проверил его дыхание, и хотя оно было ровным, вдохи получались неглубокими. В доме напротив зажегся свет. В окне появился силуэт.

– Уолтер, поторопись! – сказал я. – Это худшее место, где мы сейчас можем находиться.

Спустившись вниз тем же путем, каким мы поднимались, мы повернули направо на Главную улицу. Я смотрел в окно на промелькнувший мимо университетский городок: вымощенные кирпичом дорожки были освещены, но оставались пустынными. Вдалеке я мельком увидел белый бельведер, где не далее как вчера стоял в снегопад, ища человека, который сейчас лежал без сознания в багажнике.

– Мы его взяли, правда? – спросил я, и коньяк вызвал торжествующую усмешку у меня на лице.

– Праздновать будем тогда, когда у твоего брата на груди будет сто фунтов сырой земли, а мы узнаем, кто угрожал моей дочери.

*** * ***

В половине одиннадцатого вечера центр Вудсайда бурлил жизнью. Несмотря на холод, тротуары были запружены студентами. Над толпой поднимались сотни крошечных облачков пара, и даже сквозь стекло я слышал громкие голоса. У дверей двух конкурирующих баров, расположенных друг напротив друга, выстроились длинные очереди тех, кто стремился попасть в полное веселья тепло внутри. Мне это было прекрасно понятно. На улице было слишком холодно, и оставалось только коротать время за выпивкой.

В семи целых восьми десятых мили от «Зерен и бубликов» Уолтер свернул с асфальта на широкую, мягкую обочину шоссе номер 116. Прокатившись ярдов сто по сырой траве, машина остановилась в тени двух дубов.

– Твоя лопата вон там, – сказал Уолтер. – Она стоит у дерева.

Откинувшись на спинку, он заглушил двигатель. Обернувшись, я посмотрел в заднее окно. На шоссе, залитом холодным голубым светом луны, не было никакого движения.

– Как твое лицо? – спросил Уолтер.

– Такое ощущение, будто нос сломан.

Нос горел, кожа на распухшей переносице натянулась. Левый глаз практически полностью заплыл, но, как это ни удивительно, боли не было.

– Не хочешь помочь мне вытащить Орсона? – спросил я.

Отголоски звука двух захлопнувшихся дверей разнеслись по сосновому лесу и поднялись вверх по склону. Где-то над нами крикнула сова, и я мысленно представил себе ее сидящую на ветке раскидистой сосны, лупоглазую, прислушивающуюся. Коньяк давал о себе знать, и я, обходя вокруг «Кадиллака», пару раз споткнулся.

Повернув ключ, Уолтер открыл багажник. Орсон лежал на животе, откинув руку над головой. Не раздумывая, я наклонился, схватил его под мышки, вытащил из багажника и уронил на траву. Хотя он был в одних трусах, холод не привел его в чувство. Открыв заднюю дверь, Уолтер поднял Орсона за ноги. Мы запихнули его на заднее сиденье, после чего Уолтер, забравшись на него, сковал наручниками ему руки за спиной. Перевернув Орсона, он несколько раз с силой отвесил ему затрещину. Я ничего не сказал.

Обежав вокруг машины, я поспешно забрался внутрь.

– Включи отопитель! – попросил я. – Здесь холодно, как в заднице!

Уолтер завел двигатель, оставив его бесшумно работать на холостых оборотах. Нагнувшись, я прижал лицо к решетке, чтобы горячий воздух отогрел мои щеки.

– Орсон! – окликнул я, встав на колени на сиденье и заглянув назад.

Орсон неподвижно лежал на животе, вытянувшись от одной двери до другой. Я видел его лицо – глаза у него были закрыты. Потянувшись, я схватил его за руку и хорошенько встряхнул, но он не издал ни звука.

Перебравшись назад, я встал на колени на полу, и мы с братом очутились лицом к лицу.

– Орсон! – окликнул я. Наши губы были совсем рядом, и я мог бы поцеловать его. – Просыпайся! – Я дал Орсону пощечину. Это доставило мне удовольствие. – Просыпайся! – крикнул я, но он даже не шелохнулся. – Твою мать! – Я перебрался обратно вперед. – Похоже, нам остается только ждать.

– Сколько ты ему ввел? – спросил Уолтер.

– Пятнадцать миллиграммов.

– Послушай, у меня нет желания сидеть здесь всю ночь. Введи ему антидот.

– Это может его убить. Сильнейший шок. Если можно, надо дать ему самому прийти в себя.

Уставившись на шоссе, я проводил взглядом свет фар, внезапно появившихся и скрывшихся вдали.

– А в Вайоминге свет фар виден, когда до машины еще миль двадцать или тридцать… – Откинув спинку сиденья назад, я повернулся на правый бок, лицом к двери. – Уолтер!

– Да?

– Я убил человека в Вайоминге.

Уолтер ничего не сказал, и какое-то время мы молчали.

– Помнишь вечеринку, которую я устроил в мае? – наконец спросил я.

– Помню.

– Тот вечер не выходит у меня из головы. Мы сидели на причале…

– Как я помню, здорово набравшиеся.

– Точно. Я отчетливо помню, как думал: «Какой ты счастливый человек! Тридцать четыре года, успех, уважение. Ты добился в жизни того, о чем большинство не смеет даже мечтать…» И ровно через неделю, день в день, я получил записку от Орсона… Как после такого вернуться домой? Не могу представить себе, что когда-либо снова смогу писать. Или хотя бы чувствовать себя нормальным. Видеть в жизни что-либо хорошее. Думать, что люди способны творить добро. – Я ткнул рукой в Орсона. – В пустыне он сказал мне, что убийство у меня в сердце.

– Полагаю, можно безбоязненно предположить, что он выдавал желаемое за действительное.

Я покосился на лежащий у меня на коленях пистолет.

– Уолтер, я думаю, Орсон был прав.

– Ты от природы не злой.

– Нет, но такое могло бы быть. Теперь я это вижу. Мы гораздо ближе к злу, чем ты думаешь. – Я бросил «Глок» в поясную сумку. – Ты понаблюдаешь за Орсоном?

– Хорошо.

– Разбуди меня через час, а затем я дам тебе поспать.

– Нет и речи о том, чтобы я заснул.

– Тогда разбуди меня, когда он очнется.

Я свернулся клубком на сиденье. Чтобы заснуть, притворился, будто лежу на шезлонге на Арубе. Из решетки отопителя на меня дул тропический бриз, и даже в вибрации работающего на холостых оборотах двигателя я слышал океан…

* * *

Кто-то меня тряс, и я уселся. Голова у меня раскалывалась, словно по всему периметру черепной коробки пробежала глубокая трещина. Уолтер смотрел на меня. У него на коленях лежал «кольт».

– Сколько времени? – спросил я.

– Час ночи. Орсон пошевелился, но не думаю, что он очнется в ближайшее время. По крайней мере, чтобы отчетливо соображать.

– Ну хорошо, я введу ему антидот.

Порывшись в сумке, я нашел десятимиллилитровую ампулу флумазенила, антидота бензодиазепина. Полностью набрав в шприц содержимое ампулы, перебрался на заднее сиденье и взял левую руку Орсона. Отыскав ту самую вену, в которую уже делал укол, я проткнул кожу, большим пальцем надавил на поршень и ввел один миллиграмм флумазенила. Выдернув пустой шприц, перебрался обратно на переднее сиденье.

– Ты готов? – спросил я. – Он очухается быстро. Горящие глаза, хвост трубой.

Прошла минута. Орсон зашевелился, уткнулся лицом в сиденье, пытаясь встать. На лбу у него зияла ссадина – в том месте, куда я ударил его рукояткой «Глока». Струйка спекшейся крови извивалась от левого глаза к уголку рта, похожая на растекшуюся тушь для ресниц. Орсон пробормотал что-то невнятное.

– Усади его, – сказал я, вставая на колени на сиденье и поворачиваясь назад.

Схватив Орсона за волосы, Уолтер грубым рывком поднял его на среднее место. Покачавшись из стороны в сторону, Орсон выпрямился и открыл глаза. Увидев меня, слабо улыбнулся.

– Энди! – отчетливо произнес он. – Во имя всего святого, что ты…

– Где видеокассеты со съемкой убийств? И фотографии вроде тех, что ты мне прислал?

– Мне приснилось, что мы с тобой дрались, – сказал Орсон. – Насколько я помню, я хорошенько тебя отмутузил.

Исцеление от наркотического усыпления было чудесным. Орсон говорил четко и ясно, зрачки расширились, сердце понеслось вскачь.

– Уолтер, давай сюда зажигалку, – сказал я.

Уолтер протянул мне зажигалку.

– Уолт? – удивленно промолвил Орсон. – А ты что здесь делаешь?

– Не разговаривай с ним! – приказал я Уолтеру.

– Если он хочет, он может разговаривать со мной. Как семья, Уолт?

– Орсон, – прорычал Уолтер, – я тебя…

Перехватив его руку, я посмотрел ему в глаза и покачал головой. Вспыхнув, он молча кивнул.

– Нет, пусть говорит, – сказал Орсон. – Вероятно, он злится на меня и хочет отвести душу.

– Нет, Орсон. Сегодня речь пойдет о тебе.

Усмехнувшись, брат нашел в зеркале заднего вида глаза Уолтера.

– Как поживает малышка Дженна?

Стиснув руками рулевое колесо, Уолтер покосился на лежащий у него на коленях «кольт».

– Я слышал, замечательная девочка, – продолжал Орсон. – Готов поспорить, ты гордишься…

– Уолтера нисколько не трогают твои издевки, – заверил я. – Ты сейчас не в том положении, чтобы…

– Если не трогают, то почему он так уставился на свой пистолет? – перебил Орсон, с усмешкой глядя на Уолтера. – Подумывает о том, чтобы совершить нечто опрометчивое?

– Орсон, – начал я, – это между…

– Полагаю, он расстроен, что другой мой протеже положил глаз на семейство Лансингов.

Пальцы Уолтера стиснули «кольт». Поднявшись на коленях на сиденье, он повернулся лицом к моему брату.

– Его зовут Лютер, – продолжал Орсон. – Уолтер, не желаешь узнать о нем побольше? Возможно, он сыграет значительную роль в твоей жизни. Больше того, возможно, он уже играет значительную роль в твоей жизни. Понимаешь, когда три года назад я вывез его в пустыню, он проникся живым интересом к…

– Уолтер, просто не обращай внимания…

– Дай ему договорить!

– Я тут ни при чем, – продолжал Орсон, – но, помимо всего прочего, Лютер любит маленькие существа. Ну, точнее, он любит причинять боль маленьким существам, и поскольку не мне судить строго в этих вопросах, я ему сказал: «Я знаю двух маленьких существ по имени Дженна и Джон Дэвид Лансинги, которым неплохо было бы причинить немного боли».

– Я тебе не верю.

– А тебе и не нужно мне верить, Уолтер. Мне верит Лютер, а это главное. Его визит в школу к Дженне был лишь знакомством. Он встретился и с Бет, хотя та об этом не догадалась. По моей просьбе Лютер добавил твой адрес в свою записную книжку, и я уверен, что в самое ближайшее время он заглянет в дом пятнадцать-восемнадцать по Шортлиф-драйв – если уже не заглянул… О да, ведь Бет увезла детей. Что ж, Лютер обязательно их найдет – если уже не нашел. Он очень мотивированный – психологи ФБР называют это «убийцей, получающим наслаждение от своей работы». Это означает, что мучения жертв доставляют ему сексуальное наслаждение. Поверь мне, этот ублюдок – жуткий тип. Даже я его побаиваюсь.

Уолтер приставил дуло пистолета к груди Орсона.

– Не надо, – спокойно произнес я. – Сиди и не вмешивайся.

– Когда я нажму на спусковой крючок, – сказал Орсону Уолтер, – сила удара пули в твою грудь будет такой, что у тебя, скорее всего, остановится сердце. Как тебе это нравится, Орсон?

– Наверное, я почувствую то, что почувствуют твои жена и дети. И поверь мне, Уолтер: ты можешь меня прикончить, но тогда я не остановлю Лютера.

– Убери пистолет, твою мать! – приказал я. – Так это дело не решить!

– Он говорит о моих родных!

– Он лжет. Он все нам расскажет.

– Я не лгу, Уолтер. Рассказать тебе, что собирается сделать с твоими близкими Лютер, или пусть это станет для тебя сюрпризом?

Уолтер стиснул зубы, трясясь в бешеной ярости.

– Повторять я не буду, – сказал я. – Убери пистолет!

– Ступай к такой-то матери, Энди!

Достав из поясной сумки «Глок», я направил его на своего лучшего друга.

– Я не дам тебе его застрелить. Только не сейчас. Если ты его убьешь, мы никогда не узнаем, где Лютер. Ты навлекаешь смертельную опасность на своих близких.

– Если он умрет, может быть, Лютер оставит нас в покое. Орсон делает все это только потому, что я знаю про него.

Мой друг передернул затвор.

– Уолтер, ты сейчас немного не в себе, поэтому просто…

Я подался вперед, чтобы забрать у него пистолет, но он отпрянул назад и навел «кольт» на меня.

– Убери пистолет.

Мой палец лег на спусковой крючок.

– Ты собираешься меня убить? – распаляясь, сказал Уолтер. – Ты не отец. Тебе этого не понять. – Он снова направил пистолет на моего брата. – Считаю до трех, ты, дерьмо!

– Валяй!

– Один.

– Уолтер!

– Два.

– Если убьешь его, ты убьешь своих близких!

Прежде чем Уолтер досчитал до трех, Орсон поджал колени к груди и ударил по спинке моего кресла. Дернувшись вперед, я налетел на приборную панель, непроизвольно сгибая указательный палец. Хотя звук выстрела я не услышал, «Глок» дернулся у меня в руке.

Уолтер упал спиной на рулевое колесо, и громкий звук клаксона разорвал ночную тишину. Я снял обмякшее тело своего друга с руля, и он повалился на меня, обливая кровью и мозгами.

Я заплакал; Орсон расхохотался.

Глава 27

Я закончил зарывать Уолтера за несколько минут до пяти часов утра. Сквозь полог сосен пробивался первый свет, и скоро белый «Кадиллак» будет отчетливо виден с шоссе – если уже не стал. Небо разгоралось с каждой секундой, и я чувствовал, как самообладание, наполнявшее меня всего несколько часов назад, улетучивается. Возвращаясь к машине в комбинезоне, задубевшем от замерзшей крови Уолтера, я думал о том, как же легко я сломался.

Когда я вышел из леса, мимо промчались три машины, направляющиеся в Бристоль. Рассвело уже настолько, что я отчетливо видел черные силуэты гор на фоне неба, и тот, кто проезжал мимо, если б посмотрел в мою сторону, непременно заметил бы меня, бредущего по обочине к машине. На востоке над Атлантикой пробуждался новый день. Поднималось солнце. Луна скрылась уже несколько часов назад.

На переднем сиденье царило самое настоящее месиво – лужи крови на полу, левое боковое стекло забрызгано красным. Мне удалось хоть как-то отскоблить от стекла кровь и мозговое вещество, чтобы видеть дорогу. Измученный, я завел двигатель и, выехав на шоссе, направился на юг, обратно в Вудсайд.

Я ломал голову, как быть, если меня остановит полицейский патруль. Он сразу же обратит внимание на окровавленный салон и багровый синяк на месте моего левого глаза. Мне придется спасаться бегством. Другого выхода нет – разве что расправиться с полицейскими.

Вернувшись к дому Орсона, я загнал «Кадиллак» задом на дорожку и поставил его рядом с белым «Лексусом». Я был в ужасе от того, что машина останется в городе, который проснется через считаные часы. Однако альтернативы у меня не было. Необходимо отвести Орсона в дом, привести себя в порядок и определить, черт возьми, что делать дальше.

* * *

Устроившись на диване в гостиной в доме Орсона, я позвонил домой Синтии. Стояло погожее воскресное утро, одиннадцать часов, и ослепительные солнечные лучи проникали сквозь жалюзи в скудно обставленную комнату, с большим телевизором на столике из соснового дерева и шкафчиком компакт-дисков в углу. Орсон лежал напротив на таком же диване. Руки у него по-прежнему были скованы за спиной, ноги были связаны велосипедным замком, который я нашел в кабинете.

Синтия ответила после третьего гудка:

– Алло?

– Привет, Синтия!

– Здравствуйте, Энди! – Я безошибочно уловил в ее голосе волнение, и это меня насторожило. – Вы где? Все вас разыскивают.

– Кто это все?

– Полиция Уинстона-Салема дважды звонила мне в контору.

– Зачем я ей понадобился?

– Вы уже знаете про свою мать?

Синтия пожалела о том, что задала этот вопрос.

– А что с ней?

– О, Энди, я вам сочувствую…

– В чем дело?

– Три дня назад соседка обнаружила ее мертвой в своем доме. Кажется, в среду. Энди…

– Что произошло? – Я постарался сделать так, чтобы мой голос дрогнул. Как непричастный человек объяснит, почему он не расплакался, узнав о том, что его мать убита? Даже виновным удается выдавить слезы.

– Полиция считает, ее убили.

Уронив трубку, я изобразил всхлипывания. Затем снова поднес трубку к уху.

– Я слушаю, – сказал я, шмыгая носом.

– С вами всё в порядке?

– Не могу сказать.

– Энди, полиция хочет поговорить с вами.

– Зачем?

– Я… э… кажется… – Синтия вздохнула. – Дело крайне неприятное, Энди. Выписан ордер на ваш арест.

– Во имя всего святого, в чем меня обвиняют?

– В убийстве своей матери.

– О нет, нет, нет, нет!..

– Я знаю, что вы невиновны. Я вам верю. Но сейчас лучше всего просто поговорить с полицией и все выяснить. Где вы находитесь? Давайте я пришлю кого-нибудь за вами.

– Спасибо за все, Синтия.

Я положил трубку, рассуждая: рано или поздно мать должны были обнаружить. Орсон, ты опять меня подставил. Я посмотрел на своего брата, лежащего без чувств на диване. Скоро он придет в себя. До тех пор, пока я это не улажу, у меня не будет дома. На самом деле, возможно, я больше вообще никогда не вернусь домой.

* * *

Орсон пробудился вскоре после полудня, раздетый догола, на деревянном стуле у себя в гостиной. Наручники сковывали его руки за спинкой, а веревка привязывала его ноги к ножкам. Я закрыл дверь, опустил шторы и включил телевизор на полную громкость.

Сидя на диване, я ждал, когда к брату в достаточной степени вернется ясность мыслей.

– Ты пришел в себя? – крикнул я.

Орсон пробормотал что-то, но я не услышал его за орущим телевизором.

– Говори громче!

Я чувствовал, что он еще не до конца понимает, где находится.

– Да. Что…

Я увидел, что воспоминания постепенно возвращаются к Орсону: драка, багажник, Уолтер. Он усмехнулся, и я понял, что брат полностью пришел в себя. Взяв с дивана пульт, я выключил звук телевизора.

– Орсон, – начал я, – я задаю вопросы. Ты на них отвечаешь. Быстро, исчерпывающе…

– Где Уолт? Нет, дай-ка я сам догадаюсь. Он в той яме, которая была приготовлена для меня?

Я постарался скрыть свою ярость – мне почему-то казалось, что пытка окажется более действенной, если я сохраню спокойствие. Совладав с собой, я спросил:

– У тебя сохранились видеозаписи и фотографии нас с тобой в пустыне?

– Разумеется.

– Где они?

Орсон улыбнулся и молча покачал головой.

Я снова ткнул кнопку на пульте, и телевизор заорал. Это была та серия шоу Энди Гриффита, в которой Барни Файф пытается поступить в церковный хор, несмотря на полное отсутствие слуха. Когда-то давно мы смотрели ее вместе с отцом.

Поднявшись на ноги, я подошел к стулу сзади. Достав из кармана серебряную зажигалку, найденную в шкафу Орсона, зажег огонек. Пусть мой брат низвергнул меня в преисподнюю, но я поймал себя на том, что мне очень нелегко поджечь его плоть. Однако я сделал это.

Орсон застонал. Через шесть секунд я загасил пламя и вернулся на диван. Лицо брата раскраснелось, на лбу выступили бисеринки пота. Я выключил звук телевизора.

– Ого! – улыбнулся Орсон сквозь боль. – Господи, как же это неприятно! Но ты должен знать, что спина не является самой чувствительной частью тела. Тебе следовало бы поджарить мне лицо. Губы, глаза. Довести их до кипения.

– Орсон, видеокассеты и фотографии находятся в этом доме?

– Нет.

– Они в Вудсайде?

– Зажигай!

Комната снова наполнилась какофонией телевизора. Наклонившись к Орсону, я поднес зажигалку к внутренней стороне бедра. Теперь я уже не так щепетильно относился к тому, чтобы причинить боль.

Сначала Орсон с живым интересом наблюдал за мной, однако когда язычок пламени начал лизать его кожу, он закричал, перекрывая неблагозвучное пение Барни Файфа. Когда участок покрытой волосками белой плоти начал пузыриться, я загасил огонь и отключил звук. Орсон продолжал вопить, закрыв глаза, стуча зубами, задыхаясь.

– Кажется, ты ошибся со своим призванием, – наконец выдавил он, корчась и всасывая воздух сквозь зубы.

Взглянув на его бедро, я увидел, что на пораженном участке кожи расцвел яркий волдырь. Я чувствовал сладковатый запах паленой плоти, отдаленно напоминающий запах бензина.

– Итак, Орсон, – сказал я, – третья попытка.

– Возможно, все это находится в камере хранения в каком-то городке, который тебе ни в жизнь не найти. Возможно…

Заорал телевизор, и я, встав, поднес зажигалку к правому глазу Орсона. Как только появилось пламя, он пронзительно закричал:

– В пустыне! В пустыне!

Отступив назад, я убрал громкость.

– По-моему, ты врешь.

– Энди, – задыхаясь, промолвил Орсон, – видеокассеты, фотографии, все, чем я тебя шантажировал, – всё там!

– Где именно? В твоем доме?

– Отвези меня в Вайоминг, и я покажу.

– Похоже, тебе нравится, когда тебя поджаривают.

– Нет! Не надо! Просто выслушай меня. Если я тебе все скажу, Энди, даже после пытки, ты все равно не сможешь убедиться в том, что это правда, до тех пор пока сам туда не попадешь. И поверь мне, правды ты от меня не дождешься. Так что подумай хорошенько.

– Ты полагаешь, я потащу тебя в Вайоминг?

– А как еще ты собираешься найти мой дом? Дорога, ведущая к нему, затеряна в пустыне. Нужно отмерять мили от определенной точки, чтобы ее найти, и я не собираюсь открывать тебе, где это место. Только не здесь. Даже не надейся, твою мать. Я нужен тебе, ты нужен мне. Давай отправимся в путешествие.

– Я и сам смогу найти дом.

– Как?

– Тебя же я нашел.

– Этот долбаный ковбой! – фыркнул Орсон.

Я подумал о том, чтобы держать пламя у его глаза до тех пор, пока он не выложит мне, где именно в доме или сарае спрятаны атрибуты его кровавого увлечения. Однако он был прав: я узнаю, сказал ли он правду, только когда прибуду на место.

Мне хотелось расспросить его о матери и о том, как он меня подставил, но я опасался, что злость подточит меня, как это произошло с Уолтером, а по-прежнему оставались вопросы, которые я хотел выяснить.

– Где Лютер? – спросил я.

– Не знаю. – В голосе Орсона прозвучала боль. – Он дрейфует.

– Как вы с ним общаетесь?

– По электронной почте.

– Какой у тебя пароль?

Я поймал себя на том, что мне хочется, чтобы он отказался отвечать. Я щелкнул зажигалкой.

– В-Б-А-С – С.

– Моли бога о том, чтобы Лютер пальцем их не тронул.

Встав, я открыл дверь.

– Энди! – окликнул меня Орсон. – Пожалуйста, дай мне то, что давал. Боль просто адская!

– Правильно, и должно быть больно.

Пройдя в кабинет, я включил компьютер. Пароль открыл мне доступ к ящику электронной почты брата. Шесть новых сообщений: пять – спам, одно от ЛК72.

От: <LK72@aol.com>

Отправлено: Пятница, 8 ноября 1996 года, 20.54:33 по ВПВ

Кому: David Parker <dparker@email.woodside.edu>

Тема:

О-

Становится тревожно. Скоро пора отправляться на север. Спроси меня о той стрпт в жрб. Отличная штучка! ЭТ исчез. Как и УЛ. По-прежнему? где Л. Если хочешь, буду ждать. В противном случае в Сас есть человек, которого мне нужно навестить. Ого! С нетерпением жду ВО.

Л

Я порылся в папках удаленных, отправленных и входящих сообщений, однако Орсон не хранил никаких архивов. Распечатав письмо от ЛК72, я вернулся в гостиную.

– Расшифруй вот это, – сказал я, положив загадочное послание Орсону на колени. – Оно ведь от Лютера, так?

– Да, от него.

– Тогда прочитай его так, твою мать, чтобы в нем появился хоть какой-нибудь смысл.

Глядя на лист бумаги, Орсон прочитал вслух уставшим, подавленным голосом:

– «Орсон, становится тревожно. Скоро пора отправляться на север. Спроси меня о той стриптизерше в “Жеребце”. Отличная штучка! Эндрю Томас исчез. Как и Уолтер Лансинг. По-прежнему не имею понятия, где Лансинг. Если хочешь, буду ждать. В противном случае в Саскачеване есть человек, которого мне нужно навестить. Ого! С нетерпением жду Внешние отмели[18]. Лютер». – Он поднял на меня взгляд. – Вот и всё.

– Значит, он по-прежнему в Северной Каролине, ждет, когда ты ему скажешь, как поступить с Лансингами?

– Да.

Вернувшись в кабинет, я сел за письменный стол и уставился в окно на женщину, сгребающую граблями опавшую листву во дворе дома напротив. Мысленно составляя текст ответного сообщения, я вдруг понял, как мне быть – в отношении Лютера, фотографий и даже Орсона. Это откровение было сродни тем явлениям, которые я испытывал, находя дорогу из густой чащи в работе над сюжетом очередной книги.

Набирая текст, я беспокоился о том, что мой ответ Лютеру будет слишком сильно отличаться от обычного стиля Орсона. Но все же я решил рискнуть.

От: David Parker <dparker@email.woodside.edu>

Отправлено: Суббота, 9 ноября 1996 года, 13.56:26 по ВПВ

Кому: <LK72@aol.com>

Тема:

Л,

Отправляйся в Сас. Если потребуется, я позабочусь о Л. Я тоже уезжаю вглубь страны, ты знаешь куда. Не желаешь встретиться где-нибудь по пути завтра вечером или в понедельник и лично рассказать мне про стрпт?

О

Вернувшись в гостиную, я набрал в шприц две ампулы «Ативана». Затем глубоко вонзил иглу в голую задницу Орсона. Когда я направлялся к двери, он окликнул меня, но я не стал останавливаться. Поднявшись наверх, повернул в гостевую комнату, не желая спать в постели брата. Матрас оказался жестким и в комках, но я провел без сна больше тридцати часов и готов был заснуть даже на битом стекле. За окном колокол в университетском городке пробил два часа, щебетали птицы, ветер шумел в деревьях, снизу из долины доносился шум машин – звуки маленького городка в Новой Англии в воскресенье днем. Пока что я был далеко от всего этого.

Засыпая, я думал о Бет Лансинг и ее детях. «Я стараюсь спасти вам жизнь, но я отнял у вас мужа и отца. Отнял у себя самого лучшего друга…» Я гадал, чувствует ли Бет, что Уолтера больше нет в живых.

Глава 28

В половине второго ночи, проспав подряд одиннадцать с половиной часов, я спустился вниз. В доме царила полная тишина. Слышалось только негромкое механическое дыхание кухонных приборов, которые включались и отключались в предрассветном безмолвии.

Приготовив кофе, я заглянул в гостиную. Стул, на котором сидел Орсон, упал. Сам Орсон был без сознания, голый, неуклюже привязанный к опрокинутому стулу. Он казался слабым, беспомощным, и на какое-то мгновение я позволил себе проникнуться к нему жалостью.

Босиком я прошел в кабинет и сел за стол. Как только монитор ожил, потрескивая статическим электричеством, я увидел, что пришло одно сообщение. Введя пароль, я открыл ящик электронной почты.

От: <LK72@aol.com>

Отправлено: Воскресенье, 10 ноября 1996 года, 01.02:09 по ВПВ.

Кому: David Parker <dparker@email.woodside.edu>

Тема:

О-

В понедельник веч могу быть в СБ. Сообщи, когда будешь в Нбрск, и мы договоримся о встрече.

Л

Выключив компьютер, я прошел в гостиную и сделал Орсону еще один укол. После чего поднялся наверх принять душ.

Теплая вода оказалась божественной. Приведя в порядок ссадины на лице бритвой, я задержался под струями, прислонившись к мокрой плитке, опустив голову, глядя на то, как под ногами кружится кровь, вытекая в слив.

Какое-то время в ванной висел пар, и я сел на унитаз, дожидаясь, когда он рассеется. У меня в руках был бумажник Орсона – еще одна его вещь, в точности такая же, как и моя. Достав водительское удостоверение, я положил его на раковину. Я нисколько не был похож на фотографию. У Орсона волосы короткие и темные, лицо гладко выбрито. Встав, я протер запотевшее зеркало.

У меня уже успела отрасти борода, седая и всклокоченная. Волосы были спутаны, краска смылась последним марафонским душем. Первым делом я побрился, убрав даже баки – стало лучше. Электрическая бритва имела насадку для стрижки волос, поэтому я снова забрался в душ и подстриг голову.

Закончив, я снова посмотрел на себя в зеркало – лучше, гораздо лучше.

– Привет, Орсон! – улыбнулся я.

Часть четвертая

Глава 29

В воскресенье, незадолго до рассвета, я загрузил Орсона в багажник его «Лексуса» и отъехал от его дома в Вудсайде. У меня был его бумажник, с наличными деньгами и кредитными карточками, и я был более или менее уверен в том, что в случае необходимости смогу сойти за своего брата. Отрадно было сознавать, что, поскольку Орсон существует, Эндрю Томас может исчезнуть.

Доехав до гостиницы, я незаметно проскользнул по шумной лестнице в тот номер, который снимали мы с Уолтером. Наша одежда по-прежнему валялась раскиданная на кроватях. Я запихал все с пола и из шкафов в наши чемоданы и оттащил их в машину.

Выезжая на шоссе номер 116, я хвалил себя за доскональную предусмотрительность. Я не забыл выписаться из гостиницы. Я уничтожил все следы своего пребывания дома у Орсона (отпечатки, кровь в его спальне, волосы в раковине и ванне), а также все следы его похищения. Я даже позаботился о «Кадиллаке» Уолтера, отогнав его в 3.15 ночи к кафе «Шамплейн» в долине и оставив у переполненного мусорного бака. Пробежка назад к дому Орсона далась мне нелегко, но дело того стоило. Теперь ничто не привязывало меня к этому городку, и хотя перепачканную кровью машину Уолтера, скорее всего, обнаружат еще до конца следующей недели, к этому времени меня и след давным-давно простынет.

Перед тем как покинуть дом Орсона, я осушил целый кофейник кофе и проглотил двойную дозу лекарства от насморка, которое всегда помогало мне держаться в тонусе. Кофеин разлился по жилам, и я, полный безграничной энергии, выехал из Вудсайда на юг, в сторону штата Нью-Йорк. Если все пойдет как нужно, меньше чем через сорок восемь часов Лютер будет мертв, а я окажусь в Вайоминге.

* * *

Я мчался на запад по шоссе И-80, пересекая Небраску. Времени было без четверти полночь, и прелести безостановочной езды из Вермонта в Вайоминг подходили к концу. Орсон очнулся. Последние пятьдесят миль он колотил ногами по багажнику и проклинал меня последними словами, требуя остановиться.

Движение по шоссе не было оживленным, и поскольку вокруг простирались сплошные убранные поля кукурузы и редкие огоньки ферм вдалеке, я удовлетворил его просьбу. Свернув на место для аварийной остановки где-то между Линкольном и Йорком, вышел из машины в прохладную ночь и открыл багажник. Лежащий на спине Орсон, в махровом халате, скованный наручниками, поднял голову.

– Я хочу пить, ублюдок! – прохрипел он. – Я здесь умираю от жажды!

– Ну, у меня есть специально для тебя бутылка с холодной водой. Но только ты должен ее заслужить. – Достав из кармана листок с текстом сообщения Лютера, пришедшим по электронной почте, я спросил: – СБ – это Скоттсблаф, штат Небраска?

– А что?

Взяв с переднего сиденья полную бутылку воды, я вернулся к Орсону, встал перед ним и выпустил струю себе в рот.

– Класс, какая же она освежающая! – Я увидел в глазах Орсона разгорающуюся жажду. – Это вся вода, что у нас осталась, – продолжал я, – а когда она закончится, возможно, я проеду еще многие сотни миль, прежде чем снова остановлюсь. Сказать по правде, пить мне не особенно хочется, но если ты не проявишь себя образцом послушания, я прямо у тебя на глазах выдую всё. Итак, СБ – это действительно Скоттсблаф?

– Да.

– Чем он примечателен?

– В смысле?

Я молча выпустил себе в рот еще одну долгую струю.

– Там живет одна девушка, у которой Лютер иногда останавливается. Он постоянно в пути.

– Как ее зовут?

– Мэнди какая-то.

– Ты не знаешь ее фамилию?

– Нет.

– А у Лютера какая фамилия?

– Кайт.

– Точно?

Орсон кивнул.

– Открывай рот. – Я налил ему полный рот воды. – Я нашел Лютера в телефонном списке у тебя в бумажнике. Этот номер – правильный?

– Это его сотовый. Что ты задумал, Энди?

– Ты когда-либо встречался с Лютером в Скоттсблафе?

– Один раз.

– Где?

– «У Рикки». Можно мне…

– Кто такой этот Рикки?

– Это бар на Девяносто втором шоссе. Пожалуйста, Энди…

Засунув горлышко Орсону в рот, я влил холодную воду ему в горло. Он жадно глотал, но через три секунды я отнял бутылку, поскольку мимо прогромыхал грузовик. Достав из кармана сотовый телефон Орсона, я набрал номер Лютера и поднял полупустую бутылку.

– Остальное – твое, – сказал я. – Узнай, сможет ли Лютер встретиться с тобой «У Рикки» завтра вечером. И держись молодцом. Не показывай, что последние двадцать часов провел в багажнике, накачанный снотворным. Одно неверное слово – и ты медленно умрешь от жажды. Я не шучу. Я продержу тебя несколько дней на грани безумия.

Орсон молча кивнул.

– Говори кратко, – закончил я, после чего нажал кнопку вызова и приложил телефон к его уху.

Мужской голос ответил после первого же гудка. Я отчетливо его услышал.

– Алло!

– Лют, это ты?

– Привет!

Я плеснул воды Орсону в лицо.

– Ты где? – спросил он.

– Качусь на запад. Как раз пересекаю Миссисипи. Вижу арку моста. А ты где?

Я беззвучно изобразил губами: «Восток Небраски».

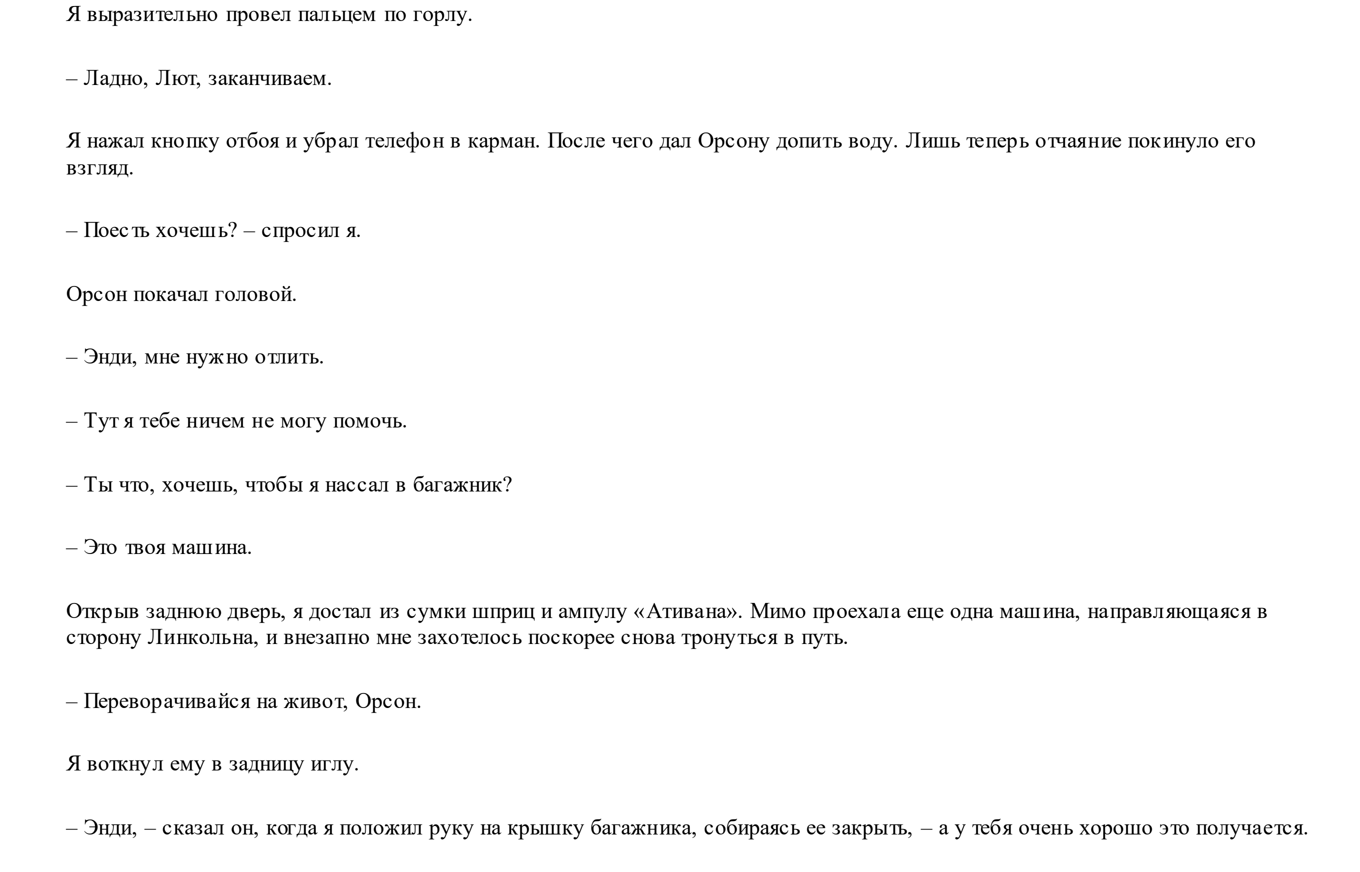
– Восток Небраски, – повторил Орсон. – Ты завтра остановишься у Мэнди?

– Да. Не хочешь заглянуть в «У Рикки»?

– Когда?

– Как насчет девяти вечера? Сегодня я остановлюсь на ночь в Сент-Луисе, так что до Скоттсблафа доберусь только во второй половине дня.

– Договорились.

Я выразительно провел пальцем по горлу.

– Ладно, Лют, заканчиваем.

Я нажал кнопку отбоя и убрал телефон в карман. После чего дал Орсону допить воду. Лишь теперь отчаяние покинуло его взгляд.

– Поесть хочешь? – спросил я.

Орсон покачал головой.

– Энди, мне нужно отлить.

– Тут я тебе ничем не могу помочь.

– Ты что, хочешь, чтобы я нассал в багажник?

– Это твоя машина.

Открыв заднюю дверь, я достал из сумки шприц и ампулу «Ативана». Мимо проехала еще одна машина, направляющаяся в сторону Линкольна, и внезапно мне захотелось поскорее снова тронуться в путь.

– Переворачивайся на живот, Орсон.

Я воткнул ему в задницу иглу.

– Энди, – сказал он, когда я положил руку на крышку багажника, собираясь ее закрыть, – а у тебя очень хорошо это получается.

*** * ***

Действие кофе и лекарства закончилось несколько часов назад, и на однообразных нудных дорогах западной Небраски я теперь держался исключительно на одной решимости не заснуть.

Я провел за рулем двадцать три часа тридцать пять минут и теперь существовал в некоем пограничном пространстве между сном и бодрствованием. Периодически мой лоб касался рулевого колеса, я вздрагивал, выпрямлялся и наслаждался пятиминутным оазисом сосредоточенности. Но затем сознание снова уплывало, и я опять проваливался в забытье, до смерти пугая самого себя.

В пятидесяти милях к северо-западу от Огаллалы по шоссе номер 26 прерия словно пробудилась. Над восточным горизонтом показался персиково-розовый восход, и по мере того как свет усиливался, местность вокруг простиралась все дальше, дальше и дальше, казалось, за пределы возможного. За ночь она полностью изменилась, но поскольку я не имел возможности наблюдать за плавным топографическим переходом, внезапное открытие оказалось ошеломляющим. Для жителя Восточного побережья, едущего на запад, бескрайние просторы земли и неба всегда кажутся непостижимыми, и я мысленно исполнил серенаду, восхваляющую великолепие утра.

В половине седьмого утра я пересек извивающуюся между деревьями Норт-Платт-ривер и въехал в городок Бриджпорт. Вдалеке на юге вершины многочисленных скал из песчаника, похожих на толстые бочки, ловили кораллово-алые лучи солнца. Хотя до скал было несколько миль, казалось, можно было дотянуться до них рукой.

Шоссе номер 26 прореза́ло спящий городок насквозь. На западной окраине имелся мотель под названием «Ратуша» (названный так в честь одной особенно живописной скалы, расположенной в пяти милях к югу), и я снял там номер. Поскольку я ввел Орсону столько «Ативана», что этого должно было хватить до самого вечера, я оставил его в багажнике. Войдя в номер, я рухнул на постель.

Через четырнадцать часов я должен был встретиться с Лютером.

*** * ***

Выписавшись из «Ратуши» ближе к вечеру, я направился в сторону Скоттсблафа по шоссе номер 92. И только теперь задумался о том, как мне быть с Лютером. Сказать по правде, я совершил огромную глупость. Времени уже было 17.07, и у меня оставалось чуть меньше четырех часов, чтобы определить, каким образом я его убью, как избавлюсь от трупа и покину город незамеченным. В конце концов я рассудил, что действовал чересчур поспешно и необдуманно. К тому же я не мог избавиться от мысли, что этот тип сам может меня убить. Поэтому, не доезжая пятнадцати миль до Скоттсблафа, я решил отказаться от своего плана. До сих пор я действовал расчетливо, и хотя было бы соблазнительно придумать какой-нибудь быстрый и ловкий способ расправиться с Лютером Кайтом, четырех часов для этого явно было недостаточно.

Заведение «У Рикки» оказалось вонючей дырой. На южной окраине Скоттсблафа, под сенью восьмисотфутовой отвесной скалы, давшей городку название[19], я свернул на немощеную стоянку, заглушил двигатель и вышел в сухой, морозный воздух. Ночь была уже совсем близка, однако солнце все еще озаряло прерию и остроконечный шпиль Чимни-Рок, виднеющийся на горизонте крошечной точкой. В путеводителе, прихваченном в мотеле, утверждалось, что эта одинокая гора, возвышающаяся над окружающей равниной на пятьсот футов, – первый предвестник Скалистых гор, лежащих впереди, – служила ориентиром первопоселенцам на Орегонской тропе[20]. Направляясь к багажнику с двумя бутылками воды и тремя пакетиками чипсов, я смотрел на позолоченные заходящим солнцем утесы Уайлдкэт-Хиллс, размышляя, как бы мне хотелось взобраться на одну из этих вершин, лечь и никуда не уходить. Я бы оставался там в полном одиночестве и подвергался эрозии вместе с песчаником.

Еду я купил еще в «Ратуше», однако на стоянке перед мотелем было слишком многолюдно, поэтому я побоялся открывать багажник. Здесь же, на стоянке «У Рикки», кроме «Лексуса» Орсона, стоял еще только один пикап.

Орсон пришел в себя. Даже неяркий вечерний свет обжег ему глаза, поэтому он зажмурился. Ему удалось просунуть скованные наручниками руки под ногами, и теперь они были спереди.

– Вот, – сказал я, вкладывая бутылку ему в руки.

Орсон жадно припал к ней, словно младенец к соске. Я бросил в багажник чипсы и вторую бутылку.

– Осталось еще совсем немного, – добавил я. – Мы всего в тридцати пяти милях от границы с Вайомингом.

Достав заранее приготовленный шприц, я вколол ему в задницу еще одну четырехмиллиграммовую ампулу «Ативана».

Отыскав в бардачке ручку, я оторвал кусок от карты Вермонта. Сначала я хотел просто позвонить Лютеру и заставить Орсона отменить встречу, но у меня появились сомнения в том, что в настоящий момент мой брат сможет скрыть свое одурманенное состояние. Поэтому, засунув ручку, бумагу и «Глок» в карман джинсов и натянув шерстяной свитер, я запер машину и направился к бару.

Над дверью висела неоновая надпись «У Рикки», выведенная голубым курсивом. Пройдя под гудящей вывеской, я оказался в пустом зале, размерами меньше моей гостиной. Потолок был отвратительно низким, вдоль стен громоздились кабинки, и поскольку окон было всего два, по одному по обе стороны двери, мне показалось, что я попал в прокуренный шкаф.

Единственный клиент, я сел на высокий табурет у стойки. Сама стойка была сделана из шпал, пахнущих креозотом. На черном дереве остались вырезанные имена, ругательства, клятвы любви и ненависти.

Из кухни появилась женщина, и я достал ручку и клочок бумаги.

– Мы еще не обслуживаем, – сказала она.

На ней были обтягивающие шорты и черная водолазка. Ее непокорные жесткие черные волосы торчали как попало, и ей не помешала бы помощь ортодонта.

– Дверь была открыта, – сказал я.

– Ну, так уж и быть. Что вам угодно?

– Сойдет все, что течет из крана.

Пока хозяйка, достав из морозилки стакан, наполняла его бронзовым пивом, я начал составлять то, что должно было стать запиской Орсона Лютеру.

Л – сегодня утром я

Хозяйка поставила стакан на шпалу.

– Полтора доллара.

Протянув ей два доллара, взятых у Орсона, я сказал, чтобы сдачу она оставила себе. По стенкам стакана текла пена. Отпив глоток и уловив в пиве привкус льдинок, я продолжил писать послание:

завел подругу – сам знаешь, как это бывает. На самом деле она сочинила это письмо еще до меня... В любом случае я посчитал благоразумным срочно покинуть город. Сожалею, что сегодня мы не сможем встретиться. Развлекайся в Сас. О.

Сложив обрывок карты в аккуратный квадрат, я написал поверх городка Берлингтона «Лютеру» и положил записку на стойку. Я сидел, попивая пиво и размышляя: значит, люди действительно передают записки через барменов? Сколько раз я уже описывал подобное в своих книгах, но меня не покидало ощущение, что на самом деле такого не бывает…

Потягивая пиво, я оглядел пустой зал: голые бетонные стены, ни музыкального автомата, ни неоновых вывесок с марками пива. Не было даже плакатов с образцами ковбойского остроумия, призванных изобразить культуру Дикого Запада для проезжающих мимо жителей Восточного побережья вроде меня. Просто убогое, безнадежное место, в котором напиваются убогие, безнадежные местные жители.

Я допил пиво, и хозяйка, как будто ее слух был настроен за стук пустого стеклянного стакана по дереву, вышла из кухни и остановилась передо мной.

– Хотите повторить? – спросила она.

– Нет, спасибо. А где народ?

Хозяйка посмотрела на часы.

– Еще только шесть часов, – сказала она. – Все начинают собираться после семи.

С улицы донесся звук подъехавшей машины. Я услышал шелест покрышек по земле.

– Где Рикки? – спросил я.

– Сукиного сына давно уже нет в живых.

Забрав у меня пустой стакан, женщина поставила его на коричневый поднос.

– Не окажете мне одну любезность? – спросил я.

– Какую? – угрюмо спросила хозяйка.

Пожалуй, она была самым безразличным человеком, какого мне только доводилось встречать. У меня мелькнула мысль, почему она просто не перерезала себе вены. Я толкнул по шпалам бумажный квадрат.

– Я должен был в девять часов встретиться здесь со своим другом, но не могу. Вы не передадите ему вот это?

Подозрительно взглянув на сложенный клочок бумаги, хозяйка все же взяла его и засунула в задний карман шортов.

На улице хлопнула дверь машины.

– Как он выглядит?

– Черные-пречерные волосы до плеч. Еще чернее ваших. Очень бледный. Около тридцати лет. Довольно высокий. Карие глаза.

В тот самый момент как я услышал приближающиеся от двери шаги, хозяйка сказала:

– Черт возьми, не он ли это?

Оглянувшись, я увидел вошедшего в зал Лютера Кайта. Соскользнув с табуретки, я сунул руку в карман и выхватил «Глок». К тому моменту как я дослал патрон в патронник, Лютер уже стоял передо мной, глядя мне в лицо.

В моем сознании все запечатлелось отдельными эпизодами. Запах «Уиндекса». Синяя ветровка. Иссиня-черные волосы на гладкой щеке. Однократное движение моего указательного пальца. Лютер набрасывается на меня, пытаясь схватить. Крики за стойкой из шпал. Кровь на нейлоне. Моя правая рука чувствует тепло и влагу. Я бегу к машине. Холод. Теперь шпиль Чимни-Рок уже в темноте. Мимо мелькают бурые холмы. Я несусь в направлении Вайоминга.

Глава 30

Где-то после полуночи, проехав пол-Вайоминга, после городка Вамсаттера я свернул на обочину И-80. Луны не было, поэтому я не мог видеть окружающую местность. У меня лишь было ощущение, что она еще более бескрайняя и пустынная, чем Небраска. Сбросив чемоданы на пол и свернувшись клубком на заднем сиденье, я закрыл глаза. Когда мимо по шоссе проносились машины, «Лексус» вздрагивал. Я забылся сном, гадая, правда ли, что «У Рикки» произошло то, что произошло.

Я проснулся в половине четвертого утра от стона Орсона. Выбравшись из машины и открыв багажник, я обнаружил, что он мечется и брыкается внутри, хотя глаза у него были закрыты. Я тряхнул его, пробуждая от кошмарных сновидений, и он, открыв глаза и сообразив, где находится, сел.

– Мы где? – спросил он.

– Посреди Вайоминга.

– Я очень хочу пить.

– Придется подождать до завтра.

Орсон потянулся и зевнул.

– Я слышал выстрел, – сказал он.

– Орсон, как найти твой дом?

Он снова растянулся в багажнике.

– Ты сделаешь мне еще один укол?

Я сел на бампер.

– Конечно.

– Это ведь И-восемьдесят, так?

– Да.

– Оставайся на «Восьмидесятке» до тех пор, пока не попадешь в Рок-Спрингс. Это в юго-западной части штата. От Рок-Спрингс поезжай на север по Сто девяносто первому и следи за счетчиком пробега. Когда проедешь семьдесят миль, остановись и посади меня рядом с собой. Дальше тебя поведу я.

– Хорошо.

– Сегодня доедем до места?

– Нет, я до смерти устал и буду спать до обеда.

– Энди, ты убил Лютера?

– Я сдрейфил, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Поэтому ты оставил ему записку.

– Я знаю, что я…

– Ты по уши в дерьме. Переворачивайся, я сделаю укол.

*** * ***

На двух тысячах миль такое рано или поздно должно было случиться.

Во вторник утром, после того как я проехал повороты на Ред-Дезерт, Тейбл-Рок, Биттер-Крик и Пойнт-ов-Рокс, когда до Рок-Спрингс оставалось меньше тридцати миль, сзади послышался вой сирены – внедорожник дорожной полиции чуть ли не уткнулся мне в бампер. Мой «Глок» был засунут за заднее сиденье. Я свернул на обочину, утешая себя: с какой стати полицейскому обыскивать мою машину? Орсон без сознания. Все документы у меня в порядке. «У Рикки», возможно, вообще ничего не было. Я белый и пушистый.

Полицейский постучал мне в окно. Я опустил стекло.

– Ваши права и документы на машину, – властным, суровым тоном произнес полицейский.

Улыбнувшись, я достал из бардачка документы и протянул их в окно.

Полицейский вернулся вразвалочку к своему зеленому «Бронко» и забрался внутрь.

Часы на приборной панели показывали 10.15, однако, по моим ощущениям, времени было гораздо больше. Прерия стала безводной. Вдоль горизонта на северо-западе тянулась цепочка невысоких бурых гор. За ними громоздились серые тучи.

Только тут я заметил на полу рядом с собой свитер и джинсы, которые были на мне «У Рикки». Все пропало. Одежда была перепачкана кровью Лютера, и я пожалел о том, что не выбросил ее вчера вечером на заправке в Шайенне. Я нагнулся было, собираясь поднять вещи с пола, но меня остановил хруст шагов полицейского по гравию.

Выпрямившись, я посмотрел ему прямо в глаза. Он был одних лет со мною. Мне он напомнил блюстителя закона из какого-то фильма, хотя я не смог вспомнить, из какого именно.

– Мистер Паркер, вы догадываетесь, почему я вас остановил? – спросил полицейский, возвращая мне водительское удостоверение Орсона и документы на машину.

Я положил их на сиденье рядом с собой.

– Нет, сэр.

Сняв солнцезащитные очки с зеркальными стеклами, он устремил на меня пристальный взгляд своих бледно-голубых глаз.

– Вы виляли по шоссе из стороны в сторону.

– Разве?

– Вы пьяны?

Порыв ветра приподнял шляпу полицейского. Он вовремя схватил ее и сунул под мышку. У него были непокорные светлые волосы, такие, что, если дать им отрасти, они станут кучерявыми, как у негра. Мысленно представив себе полицейского со светлой негритянской шевелюрой, я непроизвольно фыркнул.

– Что тут такого смешного?

– Ничего, сэр. Я не пьян. Просто я устал. Я за рулем вот уже двое суток.

– Вы едете из Вермонта?

– Да, сэр.

Полицейский бросил взгляд на чемоданы на заднем сиденье.

– Вы едете один?

– Да, сэр.

– Какой из чемоданов ваш?

Хитрый ход.

– Оба.

Полицейский кивнул.

– И вы в дороге с воскресенья?

– Да, сэр.

– Должно быть, дело спешное.

– Не совсем. Просто я хотел проверить, как быстро смогу пересечь страну.

Я полагал, мое честолюбие вызовет у полицейского улыбку, но он оставался таким же равнодушным.

– Куда вы направляетесь? – спросил он.

– В Калифорнию.

– Куда именно?

– В Лос-Анджелес.

– «Восьмидесятка» ведет не в Лос-Анджелес. «Восьмидесятка» ведет в Сан-Франциско.

– Знаю, но я хотел проехать через Вайоминг, поскольку никогда не бывал в этих краях. Здесь очень красиво.

– Здесь сраная пустыня, твою мать.

Я уставился на золотой значок над нагрудным карманом, уверенный в том, что полицейский сейчас прикажет мне выйти из машины.

– Ну, вам следует знать, что вы направляетесь навстречу бурану, – сказал он.

– Снежному бурану?

– Точно. По прогнозам, это будет что-то страшное.

– Спасибо за предупреждение. Я ничего не слышал.

– Неплохо будет укрыться в каком-нибудь мотеле. В Рок-Спрингс или Солт-Лейке, если дотянете до него.

– Я подумаю.

Полицейский вопросительно посмотрел на мое лицо; он уже давно обратил внимание на заживающие ссадины.

– Вас кто-то ударил?

– Да, сэр.

– Когда это произошло?

– В прошлые выходные, в баре.

– Похоже, крутая была драка.

Да, это тот еще типаж. Определенно, я вставлю его в какую-нибудь книгу.

– Судя по всему, вам изрядно досталось, – заметил полицейский.

– Да, но вы бы посмотрели на другого парня.

Этот затасканный штамп доконал полицейского. Сдержанно усмехнувшись, он оглянулся на пустыню и пришел к выводу, что ему пора трогаться в путь. Глядя в зеркало заднего вида, я увидел, как полицейский, не спеша, вернулся к своему «Бронко».

Железные нервы, твою мать. Разумеется, я имел в виду себя самого.

* * *

Рок-Спрингс оказался убогим серым городишком, всецело завязанным на добыче из глубины земли в окрестных горах угля, нефти и какого-то минерала под названием трона. Он оказался более крупным и промышленно развитым, чем я предполагал, и мне захотелось узнать, чем развлекаются двадцать тысяч его жителей в этом северо-восточном уголке пустыни Большого Бассейна.

Я свернул на заполненную стоянку перед супермаркетом. Последние полчаса шел снег с дождем; белые хлопья ложились на землю, но таяли на нагревшемся на солнце асфальте. Направляясь бегом сквозь снежную карусель к входу, я со страхом думал о том, что дороги могут покрыться ледяной коркой и тогда мы ни за что не доедем до домика Орсона.

Внутри супермаркета царило настоящее поле битвы – возбужденные покупатели, словно одержимые, хватали с полок хлеб, молоко и яйца. Поскольку я не знал, какие запасы держит у себя Орсон, я набрал понемногу всего: консервы, фрукты, крупы, несколько батонов белого хлеба и даже несколько бутылок лучших из имеющихся в наличии вин (хотя ничего особенного здесь не было). Очереди к кассам выстроились до середины торгового зала, и я покатил было тележку в конец одной, когда до меня дошло, что мне придется ждать целый час, чтобы заплатить за покупки. *Твою мать! У тебя на совести кое-что похуже воровства.*

Поэтому я просто выкатил тележку через автоматические двери, прямо во вьюгу. Стоянка уже была заметена снегом. Вдалеке на белом фоне резко выделялись красные скалы, и до меня вдруг дошло, что я еще никогда не наблюдал снегопад в пустыне.

Добравшись до «Лексуса», я открыл заднюю дверь и стал вываливать покупки на чемоданы, мой и Уолтера. Орсон начал буянить. Я приказал ему заткнуться, сказал, что мы уже почти дома. Место на стоянке за мной было свободно, поэтому я оставил тележку там и открыл переднюю дверь.

– Прошу прощения, сэр!

Грузная женщина в розовом пуховике, нисколько не льстящем ее габаритам, вопросительно смотрела на меня, стоя у багажника «Лексуса».

– В чем дело?

– Что это за звуки? – Она похлопала по крышке багажника.

– Не понимаю, о чем это вы.

– По-моему, у вас в багажнике кто-то есть.

Я тоже услышал это – крики Орсона, приглушенные, но различимые. Он говорил что-то о том, что прикончит меня, если я не дам ему воды.

– Там ничего нет, – сказал я. – Вы ошиблись.

– Это собака?

– Нет. – Я вздохнул. – На самом деле я наемный убийца. У меня в багажнике человек, я отвезу его в пустыню, убью выстрелом в голову и закопаю. Не желаете прокатиться со мной?

Женщина рассмеялась, отчего все ее лицо покрылось морщинами.

– О боже, классный ответ! – выдавила она, кудахча, словно одержимая. – Классный ответ!

Она удалилась, а я сел в «Лексус» и вырулил со стоянки. Асфальт уже покрылся льдом, поэтому я осторожно выехал на шоссе номер 191, нервничая, словно южанин, попавший в машине в снегопад.

Глава 31

Ветер сотрясал машину. Дорога исчезла.

Последние сорок миль я ехал по единственному следу. Покинув Рок-Спрингс почти четыре часа назад, машина прорезáла своими колесами свежевыпавший снег до самого асфальта. Однако по мере того как я полз на север по отупляюще прямой траектории шоссе номер 191, различие между асфальтом и снегом все уменьшалось. И вот сейчас, глядя сквозь лихорадочно мечущиеся щетки стеклоочистителя, я не мог различить в ровной белой пелене никаких углублений. Совсем скоро глубокий снег станет непроходимым. Уже сейчас я чувствовал, как при малейшем нажатии на педаль газа или тормоза шины начинали скользить. Если не считать урагана, семь лет назад дошедшего со стороны Атлантики до Пидмонта, это была самая плохая погода, какую мне только доводилось видеть.

Ровно в семидесяти милях к северу от Рок-Спрингс я остановил машину посреди пустынной дороги. Какое-то время я сидел на теплом кожаном сиденье и смотрел сквозь стекло на снег, падавший так же быстро и с такой же силой, как и дождь. Дальше ста футов белизна была непроницаемой, и видимость продолжала ухудшаться. Сильный порыв ветра встряхнул «Лексус» и смел с дороги выпавший снег. Когда асфальт обнажился, я увидел, что колеса оседлали прерывистую разметку.

Заглушив двигатель, я схватил ключи, открыл дверь и шагнул в буран. Снег тотчас же залепил мне глаза, и я, прикрываясь согнутой рукой, поспешил к багажнику. На проезжей части намело уже три дюйма, в прерии сугробы были еще глубже. Как только под снежным покровом скроется вся растительность, кроме самых высоких кустов полыни и лебеды, у нас не останется

никаких ориентиров, чтобы следовать по дороге. Однако время у нас еще есть, подумал я, открывая багажник и вздрагивая от очередного порыва ледяного ветра. Буран только начинается.

Орсон был в сознании, и его почерневшие, заплывшие глаза округлились, когда он увидел снег. Его волосы тотчас же стали белыми. На лице у него появились красные складки от долгих часов, проведенных лежа на коврике; губы высохли и растрескались.

– Похоже, у нас неприятности, – сказал я. – Мне нужно, чтобы ты убрал руки за спину, потому что я освобожу тебе ноги.

Орсон послушно свесил ноги из багажника, и я снял со щиколоток велосипедный замок. Зашвырнув замок в багажник, помог брату выбраться на землю и приказал отправляться на переднее сиденье. К тому времени как я вернулся на свое место и включил отопитель на полную мощность, моя одежда успела насквозь промокнуть от снега. Открыв правую переднюю дверь, я впустил Орсона. Поскольку руки у него были скованы за спиной, я перегнулся через него и захлопнул дверь.

Какое-то время мы сидели молча. Я выключил стеклоочиститель. Падающие снежинки таяли на нагретом стекле. Темнота сгущалась.

– Мы ровно в семидесяти милях к северу от Рок-Спрингс, – сказал я.

Орсон молча смотрел вперед в ветровое стекло.

– Далеко еще до грунтовой дороги?

– Наверное, с полмили. Но в такую погоду это равносильно сотне миль.

– Твой дом с этой стороны, ведь так? – спросил я, указывая на свое окно.

– Да. Где-то там.

– Что ты хочешь сказать? Ты не сможешь его найти?

– Только не сейчас.

От тревоги у него напрягся подбородок, а голубые глаза потеряли блеск.

– Давай попробуем, – сказал я. – Все равно это лучше, чем…

– Смотри, милях в пяти в той стороне, – Орсон кивнул на кружащуюся белизну за стеклом, – есть горный хребет. Возможно, ты его помнишь.

– Помню. И что?

– Раз я не вижу этот хребет, я никак не могу определить наше местонахождение относительно дома. Проклятие, мы можем поехать в том направлении, но это все равно что ткнуть пальцем наугад, и мы, скорее всего, завязнем в снегу.

– Черт! – Я заглушил двигатель. – Нужно было переждать ночь в Рок-Спрингс.

– Возможно. Но ты не знал, что случится такое.

– Да, не знал. – Я вытер растаявший снег со своей гладкой лысины.

– Ты совсем как я, – заметил Орсон. – В чем дело?

– Пить хочешь?

– Хочу.

Я влил ему в рот целую бутылку теплой воды.

– Орсон, – строго произнес я, – один неверный шаг, всего один, и я тебя убью.

– Верю.

Часы на приборной панели показывали 16.07. Я сидел и смотрел, как они показали 16.08, затем 16.09.

– Скоро совсем стемнеет, – сказал я.

Струйки пота стекали по моим ногам и груди. Откинувшись на спинку сиденья, Орсон закрыл глаза. От него несло мочой. Его халат был в пятнах, и мне стало стыдно, что я не дал ему возможность нормально справить нужду с тех самых пор, как мы покинули Вермонт.

Минуты продолжали свой неумолимый бег: 16.10, 16.11, 16.12.

– Я этого не вынесу, – пробормотал я наконец, заводя двигатель.

– Что ты собираешься делать?

– Искать грунтовую дорогу.

– Энди, Энди!

Включив передачу, я поставил ногу на педаль газа и посмотрел на Орсона.

– Перестань валять дурака, – спокойно произнес тот. – Дорогу ты не найдешь. И дом тоже не найдешь. Разыгрался самый настоящий буран, и если мы завязнем в стороне от шоссе, нам каюк. Итак, в ближайшее время мы из машины никуда не выйдем. Это нужно принять как должное. Так что давай останемся ждать здесь, прямо на шоссе, где мы по крайней мере знаем свое местонахождение. Если же ты попытаешься разыскать грунтовую дорогу, мы застрянем посреди пустыни.

– Нам достаточно лишь ехать прямо. Твой дом в той стороне. Мы будем ехать прямо…

– Прямо – это куда? Туда? Туда? Туда? Мне все кажется прямо!

Я надавил на газ, и зад «Лексуса» пошел юзом. Ослабив нажим, я попробовал еще раз, более плавно. Покрышки нащупали асфальт и дали машине существенный поступательный момент. Разогнавшись до сорока миль в час, я свернул в пустыню. Колеса провалились в рыхлый снег, и скорость тотчас же упала до тридцати миль в час. Сугробы здесь были вдвое выше, чем на шоссе, и хотя я чувствовал, что покрышки в любой момент могут потерять сцепление, я сохранял контроль над машиной. Петляя между кустами полыни, я всматривался вперед, ища длинную прямую белую полосу, не тронутую растительностью. Она потянется на запад, тонкая белая лента в снегу, мы поедем по ней и найдем дом.

Ошеломленный Орсон молча таращился на меня.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил я. – Ты вообще смотришь?

Двигатель натужно вращал колеса, стрелка спидометра дрожала между двадцатью и двадцатью пятью. Я с тревогой смотрел на нее.

– Разворачивайся назад! – воскликнул Орсон. – Если ты сделаешь это прямо сейчас, мы, может быть, вернемся на шоссе. Но если ты остановишься здесь, нам останется только молиться.

– Ищи грунтовую дорогу! – приказал я.

– Энди…

– Ищи грунтовую дорогу, твою мать!

Прошло четыре минуты, прежде чем я сообразил, что Орсон прав. Я не видел ничего дальше пятидесяти футов перед капотом машины, а поскольку стрелка опустилась к десяти, я сомневался, что нам хватит скорости вернуться на шоссе.

– Мы возвращаемся, – сказал я, выкручивая руль вправо.

Зад дернулся влево, и колеса тотчас же потеряли сцепление. Охваченный паникой, я надавил на газ, и машина развернулась на триста шестьдесят градусов. К тому времени как я убрал ногу с акселератора, наша скорость упала до пяти миль в час, и я уже ничем не мог ее увеличить. «Лексус» остановился, уткнувшись в куст полыни.

– Все замечательно, – сказал я. – Ничего не говори.

Я осторожно надавил на газ, колеса завращались, но сцепления не нашли. Стиснув руль, я втопил педаль газа в пол. Двигатель взревел, покрышки подняли в воздух кучу снега и, на какое-то мгновение, мерзлой земли. «Лексус» устремился вперед в рыхлый снег, и я еще сильнее надавил на газ. Стрелка тахометра застряла в красной зоне, и я почувствовал по запаху, что двигатель начинает перегреваться. Но покрышки так больше и не нащупали землю, и через какое-то время я заглушил двигатель и выдернул ключ из замка зажигания.

Открыв дверь, я выбежал в буран. На скорости пятьдесят миль в час снежинки превратились в холодные иглы, беспощадно колющие мне в лицо. Наклонившись, я принялся разгребать руками шестидюймовый слой снега, рассуждая: «Быть может, я как раз стою на той самой грунтовой дороге». От холода у меня скоро заныли пальцы. Наконец я дорыл до земли, однако она оказалась чересчур рыхлой, чтобы быть дорогой.

Обратив лицо к беснующейся белой мгле, я кричал до тех пор, пока у меня не заболело горло. Лицо мое горело от холода, снег проникал в кроссовки. «Ничего этого на самом деле не происходит», – старался убедить себя я. Меня душил ужас при мысли о том, что я застрял в этой снежной пустыне вдвоем с Орсоном. Нет, этого просто не может быть!

Глава 32

Забравшись в «Лексус», я стащил с себя промокшую одежду. Бросив ее назад на пол, открыл свой чемодан и достал свежее нижнее белье, спортивный костюм, который я захватил, чтобы спать в нем, и две пары носков.

– Завести двигатель? – спросил я. – Это не посадит аккумулятор?

– Не должно. Но подожди хотя бы до тех пор, пока не сгустится кромешная темнота. Двигатель должен будет работать всю ночь, чтобы мы не замерзли. – Орсон привалился к окну, все еще не полностью пришедший в себя после снотворного. – Как у нас дела с бензином?

– Полбака.

Закинув ноги на сиденье, Орсон перевернулся на бок, спиной ко мне.

– Ты замерз? – спросил я.

– Есть немного.

Из чемодана Уолтера я достал спортивные штаны, шерстяные носки и серую толстовку с эмблемой университета Северной Каролины. Положив все это Орсону на колени, подобрал «Глок», лежавший у меня под ногами, и достал из кармана ключ от наручников.

– Сейчас я расстегну наручники, чтобы ты смог снять этот мерзкий халат, – сказал я. – После чего они сразу же вернутся на место.

Расстегнув наручники, я снял их с запястий Орсона. Сняв с себя халат, тот бросил его себе под ноги и натянул одежду Уолтера. Я приготовился снова сковать его наручниками, но он остановил меня.

– Подожди секунду. – Приспустив штаны, Орсон осмотрел ожог на внутренней стороне бедра. – Зудит просто невыносимо.

Почесав кожу по периметру волдыря размером с печенье, он опять натянул штаны, завел руки за спину и безропотно позволил мне снова надеть на него наручники.

Запрокинув голову назад, я вслушался в завывания ветра, терзающего машину. Вспышка молнии разорвала сумерки; тотчас же прогремел раскат грома.

– Орсон, – сказал я, – скажи, почему ты убил нашу мать?

– Сам знаешь.

Он был прав.

– Я хочу, чтобы ты сказал это вслух. Я бы пришел за тобой только ради близких Уолтера. Быть может, только ради себя самого.

– Уверен, что этого было бы недостаточно.

– Ты просто мразь! Но у меня есть другое предположение. Не желаешь его выслушать?

– Валяй, – сказал Орсон, уставившись в буран за окном.

– Ты отомстил матери за то, что она произвела тебя на свет.

Орсон посмотрел на меня так, словно я поймал его за тем, как он нюхает женские трусики.

* * *

Температура в салоне начала стремительно понижаться. Я выбрал из горы покупок пачку крекеров, палку колбасного сыра и бутылку каберне.

– Впрочем, выпить мы не сможем, – заметил я. – Штопора нет.

– В бардачке есть перочинный нож со штопором, – сказал Орсон.

Отыскав под кипой дорожных карт швейцарский нож, я откупорил бутылку и жадно глотнул терпкого вина. Затем вскрыл пачку крекеров и поставил ее у себя на коленях.

– Проголодался? – спросил я, нарезая сыр тупым лезвием. – Угощайся.

Вставив круглый кусок сыра между двумя крекерами, я засунул этот сэндвич Орсону в рот, после чего растянулся на сиденье и уставился в сгущающуюся темноту.

Как только стекла остыли, снежинки стали к ним примерзать. Ветер был такой свирепый, что залепило все окна, и меньше чем через пятнадцать минут мы уже не видели беснующийся вокруг нас буран. Лишь непрерывное завывание да холодная ненасытная энергия говорили о его присутствии.

Орсон обратил внимание на окровавленную одежду на полу.

– Энди, – спросил он, – это кровь Лютера?

Я молча кивнул.

– Ого! Где это ты его? «У Рикки»?

– Мы должны были встретиться там в девять вечера. Я приехал в шесть, чтобы оставить у барменши записку о том, что меня не будет. Лютер вошел в тот самый момент, когда я собирался уходить. Если б он не пришел так рано…

– Он пришел раньше назначенного срока, так как почувствовал что-то неладное.

– С чего ты взял?

– Лютер очень хитер. Но и ты тоже. Ты захватил пистолет. Иначе сейчас бы умирал страшной смертью.

– Ты огорчен тем, что его больше нет в живых?

– Нет. И это не значит, что я отношусь к нему плохо. Мы с ним много поработали вместе.

– Ну, а я бесконечно рад тому, что с ним покончено.

– Энди, он мало чем отличался от тебя, – усмехнулся Орсон.

– Конечно.

– Я обучил его так же, как обучил тебя. Просто с ним это произошло несколько быстрее.

Потрясенный, я уставился на брата.

– Знаешь, лучше бы ты просто меня убил, – сказал я наконец. – Ты сделал нечто более страшное. Ты разбил всю мою жизнь. Ты отнял у меня мать, лучшего друга. Я не могу вернуться к себе домой. Не могу освободиться от всего этого.

– Нет, Энди, я тебя спас. Твой дом был лишь иллюзией. Теперь ты больше не порхаешь бесцельно по жизни, подобно всем остальным людям, слепой к позывам той черной дыры, которую называешь сердцем. Будь благодарен мне за это. Теперь тебе известно, на что ты способен. Немногие узнаю́т такое про себя. Но мы с тобой живем честно, ты и я. Такова правда, Энди. Как там сказал Китс?[21] «Красота есть правда». Не просто прилизанная правда. У нас с тобой черные сердца, но они прекрасны.

Мы жадно поглотили всю пачку крекеров и почти весь сыр. Вино заметно разбавило мою настороженную бдительность, поэтому я умерил его потребление.

Когда мы закончили есть, я расстегнул поясную сумку. Там оставались две ампулы «Ативана» и две ампулы «Верседа», но поскольку более надежным был «Ативан», я взял его.

– Энди, – начал Орсон, когда я проткнул крышку первой ампулы и высосал ее содержимое через тонкий канал полой иглы.

– Что?

– Помнишь то лето, когда недалеко от нашего дома рядом с шоссе нашли труп?

– Да, помню.

Усевшись прямо, Орсон пристально посмотрел на меня, склонив голову набок, словно погруженный в раздумья. Опустошив вторую ампулу, я постучал ногтем по шприцу. В машине стало темно – приближалась ночь.

– Что ты помнишь? – спросил Орсон.

– Отстань, я устал.

– И все же расскажи, что ты помнишь.

– Нам было по двенадцать лет. Это случилось в июне.

– В июле.

– Ну хорошо, в июле… Ах да, как раз в канун Дня независимости. Если точнее, труп был обнаружен именно четвертого числа. Я хорошо помню тот вечер. Я сидел во дворе с бенгальским огнем и увидел, как перед домом резко остановились три полицейские машины. Полицейские с двумя немецкими овчарками побежали напрямик через наш двор. Папа жарил на гриле гамбургеры. Мы проводили взглядом, как полицейские скрылись в лесу. Через несколько минут собаки залаяли, словно одержимые, и папа сказал: «Похоже, они нашли то, что искали».

– Уилларда Бейса, – усмехнулся Орсон.

– А?

– Вот кого нашли в тоннеле.

– Не могу поверить, что ты до сих пор помнишь его имя.

– А я не могу поверить, что ты его забыл.

– С какой стати мне его помнить?

Судорожно переведя дыхание, Орсон прищурился.

– Он меня изнасиловал, Энди.

От раската грома задребезжали стекла. Я опустил взгляд на недопитую бутылку вина, зажатую между ногами. Мои пальцы обвили холодное горлышко. Я поднес бутылку ко рту, вылил в горло изрядную порцию каберне и сказал:

– Ничего этого не было. Я смотрю тебе в глаза и вижу…

– А я смотрю тебе в глаза и вижу, что ты знаешь правду.

– Ты лжешь.

– В таком случае почему у тебя в груди это странное чувство? Как будто в желудке пробуждается нечто такое, что ты не трогал уже много лет?

Отхлебнув еще один большой глоток, я поставил бутылку между ногами.

– Позволь рассказать тебе одну историю, – начал Орсон. – Посмотрим…

– Нет. Сейчас я вколю тебе вот это, чтобы я смог выспаться. Я не собираюсь сидеть и слушать…

– У тебя на головке члена есть ожог от сигареты?

Мне показалось, будто у меня по спине поползли полчища муравьев.

– И у меня тоже, – сказал Орсон.

– Ничего этого не было. Теперь я все вспомнил. Это выдумка, которую ты сочинил, после того как соседские ребята обнаружили труп.

– Энди!

Я не хотел ничего знать, но я все знал. Я чувствовал, что это присутствовало всегда, спрятанное в потаенных закутках моей памяти, и я проходил мимо, не подозревая, что там скрывается нечто жуткое, даже не заглядывая в этот коридор, чтобы отчетливо его рассмотреть.

– Это произошло однажды днем во время грозы, – заговорил Орсон. – В дренажном тоннеле, проходящем под автострадой. Вода там не поднималась выше двух дюймов, а высота свода позволяла взрослому человеку выпрямиться во весь рост. Мы постоянно там играли. После обеда мы гуляли в лесу, но тут нас застигла гроза. Чтобы спрятаться от нее, мы добежали до ручья и по нему добрались до тоннеля. Мы думали, что бетонные своды защитят нас от молнии, но в тоннеле бурлил поток дождевой воды.

Орсон, я прекрасно вижу тебя в сыром полумраке тоннеля.

– Я как раз говорил тебе, – продолжал Орсон, – что мама надерет нам уши за то, что мы гуляем в такую грозу.

Отвернувшись от брата, я положил полный шприц на пол. Ночь полностью вступила в свои права, в машине властвовал непроницаемый мрак, и я не видел сидящего рядом Орсона. Я «видел» только его слова, едва слышимые сквозь стон бурана, увлекающие меня в тот коридор.

*** * ***

Наш смех гулко разносится по тоннелю. Орсон брызжет на меня водой, и я отвечаю ему тем же, заливая его худые подростковые ноги. Мы стоим у входа в тоннель, где поток дождевой воды низвергается с высоты двух футов в грязную лужу глубиной по пояс, которая, как нам кажется, кишит змеями.

В двухстах футах, из противоположного конца тоннеля, доносится плеск беспечных шагов по мелководью. Мы с Орсоном оборачиваемся и видим, что пятно света в том конце теперь заслоняет движущаяся фигура.

– Кто это? – шепотом спрашивает Орсон.

– Не знаю.

В темноте я различаю микроскопический огонек сигареты.

– Бежим! – хнычет Орсон. – Бежим отсюда! Нам не миновать беды!

Бетонные своды содрогаются от оглушительного раската грома. Я пересекаю мутный поток и встаю рядом с братом.

Он жалуется, что ему страшно. Мне тоже страшно. Дождь сменяется градом, льдинки размером с шарики для настольного тенниса устилают землю в лесу и плюхаются в лужу. Гроза пугает нас больше, чем приближающиеся шаги, поэтому мы ждем, охваченные тревогой. Огонек сигареты вспыхивает ярче, и до нас доносится запах табачного дыма.

Из темноты появляется коренастый лысый мужчина, возрастом старше нашего отца, с неухоженной бородой и здоровенными ручищами. На нем грязная одежда армейского образца, и хотя ростом он немногим выше нас, весит он больше на добрых сто фунтов. Пошатываясь, незнакомец подходит и окидывает нас оценивающим взглядом с ног до головы, что беспокоит меня далеко не так сильно, как должно было бы. Я до сих пор еще не знаю многих вещей.

– Я весь день наблюдал за вами, – говорит мужчина. – У меня еще никогда не было близнецов.

Я не понимаю, что он имеет в виду. У него северный говор и низкий голос, похожий на звериный рык. В его дыхании чувствуются табачный дым и зловоние гнилых зубов, приправленное перегаром.

– Эне, мене, мини, мост, тигра я поймал за хвост. Закричит он – отпущу, но тебя я не прощу.

Незнакомец тычет толстым грязным пальцем Орсону в грудь. Я собираюсь спросить, что он делает, но тут кулак, приближение которого я не видел, ударяет мне прямиком в челюсть.

Я прихожу в себя, лежа на боку в воде. Перед глазами у меня все расплывается. Я слышу стоны Орсона.

– Кричи вот так, мальчик, – учащенно дыша, говорит мужчина. – Очень хорошо, просто замечательно!

Зрение возвращается ко мне, но я не могу взять в толк, почему Орсон стоит в воде на четвереньках, а незнакомец оседлал его сзади, обхватив своими огромными волосатыми ногами лишенные растительности бедра брата. Брюки защитного цвета и трусы спущены до высоких черных ботинок на шнуровке, мужчина крепко прижимает Орсона к себе, и они вместе раскачиваются взад и вперед.

– Господи, как же хорошо! – шепчет мужчина. – Как же хорошо!

Орсон пронзительно вскрикивает. Его голос похож на писк нашего щенка, а я по-прежнему ничего не понимаю.

– Мальчик, – поворачивает ко мне мокрое от пота лицо незнакомец, – а ты не двигайся с места. Иначе я откручу твоему брату голову и запущу ею в тебя, словно мячом в кегельбане!

Поэтому я лежу, уронив голову в воду, и смотрю. Мужчина со стоном закрывает глаза и начинает прижимать к себе Орсона все чаще и чаще. Внезапно он останавливается и кусает Орсону плечо через голубую футболку. Мой брат издает вопль.

Мужчина на вершине блаженства.

– А! Аа! Ааа! Ааа! Аааааа!

Уиллард резко отступает назад, и Орсон падает в воду. У моего брата весь зад в крови. Она стекает по ногам. Он лежит в воде полураздетый, оглушенный, не в силах плакать или хотя бы натянуть штаны. Уиллард достает из кармана рубашки сигарету и закуривает.

– Какой сладенький мальчик! – говорит он и протягивает руку к моему брату, по-прежнему распростертому в воде.

Орсон кричит.

Я сажусь у бетонной стены. Град прекратился, и Уиллард бредет по воде ко мне. Его штаны спущены до щиколоток. Я еще никогда не видел эрекцию у взрослого мужчины, и хотя она уже начинает ослабевать, член кажется мне неправдоподобно огромным. Уиллард останавливается передо мной.

– Я не смогу полюбить тебя так, как сделал это с твоим братом, – говорит он, затягиваясь. – Тебе уже доводилось сосать член?

Я молча качаю головой, и Уиллард вплотную подступает ко мне. У меня ноет челюсть, но я забываю про боль, как только чувствую исходящий от Уилларда запах. Он берет свой член в руку и проводит им по моей щеке.

– Возьми его в рот, мальчик, или я откручу тебе голову!

У меня по щекам текут слезы.

– Не могу. Я не могу!

– Мальчик, живо открывай рот. И делай так, чтобы мне стало хорошо. Старайся вовсю. И помни о брекетах.

Влажная головка его члена, похожая на луковицу, тычется мне в губы. Мне требуется целая минута, чтобы полностью засунуть ее в рот.

Камень размером с грейпфрут падает в воду рядом со мной, и Уиллард, пошатнувшись, отступает к противоположной стене и сползает по ней в воду. Он оглушен, а я не понимаю, в чем дело, до тех пор пока не вижу, как Орсон достает камень из воды.

Поскольку Уиллард зажимает левый висок, он не видит, как Орсон замахивается снова. На этот раз камень ударяет его прямо в лицо, и я слышу хруст треснувшей кости. Искаженное лицо Уилларда становится багровым. Поднявшись на четвереньки, он ползет к выходу из тоннеля. Снова подобрав камень, Орсон усаживается верхом на Уилларда, как раньше мы катались верхом на папе, и обрушивает кусок гранита ему на затылок. После четвертого удара руки Уилларда подгибаются, не в силах больше выдерживать вес его тела.

Обеими руками Орсон высоко поднимает камень и раскалывает Уилларду голову, словно спелый фрукт. Закончив, он, по-прежнему сидя верхом на Уилларде, оборачивается ко мне. Его лицо забрызгано кровью и мозговым веществом.

– Хочешь врезать ему? – спрашивает он, хотя бить теперь уже нечего.

– Нет.

Орсон бросает камень в лужу, подходит ко мне и усаживается рядом. Я сгибаюсь пополам; меня начинает рвать. Когда наконец снова выпрямляюсь, я спрашиваю:

– Что он сделал с тобой?

– Засунул свою штуковину мне в зад.

– Зачем?

– Не знаю. Смотри, я покажу тебе еще кое-что.

Орсон показывает свой крохотный член. На кончике головки волдырь, и при виде его я снова заливаюсь слезами.

Подойдя к Уилларду, я переворачиваю его на спину. Теперь у него больше нет лица. Его голова напоминает мне разбитый арбуз. Я нахожу у него в кармане промокшую пачку сигарет. Зажигалка лежит в пачке, я достаю ее и одну сигарету и подсаживаюсь к брату. Зажигаю сигарету, спускаю штаны и клеймлю себя.

– Мы с тобой по-прежнему одинаковые, – говорю я, всхлипывая от нахлынувшей боли.

К тому времени как собаки нашли Уилларда Бейса, в нем уже вовсю копошились черви. И хотя родители запретили нам до конца лета играть в лесу, похоже, они так и не заметили, что над их детьми надругались.

Странно. Я не помню, как забыл все это.

*** * ***

После того как Орсон закончил, надолго воцарилась тишина. Темнота в машине стала кромешной, вокруг бушевал буран.

– Полагаю, ты считаешь, что это многое объясняет, – наконец нарушил молчание я.

– Нет. Ты хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что, даже если б с нами не случилось то, что случилось в тоннеле, мы бы с тобой все равно оказались в этой пустыне. Я такой, какой есть, не потому, что меня изнасиловали, когда мне было двенадцать лет. Уиллард Бейс только подлил масла в мой огонь. Когда ты наконец это поймешь?

– Что?

– То, что в тебе это тоже есть.

– Я это вижу, Орсон.

– И?..

– И я это ненавижу. Боюсь. Уважаю. И если б мне хотя бы на мгновение показалось, что это способно повелевать мною, я бы приставил пистолет к виску. Ну, а теперь пора делать укол.

Глава 33

Когда я проснулся, шума ветра слышно не было. Часы показывали 10.00. Орсон дышал глубоко и размеренно, и хотя я хорошенько его встряхнул, он даже не пошевелился.

В машине стало нестерпимо жарко, и я отключил печку. Затем включил стеклоочиститель, и щетки сгребли толстый слой снега. В ветровое стекло ударил солнечный свет, ослепительно яркий.

Над капотом поднимался высокий сугроб. Окинув взглядом белую пустыню, я увидел лишь спутанные ветки высоких кустов полыни, кое-где торчащие из снега. Безоблачное небо было синим, словно цветок орхидеи.

В нескольких милях впереди я увидел белую горную цепь, и у меня мелькнула мысль, не та ли это самая, что поднималась позади бревенчатого дома и сарая.

Глядя на спящего рядом брата, я почувствовал, как мне стиснуло грудь. Ублюдок! Мне снилось, как Уиллард Бейс заставляет меня взять в рот его член. Ярость осталась – гноящаяся рана в животе, и чем больше я гнал ее от себя, тем сильнее она разбухала. Напрасно брат поступил так со мной.

– Орсон, просыпайся! – Я хлестал его по лицу до тех пор, пока у него не открылись глаза.

– О господи, – пробормотал он, усаживаясь. – Намело фута три! – Потянул шею так, что хрустнули позвонки. – Опусти мое стекло. – Стекло в двери поползло вниз, и Орсону на колени упал ком снега. – Я вижу свой дом! – воскликнул он.

– Где?

– Две черные точки на горизонте.

Я всмотрелся в открытое окно.

– Ты в этом уверен?

– Здесь в радиусе пятнадцати миль нет других построек.

– Далеко до него?

– Полторы-две мили.

Перегнувшись на заднее сиденье, я достал из чемоданов охапку одежды и бросил все на приборную панель.

– Я освобожу тебя от наручников до тех пор, пока мы не дойдем до твоего дома.

– Ты собираешься пойти прямо сейчас? – изумленно произнес Орсон. – Нам ни за что до него не добраться!

– Орсон, мы ведь его видим. У нас осталось горючего меньше четверти бака. Этого не хватит, чтобы греться еще одну ночь; а что, если разразится новый буран? Мы идем.

– Эта одежда из водоотталкивающей ткани?

– Нет.

– Тогда даже не думай об этом. Хлопчатобумажная ткань промокнет насквозь и замерзнет, а по такому глубокому снегу нам потребуется несколько часов, чтобы добраться до дома. Ты знаешь, что такое обморожение?

– И все-таки я готов рискнуть. Я не собираюсь провести еще одну ночь здесь вместе с тобой.

Я достал ключ от наручников.

– Прости за то, что я рассказал тебе про Уилларда, – пробормотал Орсон. – И еще, Энди…

– Что?

– Ты сможешь забыть снова?

– Не говори мне больше ни слова, твою мать!

* * *

Снег лишь немного не доходил мне до пояса. Я еще никогда не ходил по такому глубокому снегу, что каждый шаг требует усилий, которые нужны годовалому малышу, чтобы взобраться на очередную ступеньку лестницы. Я заставил Орсона идти в нескольких ярдах впереди. Как он и предсказывал, не сделали мы и пятидесяти мучительно медленных шагов, как ледяная вода начала просачиваться сквозь спортивный костюм. Мы прошли с четверть мили, когда первый ледяной ожог поразил мои ноги выше коленей. Казалось, тысячи иголок разом вонзились в раскрасневшуюся кожу. Идти было больно. Стоять тоже было больно, а к тому времени, как мы преодолели сквозь сугробы около мили, и глаза у меня также горели от ослепительного хрустального света. Я недоумевал, как у меня могло хватить ума отправиться к этой крошечной черной точке, которая по-прежнему, казалось, оставалась у самого горизонта.

Орсон без устали шел впереди, не выказывая никаких признаков усталости или боли. А для меня жжение в ногах стало настолько невыносимым, что лоб покрылся капельками холодного пота.

– Подожди! – крикнул я, и Орсон остановился.

Он находился в двадцати шагах впереди, укутанный в две футболки, свитер, толстовку и черную кожаную куртку. Ноги его распухли кальсонами, спортивными штанами и джинсами, которые я достал для него из чемодана Уолтера.

– В чем дело? – спросил он.

– Просто мне нужно передохнуть.

Постояв немного, я взвалил наполненный продуктами чемодан на голову, и мы продолжили путь. Вскоре я почувствовал, как у меня начинают неметь ступни и ноги, и я стал бороться только со жжением в глазах. Облегчение приходило лишь тогда, когда я закрывал их, однако я не мог держать глаза закрытыми долго, чтобы унять боль, так как впереди меня шел Орсон, без наручников.

Когда до бревенчатого дома оставалось всего три футбольных поля, мои ноги полностью лишились чувствительности. У меня из головы не выходило медицинское определение снежной слепоты, которое я нашел, работая над «Синим убийством», – прямой ожог роговицы глаза. От одной мысли об этом у меня слезились глаза, и я сосредоточился на том, как запру Орсона в пустой комнате, а сам засну под его шерстяным одеялом в блаженной темноте дома.

Орсон оглянулся на меня, и я не поверил в то, что не замечал этого прежде. Он был в моих солнцезащитных очках! Прихватил их с приборной панели, когда мы одевались для этой прогулки по снегу? Я уже собирался крикнуть ему, чтобы он остановился, но затем подумал: «Твою мать, мы уже почти дошли!»

Даже прищурившись, я не мог надежно защитить глаза от сияния, поэтому зажмурился, и мне стало восхитительно. С трудом бредя вслепую по снегу, я думал, что просто закрою глаза на какое-то время.

Через шесть гигантских шагов я открыл глаза, чтобы проверить, где Орсон.

Его нигде не было.

Бросив чемодан, я выхватил из-за пояса «Глок» и огляделся по сторонам – ничего, кроме бесконечного гладкого снега с нанесенными кое-где холмиками.

– Орсон! – что есть силы крикнул я. Мой голос раскатисто разнесся над ослепительно-белой пустыней. – Орсон!

Ни звука; даже ветер утих. Я попытался отыскать следы брата в сугробах, но у меня тотчас же заслезились глаза, и соленые слезы многократно усилили жжение.

Внезапно я почувствовал, что кто-то подбегает ко мне сзади. Стремительно развернувшись, я направил пистолет в сторону машины. Снег искрился, девственно-нетронутый и пустой. От страха у меня засвербило в промежности. Белый «Лексус», наполовину погребенный в снегу, превратился в серебристую блестку вдалеке. В солнечных лучах ветровое стекло сияло, словно полоска слюды.

Орсон где-то здесь, решил я, разворачиваясь к бревенчатому дому. Он лежит в снегу, и мне достаточно будет лишь пройти по его следам. Меньше чем в пятидесяти футах впереди я увидел, как следы обрываются.

– Вставай! – крикнул я. – Орсон, я не стану стрелять! Ну же! Не дури!

Никакого движения. Подхватив чемодан, я сделал три шага, но тут меня осенила одна мысль. Присев, я разгреб вокруг достаточное пространство и, опустившись на четвереньки, принялся руками в перчатках рыть в тридцатишестидюймовой стене снега тоннель. И, к моему ужасу, мне это удалось. Во время бурана снег спрессовался, и теперь можно было прокопать в нем проход высотой чуть больше фута и шириной два фута, при этом внешняя поверхность оставалась нетронутой. Короче, Орсон мог незаметно перемещаться под снегом.

Выпрямившись, я зябко поежился. Следы впереди ничего не значат. Еще до того, как я дошел до того места, где они обрывались, и увидел брошенный чемодан, я понял, что Орсон может быть где угодно, совсем рядом, но невидимый под двумя футами снега.

Снова отбросив чемодан, я побежал, расширяющимися кругами, громкими криками призывая брата показать себя. Скоро силы оставили меня, и я рухнул на наши чемоданы, вернувшись туда, где заканчивались следы Орсона.

На грани слепоты, я опасался, что под онемением ног скрывается страшная боль, которая быстро оттает в тепле. Зажатый в руках «Глок» был совершенно бесполезен, и, смирившись с тем, что в настоящий момент преимущество на стороне Орсона, я поднялся на ноги и побрел через нетронутые сугробы к бревенчатому дому.

Глава 34

С трудом добравшись до бокового кармана промерзшей насквозь куртки, я достал ключ, который, по заверениям Орсона, должен был отпереть входную дверь. Воткнув в заледеневшую скважину, повернул его. Дверь распахнулась; волоча за собой чемоданы, я вошел в дом.

Я готов был поспорить, что уже много месяцев сюда никто не заглядывал. В воздухе присутствовал какой-то неуловимый запах, как на чердаке или в кладовке. Мое ослабленное зрение показывало внутренние помещения так, как если б они были погружены в полумрак. Пошатываясь от усталости, я прошел по каменному полу к окну, выходящему на юг, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда мы пришли. Хотя день уже близился к вечеру, солнце, клонящееся к скалам, по-прежнему светило ярко. В ослепительной бескрайней белизне ничто не двигалось, и я утешил себя мыслью о том, что, если Орсон попытается приблизиться к дому, я его непременно замечу.

Но затем мое внимание переключилось с брата на жуткое состояние моих ног. Я абсолютно не чувствовал их ниже коленей; наверное, именно такое ощущение испытывает человек с ампутированными конечностями, впервые вставший на протезы. Рассудив, что мне нужно тепло, я захромал по направлению к кухне.

Из-за снежной слепоты я видел окружающий мир в багровых тонах. В доме ничего не изменилось. Вдоль стен по-прежнему стояло несчетное количество книг, а в северной части гостиной находилась идеально устроенная кухня, которой недоставало разве что только действующей мойки. Двери в обе спальни в глубине коридора были закрыты, и когда я увидел их и маленькую копию Моне между ними, у меня внутри все оборвалось.

На табурете у входной двери стоял проигрыватель, а рядом лежала стопка грампластинок. Я бы включил музыку, но электричества не было, и тут до меня дошло, что до того, как стемнеет, мне нужно разыскать канистру с соляркой и запустить генератор.

Рядом с плитой я нашел то, что искал, – белый керосиновый обогреватель. Банки с керосином к нему я нигде не обнаружил, но, подняв обогреватель, услышал в баке плеск горючего, которого было достаточно. Притащив обогреватель в гостиную и установив его перед черным кожаным диваном, я нажал кнопку электрического стартера, и, к моему удивлению, обогреватель запустился с первой же попытки. В промерзшее помещение полилось тепло. Горячие волны ласкали мне лицо, и я начал снимать друг за другом свитера и куртки, сохранившие мне жизнь во время перехода от машины до дома.

Свалив одежду грудой на полу, я плюхнулся на диван, расшнуровал обледеневшие кроссовки и стащил их с ног. Снял задубевшие носки, штаны, спортивные брюки и, наконец, мокрое нижнее белье, прилипшее к ногам. Кожа ниже коленей приобрела восково-белый цвет. Я прикоснулся к мертвенно-бледным икрам, и хотя на ощупь они оказались холодными и твердыми, словно труп, плоть внутри по-прежнему оставалась податливой. Со ступнями дело обстояло значительно хуже. Концы пальцев посинели, а когда я пощипал пятки, то не почувствовал ни боли, ни вообще прикосновения.

Выглянув в окно и по-прежнему ничего не увидев в пустыне, я прошел на кухню. На столике стоял большой серебристый тазик, изнутри покрытый изморозью остатков муки. Я вышел на крыльцо и наполнил тазик снегом. Верхняя часть керосинового обогревателя представляла собой ровную железную пластину, расположенную прямо над сияющей оранжевой спиралью. Поставив тазик на пластину, я улегся на диван и стал наблюдать за тем, как снег тает.

Глядя на то, как белая кучка оседает, скрываясь в тазике, я не мог избавиться от неприятного чувства, что пребывание в этом доме разжигает у меня внутри что-то страшное. Мне казалось, будто я пришел на собственные похороны и стою перед гробом, глядя на свое безжизненное лицо, неестественное под фальшивым теплым цветом кожи. Никаких звуков снаружи, абсолютная тишина внутри, никакого движения в комнатах – у меня задрожали руки.

Меня не должно быть здесь. Все это очень плохо.

Снег растаял, затем над поверхностью воды начал клубиться пар. Протянув руку, я опустил в тазик палец. Вода оказалась горячей, поэтому я с помощью своих носков снял тазик с обогревателя и поставил на пол. Затем опустил синюшные ноги в воду, не в силах почувствовать ее температуру и даже плотность. Усевшись на диван, закрыл глаза и стал ждать, когда у меня оживут ноги. Об их возвращении к жизни возвестило покалывание в области от щиколоток до коленей.

Но и через пять минут я по-прежнему не ощущал пальцы на ногах. Нагнувшись, я опустил руку в воду и обнаружил, что мои ноги охладили ее быстрее, чем это сделали бы две глыбы льда. Снова поставив тазик на керосиновый обогреватель, я дал воде нагреться, после чего опять погрузил в нее ноги.

Мне пришлось еще дважды подогревать талую воду, прежде чем я почувствовал, что в пальцах ног что-то просыпается – сильное жжение. Я попытался расслабиться, мысленно представив себе свой дом на берегу озера весной: я сижу на крыльце под соснами, прохладный ветерок со стороны воды колышет зеленые ветки…

Едва теплая вода жгла обмороженную кожу, подобно концентрированной кислоте. Не выдержав, я застонал. Соленый пот заливал мои больные глаза, ступни горели, словно я держал их над открытым пламенем. Боль заставила меня жалобно скулить, и хотя желание вытащить ноги из воды было непреодолимым, я понимал, что это не затушит пожар. Сейчас я расплачивался за холод, за четыре часа дороги по глубокому снегу в тонких кроссовках. Мне оставалось только сидеть на диване и терпеть боль, пожалуй, самую яростную, какую мне только доводилось испытывать.

*** * ***

К шести часам вечера боль стала терпимой, хотя я по-прежнему видел окружающий мир в алых красках. Высматривать Орсона в окно было бесполезно. Солнце зашло, и пустыня теперь была чернее, чем космическая пустота между звездами.

Достав ноги из остывшей воды, я встал. Меня пошатывало, но все же я испытал облегчение, ощутив, что к ступням вернулась хоть какая-то чувствительность. Кончики пальцев на ногах почернели, но тут я уже ничего не мог поделать. По крайней мере ноги свои я, похоже, спас. А за каким чертом нужны пальцы?

Порывшись в шкафах на кухне, я нашел свечку и коробок спичек. Отбрасывая мягким желтым огоньком дрожащие тени на бревенчатые стены, в четвертый раз проверил засов на входной двери и запоры четырех окон спальни. Затем, сжимая в руке потемневший бронзовый подсвечник, прошел по узкому коридору вглубь дома.

Ключ от входной двери также отпер дверь в комнату, бывшую моей тюрьмой. Мне показалось, я покинул ее совсем недавно, тесную и скудно обставленную. Хотя окно было зарешечено, я все равно проверил запор. После чего выдвинул из шкафов все ящики, оказавшиеся пустыми, и заглянул под кровать. В комнате не было ничего примечательного – тюремная камера, только и всего.

Вернувшись в коридор, я остановился перед дверью комнаты Орсона. Взявшись за ручку, заколебался. *Ты здесь один. К черту страх!* Я шагнул внутрь.

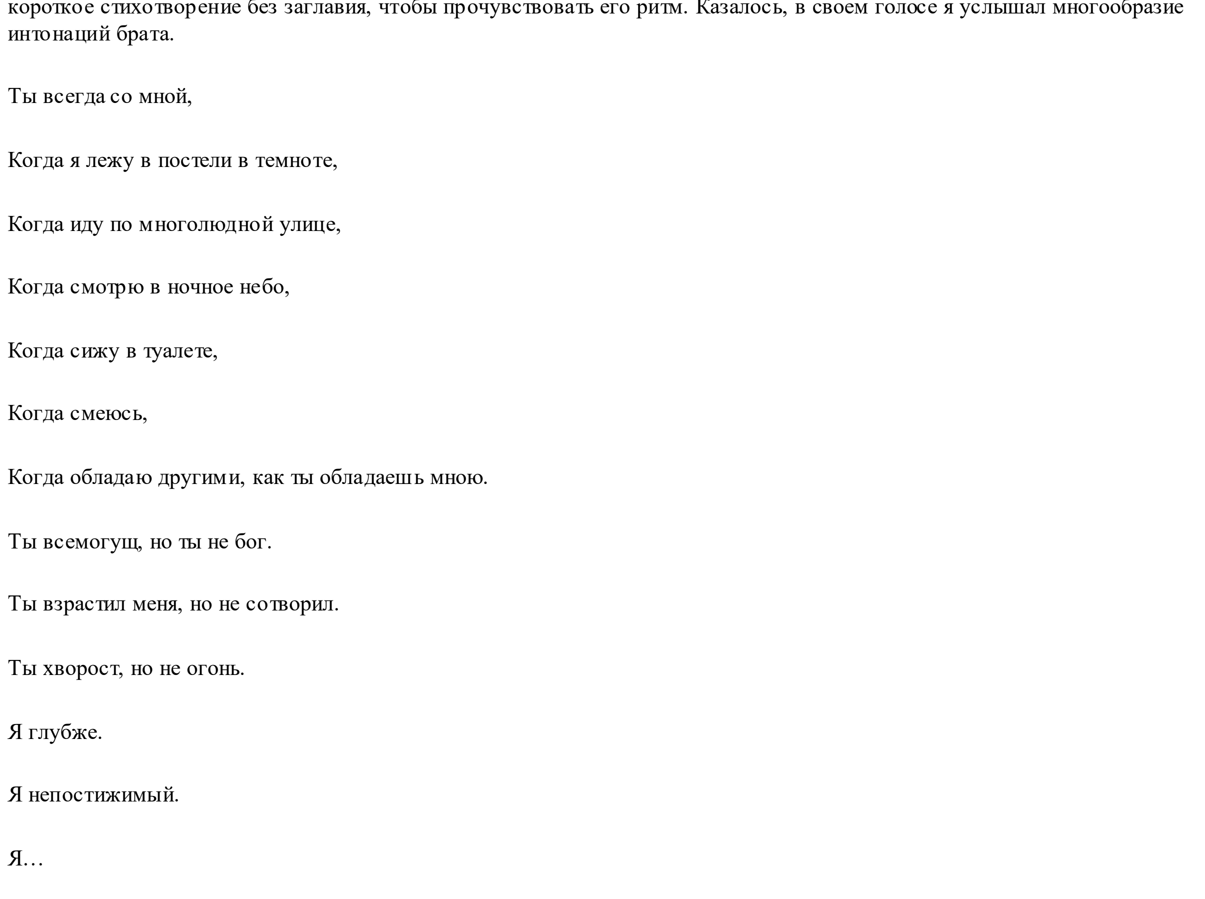
Под окном стоял холодильник. Незапертый. Я открыл дверцу. Пусто. Я запер окно. Теперь Орсону придется разбить стекло, чтобы проникнуть в дом.

Поставив свечу на туалетный столик из соснового дерева, я начал выдвигать ящики. Три верхних оказались пустыми, но когда я подергал последний, тот не поддался. Я дернул его сильнее, но он все равно не выдвигался, и тогда я ударил что есть силы ногой. Треснуло ломающееся дерево, и когда я снова дернул за ручку, ящик полностью выдвинулся из столика и упал на пол.

Спасибо тебе, Господи!

Я обнаружил пять видеокассет, пачку конвертов из плотной бумаги, коробку с микрокассетами для диктофона и три толстые тетради. Опустив свечу на пол, поднес ее к ящику и взял одну из видеокассет. Прочитал подпись, выполненную четким убористым почерком Орсона: «Джессика Горовиц, 29.05.92; Джим Йоунц, 20.06.92; Тревор Кистлинг, 25.06.92; Мэнди Соммерс, 06.07.92». Четыре имени на одной кассете, а всего кассет было пять, не считая тех трех, что я уничтожил в Вудсайде. Я отметил, что без исключения все записи были сделаны летом: в мае, июне, июле и августе, охотничьем сезоне Орсона.

Микрокассеты были помечены датами, и я предположил, что на них та же самая самозабвенная болтовня, которую Орсон в моем присутствии наговаривал на диктофон в Вермонте. Достав из ящика зеленую тетрадь на пружинах, я улегся на живот и в свете свечи принялся ее листать. Тетрадь оказалась заполнена стихами, от первой до последней страницы. Я прочитал вслух короткое стихотворение без заглавия, чтобы прочувствовать его ритм. Казалось, в своем голосе я услышал многообразие интонаций брата.

Ты всегда со мной,

Когда я лежу в постели в темноте,

Когда иду по многолюдной улице,

Когда смотрю в ночное небо,

Когда сижу в туалете,

Когда смеюсь,

Когда обладаю другими, как ты обладаешь мною.

Ты всемогущ, но ты не бог.

Ты взрастил меня, но не сотворил.

Ты хворост, но не огонь.

Я глубже.

Я непостижимый.

Я…

В двух других тетрадях были рассказы, афоризмы и отрывочные мысли человека, мечтающего о литературном творчестве. Писатель из Орсона не получился бы. Он мог сочинить красивую фразу, но в целом его проза и стихи отличались нескладностью и двусмысленностью, что обрекло бы его на провал, если б он вздумал печататься. Мне захотелось сказать ему это и то, что поэзия его прозаична. Мне захотелось, чтобы он увидел, как я сжигаю тетради и кассеты.

Оставались три больших конверта. В первом, озаглавленном «В новостях», были газетные вырезки, посвященные обнаруженным или, наоборот, необнаруженным жертвам Орсона. Второй был набит фотографиями, и я пересмотрел их все до одной. На полдюжине снимков я увидел себя самого, однако они не выставляли меня в слишком неприглядном ракурсе, чего я опасался, – даже та, на которой я смотрел на Джеффа через считаные секунды после его убийства.

На нескольких фотографиях был Лютер, творящий страшные дела. На одном из снимков он свирепо смотрел прямо в объектив мертвыми, бездушными глазами, а обе щеки у него были исцарапаны ногтями.

В третьем конверте «Досье» Орсон хранил хронологию шести кровавых лет, записанную на отдельных листах. Обратившись сразу к последнему году, я нашел краткое описание тех двух недель, которые мы провели вместе. Бегло пробежав их взглядом, задержался на последнем абзаце.

Вайоминг, 2 июня 1996 года.

Работать с ним было гораздо труднее, чем с Лютером, и он оказался далеко не таким же плодотворным, но я вижу в нем потенциал, который должен позволить ему превзойти моего первого ученика. Поэтому я его отпускаю. Еще одна неделя здесь – и он потеряет рассудок, в то время как я хочу, чтобы его ярость созрела, и тогда он будет опьянен ненавистью. Он – мой родной брат. Во многих отношениях он – это я. Я его люблю, и меньшее, что в моих силах, это представить ему его самого. Хотя я иногда подумываю о том, чтобы снова привезти его сюда, позвольте сделать одно предположение: мне это не потребуется. Он сам придет ко мне, и я никак не смогу этому помешать. Когда нужно, Энди умен и в высшей степени жесток. Если он придет ко мне, я поделюсь с ним своим дарованием, потому что он будет готов. Странно – на какое бескорыстие он меня вдохновляет.

Глава 35

Поднявшаяся над Уиндсом луна озарила снежный покров, превратив его в бескрайнее поле искрящихся голубых бриллиантов. Я поставил на керосиновый обогреватель банку со свиной тушенкой с бобами, и пока по всему дому расползался аппетитный аромат, я снова осмотрел пустыню в поисках Орсона.

Мы оставили машину в полдень, а сейчас было уже почти половина девятого вечера. Брат не смог бы продержаться так долго живым в снежной пустыне. Весь день температура не поднималась выше десяти градусов по Фаренгейту, и блуждание по снегу в не предназначенной для этого одежде уже давно должно было привести к смерти. Так что Орсон или погиб, или где-нибудь укрылся, а единственными доступными укрытиями были «Лексус», сарай и вот этот дом. Я был уверен в том, что в доме его нет. Я проверил все четыре шкафа и под обеими кроватями и был убежден, что в доме я один. Сарай сиял в лунном свете. Я видел его в окно рядом с входной дверью. Если б я собрался с духом, возможно, я вышел бы на улицу и поискал следы Орсона, ведущие к сараю. Но у меня не хватало мужества снова выйти на холод, особенно если учесть, что ноги у меня начали покрываться волдырями. «Где ты? – думал я. – И что ты задумал?»

Закончив ужинать, я уселся на пол рядом с обогревателем и взял с дивана коробку из-под обуви. Я обнаружил ее на кухне под недействующей мойкой, и в ней было полно всего, в том числе водительские удостоверения штатов Индиана, Орегон, Калифорния и Луизиана. Помимо Орсона Томаса и Дэвида Паркера, мой брат также был Роджером Гаррисоном, Брэдом Харпингом, Патриком Маллиганом и Винсентом Кармайклом. На все эти имена, за исключением Роджера Гаррисона, у него также имелись и заграничные паспорта, и, полистав их, я установил, что он много путешествовал по Европе и Южной Америке.

Однако больше всего меня порадовала другая находка: перетянутая резинкой пачка стодолларовых купюр. Я насчитал пятьдесят две тысячи восемьсот долларов – достаточно, чтобы бесследно исчезнуть.

Закрыв коробку, я бросил ее в ящик, в котором прежде хранились видеокассеты и тетради. Тщательно обследовав весь дом, пришел к выводу, что все обличающие улики были собраны в этом ящике, и мне доставило огромное облегчение, что теперь они находятся у меня в руках. Встав, я подошел к окну у двери. В миле позади сарая над пустыней вздымались высокие скалы, подобно огромным песчаным дюнам. «Орсон, – подумал я, – теперь остался только ты. Единственное, что мне нужно уничтожить».

Если Орсон придет, чтобы схватиться со мной, это произойдет ночью, однако физическое истощение полностью опустошило мое тело и сознание. Я решил поспать до полуночи. В любом случае сейчас я был совершенно ни на что не способен. Насколько я знал, Орсон, возможно, вообще никогда не вернется. Сейчас он лежит в снегу, неподвижный, словно статуя, безжизненный…

Загасив обогреватель, я прошел в спальню Орсона. Укутавшись в шерстяное одеяло, свернулся клубком на кровати, положив пистолет под подушку, а наручники – в карман. В отсутствие завывания ветра и гудения генератора единственными различимыми звуками были мои дыхание и сердцебиение.

*** * ***

Мне приснилось воспоминание: нам с Орсоном по десять лет. В баптистской церкви Терд-Крик, куда ходит бабушка, только что завершилась служба. Поскольку дело происходит в последнее воскресенье месяца, прихожане выходят на улицу, где накрыты столы. Небольшое кирпичное здание является олицетворением неказистых баптистских церквей. С полдюжины столов заставлены продуктами домашнего приготовления. Три гриля дымят с раннего утра, и августовский воздух наполнен ароматами сосисок в тесте, гамбургеров и зажаренной на вертеле свиньи.

Закончив есть, мы с Орсоном садимся под ореховое дерево и наблюдаем за тем, как батальон муравьев пиршествует брошенной арбузной коркой. Погода безоблачная и знойная, и мы с братом нещадно потеем в одинаковых голубых костюмчиках с желтыми галстуками-бабочками.

Я вижу, как она направляется к нам, аккуратно обходя вокруг семейств, устроившихся на одеялах на траве. Новенькая в нашем приходе, она в сарафане до колен того самого преждевременного желтого цвета, что и выжженная солнцем тополиная листва. Она останавливается у самой арбузной корки. Я слежу за тем, как муравей заползает ей на ненакрашеный большой палец ноги.

Она начинает говорить, и ее голос подобен визгу лезвия по точильному камню.

– Шик! Вы двое – самые очаровательные создания на свете!

Мы с Орсоном поднимаем взгляд на ее сильно напудренное лицо. У нее жесткие платиновые кудри, и от нее пахнет смесью дешевых духов.

– Вы просто прелесть! – восклицает она, и мы видим ее вставные зубы с прилипшими кусочками капусты брокколи. А вот и он – вопрос, задать который все считают своим долгом, хотя мы с Орсоном похожи друг на друга, как зеркальные отражения. – Вы двойняшки?

Господи, как же мы терпеть его не можем! Я открываю рот, собираясь сказать, что мы братья лишь по отцу, но Орсон останавливает меня выразительным взглядом. Он смотрит ей прямо в глаза, и у него дрожит нижняя губа.

– Теперь стали двойняшками, – подавленно говорит он.

– Что ты хочешь сказать, молодой человек?

– Нас было трое, но наш брат Тимми… три дня назад сгорел при пожаре.

Под пудрой ее лицо заливается краской, и она закрывает рукой рот.

– Шик! Ой, извините, я не хотела… – Она присаживается на корточки, и я щиплю себе лодыжки, чтобы не рассмеяться. – Ну, теперь он рядом с Иисусом, – тихо добавляет она, – поэтому…

– Нет, Тимми не успел исповедоваться, – перебивает ее Орсон. – Он собирался сделать это сегодня. Как вы думаете, он в аду у сатаны? Я хочу сказать, те, кто не успел искупить свои грехи, отправляются в ад, правильно? Так сказал наш священник.

Она поднимается на ноги.

– Вам лучше поговорить об этом со своими родителями. Шик.

Ее деланое веселье испаряется, она устремляет взгляд в примыкающий к церкви лес. Во всей своей косметике она напоминает мне грустного клоуна.

– Шик. Ну, я ужасно сожалею, – говорит она.

Проводив взглядом, как она возвращается к толпе прихожан, мы с Орсоном бежим за ореховое дерево и хохочем так, что у нас на щеках блестят слезы.

***

Проснувшись, я обнаружил, что сижу в кровати Орсона, приставив к виску дуло «Глока». Теперь меня уже больше ничто не удивляло. Выбравшись из-под одеяла, я прошел в гостиную, держа пистолет в руке. Без тепла керосинового обогревателя дом быстро остыл, и я нагнулся, собираясь нажать кнопку электрического стартера, но тут у меня кровь застыла в жилах: я вспомнил сон и странный нервный тик той женщины: шик, шик, шик. Вместо того чтобы включить обогреватель, как намеревался, я отпер засов и приоткрыл входную дверь. В дом потопом ворвался морозный ночной воздух.

Я не выходил на улицу с тех самых пор, как вчера вечером пришел в дом, и мои следы вели на юг к машине. От прилива адреналина все до одного волоски у меня на затылке встали дыбом: еще одна прямая цепочка следов, оставленных не мною, протянулась от сарая к крыльцу и вверх по ступеням к входной двери, у которой я сейчас стоял. Орсон где-то в доме. Закрыв дверь, я передернул затвор, жалея о том, что не оставил в каждой комнате по горящей свече. Шагнув в красный мрак, прищурился, всматриваясь в углы кухни и гостиной, стараясь уловить малейший звук – шум дыхания или гулкий стук сердца.

Продвигаясь крадущимся шагом из гостиной по коридору, я гадал, следит ли сейчас за мной Орсон. Дверь в соседнюю спальню была приоткрыта, и я не смог вспомнить, я ли оставил ее так. Приблизившись бесшумно к двери, я пинком распахнул ее и ворвался внутрь, обводя темноту пистолетом, держа палец на спусковом крючке, готовый к тому, что Орсон набросится на меня. Однако комната была такой, какой я ее и оставил, – пустой.

Я вернулся в коридор. «Теперь твоя комната, брат. Ты наблюдал за мной, пока я спал». Отбросив страх, я переступил порог. Единственной частью комнаты, скрытой из виду, была противоположная сторона шкафа. Подняв «Глок», готовый выстрелить, я метнулся вперед, начиная выбирать свободный ход спускового крючка еще до того, как моему взору открылась «мертвая зона» между шкафом и морозильником. Однако Орсона там не было.

Мне оставалось осмотреть только четыре шкафа, но я не мог себе представить, что Орсон втиснулся в один из них. Все они были забиты битком – в одном хранились консервы и крупы, в другом стояли канистры с соляркой, бутыли с водой и мотки веревки. К тому же я непременно услышал бы, как Орсон громыхает там в темноте.

Я вышел из его спальни. Еще два встроенных шкафа были по обеим сторонам коридора длиной двенадцать футов, соединяющего спальни с гостиной. Ты ждешь, когда я снова пройду мимо, чтобы резко распахнуть дверь, ударив ею меня в лицо. Я быстро пробежал по коридору в гостиную.

Остановившись у холодного обогревателя, я начал разрабатывать план, чтобы выкурить Орсона, но тут капля воды упала мне на лысину. Талый снег. Наверху над головой скрипнуло дерево, и я поднял взгляд на балки перекрытий. От одного из них отделилась тень, и что-то тупое и твердое с силой ударило меня по затылку.

* * *

Очнулся я на полу. «Глока» не было. Я с трудом поднялся на ноги. Красный мрак крутился, пронзенный вспышками света. Мне это снится?

Острие ножа, скользнув между правой рукой и торсом, прикоснулось к солнечному сплетению. Я увидел рукоятку из слоновой кости, а когда ощутил за ухом дыхание Орсона, моча стекла струйкой по моей ноге и собралась лужицей под босой ступней. Когда я попытался отпрянуть, лезвие прижалось к горлу.

– Этот нож перережет тебе шею, словно кусок пастилы.

– Не убивай меня!

– Что это там звенит? – Протянув руку, Орсон ощупал карман спортивных брюк. – Очень кстати. – Достав наручники – ключ по-прежнему в замке, – он защелкнул браслет на моем левом запястье. – Давай другую руку.

Я завел за спину правую руку, и Орсон сковал и ее.

– А теперь веди меня, – прошептал он, прижимая лезвие к моему горлу. – В сарае тебя ждет сюрприз.

Глава 36

Хотя и босой, я не чувствовал под ногами холодный лед. Вероятно, в свете тонкого серпа полумесяца наши лица казались синюшными и зловещими. Окружающая ночь выглядела сюрреалистичной, и я подумал: «Меня здесь нет. Я не иду вместе с

братом к этому сараю». Орсон держался совсем близко, тяжело дыша и кряхтя, словно ему приходилось прилагать усилия, чтобы не отставать от меня. Уход в себя или обморожение, а может быть, и то и другое. Дойдя до двери сарая, я остановился и обернулся. Орсон ковылял следом, держа в трясущейся руке «Глок». В лунном свете я разглядел его лицо – кончики ушей почернели, щеки, губы и лоб мертвенно-бледные от мороза.

– Ты жадно пил пахту, – усмехнулся он. – Заходи. Дверь не заперта.

Я толкнул дверь плечом, и она отворилась. Когда я увидел то, что сделал Орсон, у меня колени подогнулись от страха. Внутри сарай был заполнен свечами – десятки свечей горели на полу и на полках. Бесчисленные тени плясали на бетонном полу, на стенах, на балках перекрытий. Я увидел железный столб, кожаный ошейник, кусок пленки, расстеленный на полу, чтобы собирать мою кровь.

– Все это для тебя, – прошептал Орсон. – Смерть при свечах.

– Орсон, пожалуйста…

Кончик ножа воткнулся мне в спину, принуждая войти в дверь. Проходя по бетонному полу, я смотрел на дыру в стене в дальнем углу. Предположительно, Орсон весь день прятался под снегом, а с наступлением темноты пробрался сюда. Выломанная сосновая доска лежала на полу.

– На пленку! – приказал Орсон.

Увидев, что я медлю, он сделал три шага ко мне и направил «Глок» в левое колено. Я тотчас же шагнул на пленку и опустился на колени.

– Ложись на живот! – приказал Орсон, и я распростерся на полу.

Орсон натянул ошейник мне через голову и застегнул на шее, и я почувствовал запах кожи, а также запах пота, крови, слез и слюны несчастных, побывавших в этом ошейнике до меня. Я проникся жутким родственным чувством к этим обреченным созданиям. Теперь мы кровные родственники – страшные дети Орсона. Взяв в углу табурет, папочка уселся на него так, чтобы до него нельзя было достать.

Засунув «Глок» за пояс джинсов Уолтера, Орсон достал из кармана точильный брусок и начал водить по нему лезвием: вжик, вжик, вжик. Наблюдая за его работой в тусклом желтоватом свете свечей, расставленных вокруг куска пленки, я остро чувствовал, как впиваются мне в запястья наручники.

Это были мои собственные наручники. Они были у меня со Дня всех святых 1987 года, когда нам с Софи, моей тогдашней подругой, преподнес их в шутку один знакомый. Сначала подарок нас несколько смутил, но уже следующей ночью я приковал Софи к спинке кровати. Впоследствии я сковывал этими наручниками и других женщин и позволял им сковывать меня. Я сковал ими Орсона. И вот теперь он сковал меня. Долбаная прочная сталь!

Я уселся лицом к Орсону. Переполненный отчаянием, я незаметно попытался разорвать наручники, и когда руки у меня начали неметь, я напрягся еще сильнее. В «Поджигателе» главный герой Сиззл – человек, сжигающий людей живьем, – разрывает цепочку между браслетами наручников, сидя в патрульной машине, после чего убивает арестовавшего его полицейского. Продолжая что есть сил разводить руки в стороны, я вспомнил посвященный этому абзац, которым я очень гордился: «Цепочка лопнула, у О’Малли хрустнула шея, Сиззл перебрался за руль и вытолкнул полицейского на мокрый асфальт». *Вот так просто. Так порви же и ты.*

– Ты напрасно тратишь свои драгоценные силы, – небрежно заметил Орсон, изучая зазубрину на лезвии. – Когда ты поднес зажигалку к моему глазу, я не смог порвать наручники. – Он продолжил точить нож, теперь уже глядя на меня. – Тебе оказываешь одну любезность за другой, и вот как ты за это отплачиваешь! Это же предательство.

У меня во рту пересохло; слюны не осталось совсем.

– Не представляю себе, что ты вкладываешь в понятие «любезность»…

– Все это было для тебя, – перебил меня Орсон. – Вашингтон, мама. Мы с тобой могли бы добиться поразительных результатов, брат. Я смог бы освободить тебя. Как я освободил Лютера. Понимаешь, я тоже показал ему его отражение в зеркале. Помог ему увидеть демона. И он не плюнул мне в лицо. – Он начал тыкать себя ножом в щеки, соскребая кожу, словно ему доставляла

удовольствие полная потеря чувствительности кожных покровов; в нескольких местах из ранок выступили капельки крови. – Ты заявился ко мне домой, – продолжал Орсон. – Когда я спал. Ты меня истязал. – Он пристально посмотрел мне в глаза. – Ты меня напугал, Энди. А этого не должно было случиться.

– Клянусь…

– Знаю – ты никогда больше не пойдешь против меня. Энди, когда человек знает, что его смерть неминуема, он пообещает все что угодно. Как-то раз я потрошил одного типа, и он сказал мне, что над ним издевалась родная бабушка. Просто выложил это в промежутке между криками, словно это могло что-либо изменить. – Орсон печально рассмеялся. – Ты будешь разговаривать со мной, когда я вскрою тебе грудь? Нет, уверен, ты будешь только вопить.

Он встал с табурета. Здоровенная красная свеча, ароматизированная корицей, стояла на полке у двери. Орсон поднес лезвие ножа к пламени и достал из-за пояса «Глок».

– Выбирай, какое колено, – сказал он.

– Зачем?

– Увечье. Мучение. Смерть. В таком порядке. Все уже началось. Выбирай, какое колено.

Меня захлестнуло бесконечное спокойствие. *Ты не сделаешь мне больно.* Поднявшись на ноги, я посмотрел брату в лицо, вызывая ту угасшую любовь, которая когда-то нас связывала.

– Орсон, давай поговорим…

Пуля с полым наконечником впилась в мягкие ткани моего левого плеча. Упав на колени, я увидел, как на пленку струится кровь. Почувствовал запах пороховых газов. Почувствовал запах крови. И отключился.

* * *

Я лежал на куске пленки на спине, уставившись на балки перекрытий. Руки у меня по-прежнему были скованы за спиной. Я попытался пошевелить ногами, но они были грубо связаны толстой, жесткой веревкой. Сто восемьдесят пять фунтов обрушились мне на ребра, и я застонал.

Усевшись на меня верхом, Орсон достал из пламени большой красной свечи нож. На пленку уже успела накапать лужица парафина. Стальное лезвие сияло оранжевым светом, словно раскаленная лава. От него исходили струйки дыма.

Я был в футболке, трусах и рваном свитере. Лезвие легко рассекло обуглившуюся ткань, начиная снизу и до воротника. Разрезав на мне одежду, Орсон обнажил голый торс. Волоски у меня на груди шевелились в едва уловимых потоках воздуха, образованных пламенем свечей в ледяном сарае. Мне показалось, что сквозь оглушительный стук своего сердца я расслышал в пустыне какой-то звук, отдаленное завывание, подобное писку кружащегося возле уха комара.

– Ого! Только посмотри, как часто у тебя стучит сердце! – сказал Орсон, положив руку на мою судорожно вздымающуюся грудь. Он похлопал меня по грудине. – Сейчас я начну ее перепиливать. Ты уже горишь нетерпением?

Когда острие ножа встретилось с моим левым соском, я стиснул зубы и напряг все мышцы, как будто это могло помешать огненному лезвию проникнуть в мою плоть.

– Спокойнее, – сказал Орсон. – Мне нужно, чтобы ты расслабился. Так будет больнее.

Он переместил нож на два дюйма левее соска и слегка надавил. Кончик вошел в тело на одну восьмую дюйма. Сталь оказалась невыносимо холодной. Я поежился, наблюдая за тем, как лезвие описало неровную окружность диаметром около четырех дюймов. Струйка крови стекла вниз, собираясь в пупке в лужицу. Работая, Орсон разговаривал со мной. Его монотонный голос обладал умиротворенностью психопата.

– Две трети сердца находятся слева от грудины. Поэтому я обозначаю ориентир, по которому буду работать. – Он вздохнул. – Знаешь, я обучил бы тебя этому. На ком-нибудь другом. Взгляни вот на это. – Он поднес кончик ножа к моим глазам, чтобы я

увидел кровь, стекающую по янтарной рукоятке. – Знаю, пока что ты ничего не чувствуешь, – продолжал Орсон. – Это действие адреналина. Болевые рецепторы отключены. – Он усмехнулся. – Но долго так не продлится. Скрыть сильную боль уже не получится.

– Орсон! – взмолился я, чувствуя, что у меня вот-вот хлынут слезы. – А как же насчет подарка?

Брат озадаченно посмотрел на меня, затем, вспомнив, сказал:

– А, подарок… Какой ты у нас любопытный! – Он прижал губы к моему уху. – Подарком был Уиллард.

Обхватив левой рукой мой лоб, Орсон правой стиснул нож.

– Порой я гадаю, Энди, а что, если б он выбрал тебя?

Раздался стук в дверь. Орсон застыл.

– Мне нужно, чтобы ты подал свой голос, – шепнул он, поднимаясь. – Клянусь всем чем угодно, ты проживешь еще несколько дней.

Положив нож на табурет, он подошел к двери и достал «Глок».

Из-за двери донесся голос Перси Мэддинга:

– Дейв, ты там? У тебя всё в порядке?

Я постарался сесть.

Орсон выпустил восемь пуль в дерево на уровне пояса. Оглянувшись на меня, он усмехнулся.

– А вот это, Энди, называется…

Выстрел из ружья разнес в щепки дверь, и грудь Орсона приняла полный заряд дроби из обоих стволов. Свинцовый град, словно гигантской рукой, сбил его с ног и швырнул навзничь на землю. Оглушенный, он попытался подняться на четвереньки, глядя на меня. Кровавые капли упали из простреленной груди на бетонный пол. Ворвавшись в сарай, Перси ногой выбил пистолет у Орсона из рук. Брат пополз было ко мне, но бессильно рухнул на пол. Его булькающее дыхание вырывалось с трудом.

Поставив двустволку к стене, Перси подошел к столбу и присел на корточки рядом со мной. Судя по его хриплому дыханию, он был ранен. Перси недоуменно посмотрел на столб, на ошейник, на кусок пленки, на неровный окровавленный круг у меня на груди.

– Ключ от наручников у него при себе? – спросил он, теребя белые как снег усы.

Голос прозвучал твердо, однако руки у него тряслись. Я кивнул, Перси подошел к Орсону и, порывшись у него в карманах, достал ключ. Он приказал мне перевернуться на живот, затем, расстегнув наручники, достал из ножен на ремне охотничий нож и перерезал веревку, которой были связаны мои ноги.

– Ты ранен? – спросил я.

Перси потрогал бок. На куртке защитного цвета вокруг отверстия в ткани расплывалось алое пятно.

– Пустяки, царапина, – сказал он, глядя на то, как я расстегиваю ошейник. – Вижу, ты тоже получил пулю в плечо. Они с полым наконечником, да?

– Так точно.

– Значит, она осталась там. – Подойдя к Орсону, Перси приложил два пальца к его шее. – И это твой родной брат? – спросил он, стараясь нащупать пульс.

Я молча кивнул.

– Матерь божья, что он с тобой сделал?

Я ничего не ответил.

– Пожалуй, нам нужно поскорее к врачу.

Поднявшись на ноги, я направился к двери.

– Сначала мне нужно забрать кое-что из дома, – сказал я. – Ты мне не поможешь?

– Конечно, приятель.

Оставив невидящие глаза Орсона открытыми, Перси захватил ружье и вышел следом за мной через разнесенную в щепки дверь на снег. Он крикнул что-то насчет моего друга, однако мое учащенное дыхание заглушило его голос, а переспрашивать я не стал. Плечо у меня горело.

Перед домом стоял снегоход. Подойдя к крыльцу, я обернулся и увидел, что Перси ковыляет шагах в пятнадцати позади, зажимая левой рукой бок, держа в правой ружье.

Войдя в дом, я закрыл за собой дверь. В полумраке я ничего не видел. И Перси также ничего не увидит. Выглянув в окно, я увидел, как он бредет по снегу, освещенный фарой снегохода. Отступив от окна в тень, чтобы меня не было видно, я подумал: «Нужно будет просто его оглушить. Еда здесь есть, и рана у него несерьезная. Рано или поздно его найдут. Иного выхода нет». Сапоги Перси застучали по ступеням.

Я осторожно отступил к двери, чтобы оказаться у него за спиной, когда он войдет в дом.

– Дейв! – крикнул он, распахивая настежь входную дверь. – Что ты там говорил насчет…

Аммиак.

Теплое дыхание пощекотало мне затылок.

Обернувшись, я оказался лицом к лицу с Лютером, улыбающимся в темноте.

Эпилог

Лютер встречает утро с улыбкой. Выбравшись из кровати, он надевает джинсы и два свитера, выходит в гостиную и улыбается окоченевшей собаке Перси на каменном полу.

Пока варится кофе, Лютер выходит на крыльцо. Из низко нависших туч лениво валятся крупные снежные хлопья.

– Привет, ребята!

Орсон и Перси ничего не отвечают. Они сидят в креслах-качалках по обе стороны от двери, неподвижные словно каменные изваяния, устремив немигающие взоры в пустыню, в пустоту. Оба злятся на Лютера, поскольку он заставил их просидеть всю ночь на улице на морозе.

Усевшись на ступенях, Лютер прислушивается, но пока что ничего не слышит. Но ничего страшного тут нет. Времени всего 10.45. Позади сарая на снегу мелькает бурая точка – койот, ищет, чем бы поживиться. Ночью койот выл на луну и разбудил Лютера.

Лютер различает едва уловимый рокот. Лениво поднявшись на ноги, он потягивается и берет со стола двустволку Перси. Положив ее рядом с собой на крыльцо, снова садится на ступени и ждет.

По пустыне мчится снегоход – черная точка, скользящая по снегу.

Жена Перси подъезжает к крыльцу и останавливается рядом со снегоходом своего покойного супруга. Она в темно-коричневом нагруднике и черном пуховике. Сняв шлем, спрыгивает в снег, доходящий ей до пояса. У нее такое же обветренное морщинистое лицо, как и у Перси; длинные седые волосы ниспадают ниже плеч. Улыбнувшись Лютеру, она опирается на снегоход, чтобы перевести дыхание. В зеркальных стеклах ее очков Лютер видит два отражения бревенчатого дома.

– Привет, – весело здоровается он. – Вы Пэм, так?

– Точно.

– Перси любезно согласился вчера вечером подбросить меня сюда. Я очень тревожился о своих друзьях, застрявших здесь в буран.

– Ну, я признательна вам, ребята, за то, что вчера вы составили ему компанию. Перси, я захватила ящик с инструментом, так что, будем надеяться, мы починим твой снегоход и вернемся на нем домой. Я всегда говорила ему, что вытрясу из него душу, если он уедет без мобильника. Что ты на это скажешь, Перси? – Пэм оглядывается на своего мужа, сидящего слева от Лютера.

– Вы заявили о том, что он пропал без вести? – спрашивает Лютер, подавляя очередную волну головокружения.

Шагнув вперед, Пэм склоняет голову набок, вопросительно глядя на мужа. Лютер достает из кармана два патрона с дробью.

– Нет, поскольку я услышала ваш сигнал, – говорит Пэм, не глядя на него. – Эй, Перси!

Сняв солнцезащитные очки, она пристально смотрит на мужа, затем оборачивается на Лютера. С мыска его левого сапога на снег стекает кровь.

– Черт возьми, что с ним?

– О, он мертв.

Пэм улыбается, как будто Лютер остроумно пошутил, и делает еще шаг вперед. Увидев горло Перси, она оглядывается на Лютера, на Орсона, после чего кричит. Позади сарая в воздух с громким карканьем взлетает ворона. Развернувшись, Пэм бежит к своему снегоходу.

Лютер переламывает ружье пополам и вставляет патроны в стволы.

* * *

Три часа спустя он нежится на крыльце, потягивая из кружки черный кофе. Доброта ему не чужда. Он позволил Пэм и Перси сидеть бок о бок и даже устроил так, что рука Пэм лежит на коленях у мужа. Они замерзнут вместе. В этом есть что-то романтичное.

– Ребята, я приведу вам нового друга, – говорит Лютер. – Как вы на это смотрите? – Повернувшись к Орсону, он хлопает его по спине – арктической глыбе льда. – А вы не очень-то разговорчивые, да?

Лютер фыркает.

Теперь он считает, что превзошел своего учителя и достиг совершенства. У него в груди горит возбуждение.

Еще одна ниточка теплой крови стекает по его бедру…

Лютер приходит в себя, лежа на спине и уставившись в потолок навеса над крыльцом. Пролитый в шерсть свитера кофе уже превратился в сосульки. Лютер садится. Тучи рассеялись, низко опустившееся солнце наполовину скрылось за белыми скалами вдалеке. Перед глазами у него мельтешат черные точки – предвестники приближающейся смерти. Под ногами на деревянном полу замерзла лужица крови, розовая в свете угасающего солнца. Ему очень холодно. Боль вернулась, но он не откликается на нее хныканьем, как поступили бы другие. Его невозможно остановить, хотя скоро ему нужно будет уходить отсюда, если он собирается справиться с той пулей, которую всадил в него Эндрю Томас.

Лютер встает, берет ружье и, пошатываясь, возвращается в дом. В конце коридора он отпирает дверь в спальню для гостей и ударом ноги распахивает ее настежь.

Эндрю Томас неподвижно лежит на кровати.

– Вставай! – приказывает Лютер.

Он не заходил в комнату со вчерашнего вечера, после того как притащил сюда Эндрю. Громко застонав, тот старается сесть, откинувшись спиной на бревенчатую стену. Несмотря на то что он укутан в плед, Эндрю ежится от холода, его дыхание вырывается облачками пара.

– Идем со мной! – приказывает Лютер.

Эндрю подавленно смотрит на него.

– Я слышал выстрел из ружья. Они все мертвы?

– Идем со мной!

Брат Орсона опускает взгляд на пол, у него на глазах наворачиваются слезы.

– Просто убей меня!

Лютер чувствует, как под ним подгибаются ноги. Прислонившись к стене, не обращая внимания на кровь, капающую с отворота джинсов, он пытается прицелиться. Однако ружье выскальзывает у него из рук, и он сползает на каменный пол.

* * *

Я поднимаю ружье с пола и прикасаюсь пальцем к спусковому крючку. Приставив оба дула Лютеру к груди, ощущаю вкус безумия – и, о господи, какой же он сладостный! Хочу нажать на спусковой крючок, ощутить, как отдача воткнет приклад мне в плечо, увидеть, как Лютер истечет кровью на каменном полу. Короче говоря, я изнываю от желания его убить – и именно поэтому я этого не делаю.

* * *

Я вытаскиваю Лютера, еще живого, но уже угасающего, на крыльцо и привязываю его семьюдесятью футами веревки к последнему свободному креслу-качалке. Затем беру красное шерстяное одеяло, которое я взял с кровати Орсона, и накрываю им Перси Мэддинга и женщину рядом с ним – предположительно, его жену. Мне хочется похоронить их, но земля под слоем снега промерзла. Это все, что я могу сделать для человека, который спас мне жизнь.

После того как мне удалось закрыть замерзшие веки Перси, я отхожу от дома по глубокому снегу, останавливаюсь и оборачиваюсь на мертвых и умирающего.

Прощальные лучи холодного солнца расцвечивают золотом картину на крыльце, которая навсегда останется у меня в памяти: Перси Мэддинг, его жена, Орсон и Лютер Кайт, каждый в своем кресле-качалке, – трое мертвых, один при смерти.

Лютер заговаривает, и я вздрагиваю от неожиданности. Его бьет дрожь, зубы неудержимо клацают. Я не могу себе представить, что он доживет до утра. Интересно, он умрет от потери крови или же первым его приберет к себе мороз?

– Эндрю, у тебя на лице написан ужас, – говорит Лютер. – В чем дело?

– Я в ужасе от всей этой крови, Лютер.

– Все мы жаждем крови. Это в нашей природе. Война, насилие и кровь, много крови. И не пытайся меня убедить в том, что тебе это ничего не говорит.

Черные волосы Лютера ниспадают на бледное, бескровное лицо. Он ждет моего ответа, но я ничего не могу ему сказать.

Наконец я подхожу к своему брату. Наклоняюсь к самому его лицу. Глаза Орсона остались открытыми, губы застыли в едва уловимой усмешке. Меня захлестывает ярость при мысли о Мэддингах и всех остальных человеческих существах, беспощадно загубленных братом, и я кричу ему в лицо, наполняя своим гневным голосом пустыню:

– И это, по-твоему, красота, Орсон? Это истина?

После чего, как будто приступ лихорадки проходит, я заливаюсь слезами.

* * *

Я скольжу по снегу на восток, в направлении шоссе номер 191, под бескрайним багрянцем вайомингского неба, и по мере того как бревенчатый дом остается все дальше позади, безумие утихает. Я думаю о том, умер ли уже Лютер. Я думаю о многих вещах.

Лыжи скрежещут по асфальту, и я останавливаю снегоход на противоположной стороне дороги. Спешившись, отстегиваю два чемодана, наполненных одеждой и содержимым ящика в комнате Орсона. Сажусь на обочину. Шоссе расчищено – на асфальте лишь тонкий слой наметенного снега. Все вокруг неподвижно. Левая рука у меня пульсирует болью, но, к счастью, Перси ошибся. Пуля прошла навылет – сегодня утром я извлек из плеча расплющенный кусочек свинца.

Солнце скрылось. Ночное небо начинает заполняться древними образами звезд и планет.

У меня за спиной над Уиндсом карабкается вверх луна, и ее свет отбрасывает мою длинную тень на дорогу. Пустынное белесое шоссе простирается на север и юг покуда хватает глаз.

Мне очень холодно. Я встаю и начинаю притоптывать. Вместо того чтобы снова усесться на обочину, захожу в глубокий сугроб и падаю навзничь, раскинув руки в стороны. Я лежу на спине, окруженный белыми стенами, и вижу только один космос, и чувствую упорное проникновение холода в организм.

Мои мысли становятся наэлектризованными.

Я думаю о стихах Орсона. Полных вызова. Возможно, мужественных.

Если б мы тогда не вошли в тот тоннель, мы по-прежнему оставались бы в этой пустыне.

Мама…

Уолтер…

Я не вернусь в Северную Каролину.

По мере того как холод усиливается, безумие отступает и мой рассудок проясняется.

Меня охватывает умиротворенность.

* * *

Я уже почти сплю, когда до меня доходит отдаленное ворчание автомобильного двигателя. Какое-то время я раздумываю, не следует ли мне остаться в снегу и умереть. Я уже перестал дрожать, по всему моему телу разливается обманчивое ощущение тепла.

Сделав усилие, я сажусь в снегу. Приближается свет фар, направляющийся на север из Рок-Спрингс. Я поднимаюсь на ноги, стряхиваю с одежды снег и с трудом бреду к дороге. Это фура, предполагаю я. Встав на прерывистой разметке, дожидаюсь, когда в меня ударит свет фар, и начинаю размахивать руками.

К моему несказанному удивлению, в десяти шагах от моего пояса останавливается бампер большого белого внедорожника.

При моем приближении со стороны водителя опускается стекло, и мужчина, на несколько лет моложе меня, улыбается до тех пор, пока не замечает у меня на лице черные ссадины. Облокотившись на приборную панель, его миловидная жена с опаской смотрит на меня. Половина ее лица освещена голубым отсветом часов на приборной панели. На заднем сиденье спят трое детей, улегшись друг на друга и переплетя конечности.

– У вас все в порядке?

– Не знаю. Просто… Мне нужно добраться до ближайшего города. Любого, куда вы едете. Пожалуйста!

Мужчина оглядывается на свою жену. Та поджимает губы.

– Где ваша машина?

– У меня нет машины.

– В таком случае как вы сюда попали?

– Пожалуйста, подбросьте меня до ближайшего города. За всю ночь ваша машина единственная проехала по этому шоссе.

Мужчина снова вопросительно переглядывается со своей женой.

– Послушайте, мы направляемся к родственникам в Монтану, – говорит он. – Но до Пайндейла миль пятьдесят. Мы можем подвезти вас туда. Забирайтесь назад.

– Спасибо. Я только возьму свои вещи.

– Ричард! – бормочет женщина.

Забрав из снега чемоданы, я подхожу к джипу сзади. Открыв заднюю дверь, ставлю вещи в багажник и забираюсь туда сам.

– Только, пожалуйста, не шумите, – шепотом предупреждает меня жена. – Мы хотим, чтобы ночью они спали. – Она указывает на детей так, словно демонстрирует мне ювелирные украшения.

Заднее сиденье снято, поэтому я устраиваюсь на полу среди семейных пожитков: красной канистры с питьевой водой, холщовых сумок, чемоданов, корзины для белья, заполненной игрушками. Упираясь ногами в чемоданы, сворачиваюсь клубком, кладу голову на канистру и подбираю колени к груди. Машина трогается, и я смотрю в заднее окно на залитую лунным светом ленту шоссе, которая все быстрее и быстрее разматывается под колесами.

Полчаса мы поднимаемся вверх по склону. Затем едем по плато, и я оглядываюсь назад на унылую долину, пытаясь различить в море снега две черные точки.

Сидящая спереди женщина шепчет своему мужу:

– Какой же ты у меня замечательный, Рич!

Она гладит его по затылку.

Теплый воздух из сопел отопителя дует мне в лицо, динамики издают убаюкивающее океаническое присутствие: редкие звуки пианино, шум волн, крики чаек, размеренный мужской голос, читающий Священное Писание.

И в то время как Орсон, Лютер и Мэддинги коченеют на крыльце бревенчатого дома, в тишине бескрайней пустыни, я купаюсь в умиротворенном детском дыхании.

Примечания

1

Р. Фрост «Пространства», пер. В. Топорова. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

«Гадальное печенье» – печенье из двух половинок, между которыми вкладывается листок с шутливым предсказанием или пророчеством.

3

35 градусов Цельсия.

4

Кормак Маккарти (р. 1933) – американский писатель, автор эпического антивестерна «Кровавый меридиан».

5

У. Шекспир «Макбет», перевод Ю. Корнеева.

6

«Полые люди» – поэма английского поэта американского происхождения Т. С. Элиота (1888–1965).

7

Верный Старик – один из самых известных гейзеров Йеллоустоунского национального парка, пробуждается через строго определенные промежутки времени.

8

Роберт Ли Фрост (1875–1963) – американский поэт, воспевавший связь человека с природой.

9

Пер. В. Черешни.

10

«Латур» – обобщенное название изысканного вина, произведенного в «Шато Латур», французском винодельческом хозяйстве, расположенном в округе Медок, регион Бордо.

11

Дэвид Мамет (р. 1947) – американский драматург и театральный режиссер.

12

Имеются в виду персонажи романа американского писателя Ф. Скотта Фитцджеральда «Великий Гэтсби» Джей Гэтсби, загадочный нувориш, и его бывшая возлюбленная Дейзи.

13

«Эллипс» – неофициальное название Президентского парка, вплотную примыкающего к Белому дому; доступ в парк открыт для всех желающих.

14

Кипарисовик – дерево с пирамидальной кроной, напоминающее тую.

15

Одилон Редон (1840–1916) – французский живописец и график, один из основоположников символизма.

16

Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт, художник, гравер.

17

Симония – продажа и покупка церковных должностей и священного сана в Средние века.

18

Внешние отмели – цепь узких песчаных островов вдоль побережья Северной Каролины, славятся своими пляжами.

19

Bluff – скала (*англ.*).

20

Орегонская тропа – дорога, сыгравшая важную роль в освоении Дикого Запада в XIX в. Начиналась в г. Индепенденсе на р. Миссури и вела через Скалистые горы на Тихоокеанский Северо-Запад.

21

Джон Китс (1795–1826) – английский поэт-романтик.
